

Подарок из прошлого

18+

Акулов Николай

Николай Акулов
Подарок из прошлого

«Автор»

2023

Акулов Н. Н.

Подарок из прошлого / Н. Н. Акулов — «Автор», 2023

Жизнь обычного Питерского школьника резко изменилась, когда он нашёл в подземном переходе невзрачный на вид браслет. Тот оказался неизвестным прибором с необычными свойствами. И начались приключения. Все приключения главного героя книги выдуманы от начала до конца. Совпадения случайны, и автор приносит за них заранее извинения.- Вся жизнь - игра, - сказал поэт. Писатель выдумал сюжет. Стилист ошибки перебрал. А я всё в книгу написал. Теперь на суд вам представляю. Оваций я не ожидаю. Но, может, капельку добра я в ваши зароню сердца? И это будет всем наградой. Младым – надежда, старикам – услада!

© Акулов Н. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1.	6
Сон.	24
Глава 2.	26
Глава 3.	38
Глава 4.	53
Глава 5.	68
Глава 6.	82
Сон.	90
Глава 7.	94
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Николай Акулов

Подарок из прошлого

“Мы научились летать в небе, как птицы.
Мы научились плавать под водой, как рыбы.
Осталось научиться жить на Земле, как ЛЮДИ”.
= Бернанд Шоу =

Глава 1.

Всё началось с того, что Виктор в годовом табеле принёс две тройки – по русскому и литературе. Это было не смертельно, но до чёртиков обидно. Из-за них он "пролетал" с отдыхом в открывшемся в позапрошлом сезоне скаутском лагере "Дроздовец". И это тоже не главное. Главное то, что он не сдержал слово, данное отцу. А всё из-за этого классного "хулигана" Киселёва. Он так хитро поймал его на «слабо», что Виктор сразу и не врубился. А когда понял, было уже поздно. Вдобавок, этой дурацкой шуткой он сильно обидел учительницу литературы и русского языка Светлану Николаевну, которая души в нём не чаяла. Ведь это его сочинения ежегодно блистали на областных литературных олимпиадах. Виктор, конечно, горько раскаивался, что попался на хитрость Киселёва, но поезд, как говорят, уже ушёл. Светлана Николаевна вlepила ему по двойке и не вызывала к доске до конца четверти. И лишь за сочинение, поставив две четвёрки, вывела за год хиленькие троечки.

Дома мама сразу же ринулась его защищать. Ещё бы, в его комнате полстены завешаны дипломами и почетными грамотами с олимпиад и конкурсов по литературе, а тут позорная тройка. Но Виктор очень серьёзно посмотрел маме в глаза и сказал, что виноват он сам. И, странное дело, мама как-то сразу успокоилась, согласилась: – ничего, в следующем году исправишь; – и ушла разогревать обед. Отец вечером на ужине лишь развёл руками, что договор, мол, дороже денег. В результате через три дня Виктор ехал в деревню к деду Степану, напевая свою любимую песню группы "Патриот":

Выстрел! Снайпер, чёрт, в кустах! Вон на том пригорке!
Ну-ка, кинь ему сюрприз, браток, из-под стволки!
Полетела! Всё, готов! Будешь знать, волк, наших!
Санитары – мы – лесов, задирай-ка лапы!

Не дрожи, коль здесь в строю ты.
смерть одна всего лишь!
Если взгляд опустишь в землю,
то убить позволишь!

Выстрел! Сволочь, тот чердак! Заходи, брат, справа!
Вон он лезет по трубе, обезьяна, прямо.
Брать живьём! Как повезёт. Нужен нам заказчик!
Снайпер, вряд ли знает, что, он же просто пальчик!

Отблеск оптики, назад! Грудь я сам подставил!
Эй, держись! Ты слышишь, брат! Мы его достали!
То же профи с той войны, не ушёл, зараза!
Что мишень? Жива мишень, лишь костюм измазал!

Молний блеск и яркий свет, полон зал народа.
Получил опять я Крест, третий за два года.
А за стенами метель слышно завывает,
Что-то тошно на душе, водки не хватает!

Утром снова на посту взглядом чешем местность.

Где там снайпер, тут иль тут? Тихо, неизвестность.
На переднем мы краю, рядом смерть смеётся,
Ну, давай в рулетку, брат! Хитро улыбнётся.

Закинув рюкзак со своими вещами наверх, и положив сумку с подарками Деду и другим родственникам, жившим в той же деревне, под нижнюю полку, Виктор присел у окна. Мама увидела его и подошла. Сегодня он едет один, как-никак, взрослый уже. Пятнадцать лет. Новенький паспорт лежит в кармане рубашки. Но взгляд мамин всё равно тревожный. Виктор видит, как она сдерживается, но дома наверняка выплечется в подушку. Он показал ей большой палец, мол, всё здорово, и как мог, беспечнее улыбнулся. Но на душе скребли кошки. Хоть и большой, но первый раз – один. И ехать – не два часа.

Наконец, поезд медленно тронулся. Мама осталась на месте и только смотрела, и смотрела, пока было видно. За окном проплывали высотки жилых кварталов, рекламные щиты и вывески фирм и услуг. Потом пошли какие-то гаражи, сараи, и, наконец, поезд вынырнул из теснящих его строений, и, простучав по мосту, выкатил на простор широкого заливного луга. От обилия простора и света и дышать стало вроде бы легче. Но луг вскоре кончился, и по бокам замелькали стволы деревьев. Лес. Виктор неожиданно вспомнил, что за всю зиму они так с отцом ни разу не сходили в лес на лыжах. А ведь в позапрошлом году ходили, аж три раза. Что-то у папы работы стало много. Но он не додумал эту мысль, на невысоком взгорке стояли лосиха с маленьким лосёнком и задумчиво провожали взглядом поезд.

– Смотри-ка, и не бояться, – удивлённо воскликнула сидящая напротив молодая мама своей маленькой дочке.

Пожилой мужчина, сидящий рядом, проводил грустной улыбкой лосей:

– А чего им бояться, кругом люди, техника разная, привыкли.

– Действительно, а куда им деваться? – воскликнула пожилая пассажирка купе. – Леса-то здесь мелкие, не то, что у нас! Можно год идти, и никого нет!

Пассажиры затеяли вялую дискуссию о преимуществе лесов и роли человека на Земле. А Виктор смотрел на деревья за окном, и ему становилось хорошо и спокойно. Всё-таки, город, он хоть и удобств имеет много бытовых, но с живой Природой ему не тягаться. Живая, она и есть живая. Мать рассказывала, что первый раз его привезли в деревню в три года. И он целый день ходил в дедовом саду. Трогал деревья, ягоды на кустах и гладил траву. И всё спрашивал у ходящего за ним деда: – это что? – Да с такой серьёзностью, что Дед даже прослезился. А когда на утро на озере Дед кинул в ведёрко первую пойманную рыбку, Виктор задохнулся от восторга и всё ловил её в ведре. И с тех пор, он каждый год на всё лето уезжал к Деду, сначала с родителями, а теперь вот и один.

– Мам, расскажи мне сказку, – попросила малышка маму.

– А давай я тебе расскажу, – предложил ей мужчина. Девчушка согласно кивнула головой.

Мужчина достал из сумки большой цветной атлас Земли. Раскрыл на первой странице и показал девчушке: – знаешь, что это такое?

– Это наш Земной шар, – кивнула малышка, – у моего папы тоже такой есть, в кабинете, на работе, – и добавила, – мы здесь живём.

– Замечательно, а как он устроен знаешь?

– Нет, – покачала головой девочка, – мне папа не разрешает его разбирать.

Все засмеялись.

– Ну, тогда я вот тебе об этом сейчас расскажу, и ты будешь знать без разборки папиного шара. Хочешь?

– Хочу, а то я, когда бываю у папы в кабинете одна, там его секретарша Лена мне не разрешает внутрь посмотреть, а мне так хочется.

– Ух, эта Лена. Ладно, придвигайся и смотри, и слушай. Называется: – "Как устроена Земля".

– Как устроена Земля? – у собаки спросил я.

Та лизнула меня в нос и уселась вдруг на хвост.

– Может, ты мне это скажешь? – обратился я к коту.

Тот лениво потянулся и покинул комнату.

Я пошел на кухню к брату и задал вопрос ему.

Тот в ответ пожал плечами: – я спешу, иди к отцу!

Но и папа наш был занят, на компьютере висел:

– не мешай, – махнул рукой он, – у меня, ведь, куча дел!

И тогда пошел я к деду, на балконе тот сидел.

Он читал большую книгу и на солнышко глядел.

– Как устроена Земля? – обратился к деду я.

Дед задумался, потом со стола он взял альбом.

– Подходи сюда, внучок, и присядь на сундучок.

Дед альбом раскрыл: – смотри! Круглый шар летел в дали,

А вокруг ночная мгла, россыпь звезд из серебра.

– Так из космоса Земля окружающим видна.

На футбольный мяч похожа, только сплюснута немного.

– Так, она же голубая и красивая такая!

Я на деда посмотрел: – кто покрасить-то успел?

– Цвет дает вода планете, ее там почти две трети.

Помнишь, ты на море был, и цвет моря синим был.

– Ну, а это – суша, да? И на ней опять вода?

Сколько рек, морей, озер, интересенький узор.

– Здесь, внучок, материки, их шесть штук, ты посмотри.

И на них, ты прав, вода, без воды им никуда.

На Планете нашей жизнь без воды не может жить!

– Дед, постой, не понял я, из воды, что ль, вся Земля?

– Нет, внучок, тут посложней, вот рисунок Земли всей.

На разрез смотри сюда, это вот – Земли кора.

Под ней мантия, и тут два ядра под ней живут.

В центре – твердое ядро, хоть горячее оно.

Это – мантия, она – уже жидкая среда.

В верхней части ее – магма. Вот она из вулканов нам видна.

Магма движется в Земле, ищет выход на коре.

И, где слабо, там и прет, и вулканы создает.

– А, их много на Земле? – Стало мне не по себе.

– Мало их, а то б они много горя принесли.

Я с балкона посмотрел и вдали холмы узрел.

– Значит, магма виновата, что Земля у нас горбата?

Дед вздохнул немножко нервно: – это ты подметил верно.

Ведь Земная вся кора на семнадцать плит разделена.

Эти плиты, словно пазлы, друг о друга трутся разом.

При движении они нарушают ствол коры,

образуя горы, складки. В этом тоже есть загадки.

Между гор полно низин, плоскогорьев и долин.

Вот по ним течет вода. – А течет она куда?

– Реки все впадают в море. Из морей же – в океан.

– А откуда сами реки получают водный план?

– Сами реки образуют ручейки со всех сторон.

Те сбегают с горных склонов, с белых шапок ледников.

Или ключ в земле вдруг бьется, под названием – родник.

От него ручей завьется. Смотришь, там еще один.

Каждый новый родничок для ручья несет поток.
Когда много ручейков, то большой поток готов.

Он и есть уже река, глубока и широка.

Есть еще один источник, ты его уж знаешь точно.

Дед на небо посмотрел: – вон смотри туда, пострел!

В небе облако висело и на солнышке белело.

– Дождь, – подумав, сказал я. – От него кругом вода.

– Да, а вода, внучок-то, – чудо, есть у нас она повсюду.

Её пьем мы, ею дышим, и катаемся на лыжах.

– Я не понял, объясни. И с начала ты начни.

– Хорошо, внучок, пошли тайну познавать воды.

Мы на кухню с ним пришли. Дед в стаканчик влил воды.

И поставил в морозилку. И железную взял миску.
Он на газ ее поставил и воды в нее добавил.

– Вот, смотри, – позвал меня, – закипела уж вода.

Что ты видишь? – Пар идет. – А теперь? – Вода течет.

Это крышку дед подставил. – Ну, внучок, ты дождь представил?
Я кивнул, все вроде просто, только куча есть вопросов.

– Солнце греет океан, образуется туман.

Капли влаги поднимая, ветер в тучи их сбивает.

Если много в них воды, тут и дождика ты жди.

Ну, запомнил, у воды есть три вида, три среды.

Жидкость первая – среда, ее пьешь ты иногда.

Пар, туман – среда другая. Отгадай-ка сам, какая?

Что, не знаешь? Это газ. Им мы дышим сейчас как раз.

Жидкость, газ – лишь две среды, третью сам мне назови.

Дед по стенке постучал. Это мне он подсказал.

– Камень! – выпалил я тут. Дед взял нож и древа прут.

Я смотрел во все глаза, что-то я не то сказал.

– Вещи все с одной среды, чем отличны от воды?

– Они твердые, как стол! – Молодец, ответ нашел!

Твердообразная среда. Может быть такой вода?

Я на воду посмотрел. – Ну, конечно, зри, пострел!

Морозильник дед открыл. Я с открытым ртом застыл.

По бокам там снег сверкал, а в стакане лед стоял.

– На Земле лишь у воды может быть аж три среды.

Уникальная она, наша нужная вода.

На Планете ее много, но беречь должны мы строго

Чистоту озер и рек. Иль погибнет человек.

Так, с водой разобрались. Будем помнить – это жизнь!

Дальше – суша, твердь Земная, из чего она такая?

Из пород, названий много, от простых до очень сложных.

Вот по трещине в коре просочилась магма вверх.

И остыла, слой за слоем, образуя камней горы.

Здесь найдем базальт, гранит, пемзу и обсидионит.

Если глина нам нужна, это клад морского дна.
Там песчаник, известняк залегают кое-как.
Это ветер и вода нанесли всего сюда.
Из осадочных пород получился новый род.
Человек познал его, появилось ремесло.
Глина первою была, пионер зари труда.
Человек был любопытен и охочий до открытий.

Землю всю перекопав, он металлы отыскал.
Медь, железо, алюминий, верно, все ему служили.
Помогают, по сей день, им работать, ведь, не лень.
Если ты вокруг посмотришь, то назвать сумеешь сам,

Где метал для нас помощник? Догадался, я же знал!
Молодец! Идем же дальше на вопрос ответ искать.

Мы узнали, на Планете есть вода и суша, так?!
Но для жизни это мало, надо ведь еще дышать.

Вот смотри, вокруг Земли атмосфера, видишь ты?
Это воздух, плотный слой. Поднимаясь над Землей,
Он дышать нам позволяет и от Солнца защищает.
Если воздуха не будет, Солнце жаром нас погубит.
Или Космос разорвет, превратив нас в синий лед.
Для примера вот – Луна. Жизни нет, она пуста.

Много в Космосе планет, но атмосферы у них нет.
Астрономы ищут звезды, где бы жизнь еще была.

Но пока вот не находят, вот такие, брат, дела.

А сейчас пусть разум ищут с интеллектом, как и мы.

На Планете дел хватает, дети мы одной Земли!

Помни, взрослый и ребенок, что Земля у нас одна!
Ты живешь, пока живая наша Матушка – Земля!

Не сори, ты здесь живешь ведь! Не вреди, ты это ешь!

Не кидай, отсюда пьешь ты! Помни, ты же – ЧЕЛОВЕК!!!

Мужчина умолк и с интересом смотрел на девочку: – Ну как, тебе понравилось?
– Здорово как! – девчушка захлопала в ладошки. – Это кто, Пушкин написал?
– Нет, – смутился мужчина, – и кроме Пушкина есть много поэтов. А ты что, одного Пушкина только знаешь?

– Я знаю ещё Лермонтова, Крылова, Чуковского и ещё много, но я забыла, как вспомню, скажу.

– Молодец, это, наверное, тебе мама так много стихов читает?

– И мама, и бабушка, и папа. Папа басни больше всего любит. А Лена мне песни всегда поёт. Вот её любимая. – И девочка, подперев щеку правой ручкой, запела тонким голоском:

Встану утром рано я с восходом солнца
и нарву букетик полевых цветов!
Подкрадусь к окошку, брошу на подушку,
пожелаю милой утренних я снов!

Солнце моё, задержись немножко
и пошли любимой солнечные сны!
Пусть она во сне, мило улыбнется
и шепнёт губами: милый, где же ты?!

А когда проснётся, загребу в охапку
И на луг зелёный босиком спущу!
И в росе душистой у реки туманной
зацелую счастье, счастье подарю!

А когда туман наш солнышко рассеет
и согреет ласково огненным лучом!
Мы домой вернёмся за руку с любимой
и детишки будут ждать нас за столом!

Милые мордашки, губки, щёчки в кашке,
и глаза смеются солнечным лучом!
Обниму родную: – это наше счастье!
Славные детишки, сад и дом при нём!

– Ай ты, молодец, какая! – захолопал в ладоши мужчина. – А басни ты знаешь какие-нибудь?

– Сейчас вспомню, – малышка смешно сморщила носик, – вот, вспомнила! Называется: "Лиса и кувшин". Она мне очень нравится:

Вот повадилась лиса на деревне кур таскать.

Дед решил её отвадить, и пугало он наладил.

Взял кувшин, в плетень засунул.

Загудел кувшин тот час, только ветер в него дунул.

Лиса сунулась к плетню, тут кувшин подал свой голос:

у-у-у да у-у-у, у-у-у да у-у-у.

Испугалась лиса: – что ещё за чудеса?

Сам плетень меня пугает и противно завывает?

Подошла она поближе, глядь, кувшин торчит меж кольев.

– Ах ты, гад, тебя я вижу, напеваешь ты прикольно.

Но меня не проведёшь, сейчас заткну тебе я рот.

Ткнулась в горло то лиса, провалилась голова.

Ну, она её назад, кувшин держит, словно брат.

Стала лапами скрести, да плетень ещё трясти.

Тут собаки услышали, да к плетню и прибежали.

Не поймут, что за картина: лисы нет, а тело видно?!

От такой обидной боли лиса вырвалась на волю.

И бежит, куда не знает, ей глядеть кувшин мешает.

От собак удрать смогла, на пути встаёт река.

Говорит лиса кувшину: – сам слезай, иль в реку кину,

утоплю тебя совсем, чтоб не дать для сплетен тем.

А кувшин ей: – бу-бу-бу, сам я слезть уж не могу.

– Ну, прощай, твоя это воля, я тебя уж не неволю. -

Так сказала и в реку опустила голову.

А вода в кувшин буль-буль, и пошла лиса ко дну.

– Bravo, молодец, – мужчина захлопал в ладоши. – А ещё знаешь?

– Ой, какая молодчина! Такая маленькая, а такие большие стихи знает, – пожилая женщина смахнула слезу.

– Я ещё знаю про лису, но не до конца, – малышка застеснялась.

– Ничего, рассказывай, а мама тебе поможет, – мужчина успокаивающе погладил девочку по руке.

– Mam, сможешь? – дочка посмотрела на маму.

– Рассказывай, солнышко, конечно помогу.

Девчушка села прямо, глубоко вздохнула: – Басня. "Лиса и заяц".

Было это в том лесу, что растёт под горкой.

Жил в избушке лубяной Заяц там под елкой.

На другом конце поляны в доме изо льда

Лиса зиму зимовала, белый снег кляня.

Но пришла Весна, и Солнце разогнало ночь.

Потекла изба Лисички ручейком с опушки прочь.

Что тут делать, и Лиса к Заяцу постучала:

– Ты, сосед, меня пусти, сиротой я стала.

Нет ни крыши, ни стола, лавки нет присесть мне,

я осталась без двора, и прилечь мне негде.

Заяц Лису пожалел, приютив по-братски,

та вошла к нему в избу, заняла полати.

Пожила денек, другой, а потом на Заяца:

– уходи-ка вон, Косой, мне с тобою жарко!

Делать нечего, Косой спорить побоялся,
тут бы ноги унести, хоть избу и жалко.

Вот идет и плачет он горькими слезами.

А навстречу ему Волк: – что случилось, Заяц?

Заяц Волку рассказал, как пустил соседку,
как остался без избы и совсем без средств он.

Возмутился Волк тот час таким проступком:

– пойдём, выгоню ее, тоже мне, хитрушка!

Подошли они к избе, Волк стучит клыками:

– выходи-ка, Лиса, вон, наше это здание!

А Лиса кричит с печи: – спать мне не даете,

сейчас как выскочу, держитесь, глаз вы не найдете!

Испугался Волк, бочком: – извини, дружок.

Припустился в лес бегом, тоже мне – помощник.

Заяц в лес опять пошел, об избе горя,

тут Медведь навстречу: – что? Ладно, помогу я!

Воротились вновь к избе, Мишка громко рыкнул:

– ты, Лиса, сама уйдешь или тебя выкинуть?

А Лиса как закричит, в печку нос засунув:

– вот как выскочу, вскочу я, все глаза вам выну!

Испугался и Медведь голоса такого,

аж присел на мягкий зад, уж бежать готов он.

– Извини меня, дружок, все я понимаю,

но глаза мои одни, не хочу терять их.

И ушел он в лес густой, головой кивая.

Заяц снова плакать стал, выхода не зная.

Тут вдруг шпор раздался звон, прямо перед Зайцем

Петушок стоит с косой, смело улыбается.

– Что, Косой, сидишь ты здесь посреди дороги?

– Лиса избу отняла, я теперь бездомный.

– Ну, плутовка, берегись, долго не видались!

– Волк с Медведем то ж брались, но быстро убежали.

– Не кручинься ты, Косой, видишь, я иду с косой!

Это грозный инструмент, Лиса вылетит в момент!

К дому вот они подходят, Петух песенку заводит:

– Я пришел через леса, выходи ко мне, Лиса.

На ногах моих по шпоре, ими драться очень споро.

На плече моем коса, берегись меня, Лиса!

Только вымолвить успел, а Лисы и след простыл.

Заяц вновь в избу зашел. Петуха с собой завел.

Стали жить, да поживать. А сейчас легли вот спать!

Да и нам пора в кровать!

– Молодец! – воскликнул мужчина. – За такие стихи, надо тебе приз вручить. – И он полез в чемодан.

– Вот видишь, ты и сама всё вспомнила, как начала читать, молодчина, – погладила мама дочку по голове.

– Вот, держи, – мужчина вытащил из чемодана коробку шоколадных конфет и вручил девочке.

– Спасибо, – пролепетала смущённая девчушка, разглядывая коробку.

– Ну, тогда сейчас чай будем пить. – И молодая женщина засуетилась, накрывая к чаю стол.

– И правда, за разговором и вечер пришёл, мы и не заметили, – пожилая женщина глянула в окно и стала помогать молодой.

Мужчина сходил за чаем. Каждый добавил к столу своё, и все дружно сели чаёвничать. После этого мама девчушки прочитала ей перед сном ещё одну сказку: "Виноградный принц":

Давным-давно в одной стране жил виноградарь на горе.

В лачуге жалкой у ручья, что от отца к нему пришла.

Из всех богатств, что он имел, был небольшой земли надел.

Он виноград на нём сажал, затем вино изготавливал.

Вот так и жил, богатств не зная, слезой и потом поливая

свой виноградник на горе, с утра до вечера в труде.

И видно Бог его любил, что он трудился и не ныл.

За это сыном наградил, был необычным этот сын.

Он с детства был смышлён и весел, и много знал задорных песен.

А песни сам он сочинял и пел про всё, что видел и встречал.

Он пел про воду, что в ручье, и про ручей, что на горе.

Про солнце, небо, облака, про папу, маму, ослика.

Про ослика он пел всегда, они с ним были же друзья.

На нём он воду доставлял, ей виноградник поливал.

С отцом он саженцы сажал, с отцом растил их, прививал.

Обрезку тоже делал с ним, ну, в общем, цикл весь проходил.

Ну, а когда янтарным соком сочились кисти винограда,

снимал он нежно их в корзину, за труд была то их награда.

Корзины с осликом свозил к горе, в лачугу заносил.

А там и пресс уже готов, чтоб делать сок из тех плодов.

Старик из сока вино делал, потом в таверну их свозил.

Было вино обыкновенным, и каждый морщился, кто пил.

Шли годы, мальчик рос и вскоре, поднабравшись сил, и повзрослев,

он заменил отца у пресса и первый сок свой надавил.

Затем вино из него сделал. Отец попробовал и сел.

Вкус у вина был необычным, и этот вкус его сразил.

И если раньше бакалейщик вино за гроши у них брал.

То уж теперь, едва попробовав, цену в три раза он поднял.

И ведь, шельмец, не прогадал, вино он в городе продал.

И был с хорошим барышом и заказал его ещё.

А виноградарь рад прибавке, о неожиданном достатке
он не мечтал всю жизнь свою, уж о богатстве я молчу.
Купец, что в городе вино купил, его в столицу отвозил.
А там он к ключнику пришел, снабжал тот ключник царский стол.

Вино понравилось ему, и он принёс его царю.
Царь был в восторге от вина, и кружку выпил он до дна.
А ключнику даёт наказ, чтоб было то вино у нас.
Напиток этот богом даден, и пить его лишь мне в усладе.

И если капля пропадёт, залью свинцом тебе я рот.
За службу я благодарю и золотом тебе плачу.
Но помни, все мои слова, вино то пить лишь должен я.

Вот так бывает в жизни нашей, коль счастья даст – всего глоток,
Ну, а беды – так полной чашей, черпай всю жизнь, утонешь-то.
Вот, так и наш герой – трудяга не знал, не ведал, что бедой
ему дар сына обернётся, промчалось счастье стороной.

Теперь, как только урожай он с виноградника снимал,
купец его уж у лачуги со стражею своею ждал.
И лишь вино уже готово, его он сразу забирал.
Хоть и платил вполне прилично, но страху много нагонял.

А паренёк наш всё смеялся, и песни про купца всё пел.
Купец, хоть злился, но держался, за золото своё терпел.
Царь пил вино и наслаждался, какой волшебный аромат.
Но тут внезапно замечает, что смотрят слуги на него не так.

Царь к зеркалу, и ахнул сам, морщин не стало на лице.
И тут он вспомнил, по утрам встаёт он бодро, не болит нигде.
Вот чудеса, царь засмеялся, я молодею день за днём.
Того гляди, женюсь я скоро, быть надоело мне вдовцом.

А у царя была дочурка, нежна, как лилии цветок,
И тут она к нему вбежала, застыв, открыла свой роток.
–Ой, батюшка, да вы ли это? Как будто вы со старого портрета,
где с мамой вместе вы сидите и также весело глядите.

Вас что, волшебник посетил, околдовал, омолодил,
Или волшебных съели фруктов, что возвращают жизни нам минуты?
Ну, что молчите, папенька, застыв, или секрет и сам уже забыл.
Давай, скажи мне поскорей, я поплотней закрою дверь.

А царь стоял и улыбался, он только сам что догадался.
Всё дело было в том вине, что пил один он в тишине.
К себе он дочку подозвал, секрет на ушко ей сказал.
А та в восторге, вот дела, такого я не видела.

Но время шло, царь пил вино и становился всё красивей,
а с ним и дочка заодно от радости светилась.
Но царь недолго пребывал в блаженстве чувств и винных чар.
Однажды прибежал слуга, растрепан весь и весь в слезах.

О, господин, у нас беда, пропала дочь! Куда? Когда?
Царь от волненья онемел. Слуга же ввел его в курс дел.
Принцесса с девушками утром ушла за ягодами в лес.
А в полдень девка прибежала, напал в лесу на них там бес!

Он их у озера стерёг, когда они обратно шли,
остановились на берегу умыться и попить воды.
Он сразу всех околдовал и за собою в лес повёл.
А я сидела в камышах, стирала грязный свой подол.

Царь в страшном гневе: ах, он – вор! Средь бела дня детей увёл!
Эй, стража! Лес тот прочесать, поймать злодея, наказать!
Но день проходит, вестей нет, другой, такой же вот ответ!
Царь закручинился, беда! Пропала дочка навсегда.

На пятый день пришёл гонец, и весть принёс он наконец.
Бес одну девку отпустил, велел к царю её вести.
Пришла девица вся в слезах, и страх стоит в её глазах.
Царю записку подаёт, тот сам испуган, но берёт.

В записке пишет дочь сама, чтоб царь прислал в лес жбан вина.
Вино то – выкуп за меня, и я вернусь в четыре дня.
Не понял царь тут смысла нить, но жбан вина велел налить.
Тот жбан на берег отнесли, на пень поставили, ушли.

Четыре дня тянулись вечно, да где ж принцесса, интересно.
Царь не на шутку был встревожен, а, вдруг вино-то не поможет.
Вот уж и вечер, крик в дали, царь весь напрягся: – что, пришли?
И в зал принцесса тут вбегает, царь с облегчением вздыхает.

А после радости их встречи они остались в зале вместе.
Царь всех прогнал долой за дверь: – ну, дочь, рассказывай теперь.
– Отец, не знаю, как назвать то, что удалось в лесу мне повидать.
Нас встретил бес лицом ужасный, но он не злой, он лишь несчастный.

Его колдун заколдовал, чтоб он в лесу людей пугал.
А молодых, красивых дев еще вдобавок к тому ел.
А он не хочет делать это и ищет колдуна секреты.
И тот секрет известен мне, он заключён в твоём вине.

Сейчас вино лишь молодит, но от заклятья не освободит.
Оно всей силы не имеет, и колдовства не одолеет.
– Мне всё понятно, ты причём, – воскликнул царь тут горячо. -
Всё это связано с тобой? Да не томи, секрет открой!

– Да, мой отец, – вздохнула та, – секрета суть совсем проста.
Тот виноградарь, что вино растит и делает своё,
жениться должен поскорей, и в этом суть, ты мне поверь.
– Фу, напугала, дочь, меня, я тут не вижу горя дна.

– Отец, не перебивай меня, невестой быть должна-то я!
Царь побледнел от вести этой, не может быть, вот так заветы.
На свадьбу бес мне дал пять дней, и мне не спрятаться, поверь.
Коль не исполню тот наказ, погибнут многие из нас.

Что будем делать мы, отец? И так, и так, но мне конец,
от беса быстро я умру, со стариком же проживу.
Но, лучше – быстрая кончина, чем с нелюбимым жить мужчиной.
– Постой, принцесса, лучше сядь, дай в кучу мысли мне собрать.

Чего заранее бить тревогу, да собирайся ты в дорогу.
Одеться проще мы должны, чтоб видно было – не цари.
Поедем в гости к жениху, а там решим, что, да к чему.
Царь кликнул ключника, а тот уже купца к себе зовёт.

В простой залезли тарантас: – купец, ты – кучер, вези нас!
Купец от страха еле жив, но тарантас вперёд бежит.
Вот и гора, а вот ручей, а вот лачуга. И при ней
сам виноградарь месит глину, чтобы слепить пристройку сыну.

Сын уже вырос, стал мужчиной, пришла пора жениться сыну.
Вот и старается отец, готовит сыну свой дворец.
Уже слепил он три стены, одна осталась. До зимы
Успеть надеется старик, и есть на крышу уж камыш.

Тут он услышал стук копыт, глаза поднял и так застыл.
А тарантас подъехал близко, и вышел царь, за ним принцесса.
Идут к лачуге они сами, принцесса ест её глазами.
Убогость сразу ей видна, кругом кричала беднота.

На старика взглянув едва, она лишилась голоса.
Царь в удивленье тоже был, простой как люд живёт, забыл.
Он из дворца уж сколько лет не выезжал на белый свет.
– Скажи, старик, твоё вино я пью один уже давно.

Плачу я золотом, а ты – есть образец всей нищеты.
Ты что же золото всё прячешь, а если нет, то, как иначе
Мне бедноту твою понять, ведь жизнь одна, чего же ждать?
Старик немного помолчал, потом главою покачал.

– Мне не понятны ваши речи, мой господин, но эти плечи
Согнул не княжеский убор, моя мотыга и топор.
Всю жизнь тружусь я на земле и злато видел лишь во сне.

За то вино, что я даю, я медь имею, ей живу.

На хлеб и кашу мне хватает, а другого я не знаю.

– Ну, ладно, с этим разберёмся с тобой потом мы, а сейчас один вопрос к тебе у нас.

Ты делаешь всю жизнь вино, на вкус всегда оно одно.

Ну а теперь оно другое, как же случилось-то такое?

И тут старик вдруг улыбнулся, расправил плечи, отряхнулся.

– Поверь, мой господин, я сам был удивлён тем чудесам.

На вкус вино другое стало, когда давить его стал Славен.

– А это кто еще такой? – Да это сын же мой родной.

Тут за горой раздалась песня, её услышав, стих и ветер.

А голос песню пел про жизнь, что жизнь прекрасна, лишь трудись, что счастье только к тем приходит, кто жизнь свою в труде проводит.

– А вот идет и Славен сам, его в село я посылал

За бычьим пузырем в окно, оно, хоть мутное, но не так темно.

Тут песня смолкла, из-за скал пред ними юноша предстал.

Красив лицом, фигурой статен, ну, цельный князь, если б не платье.

Принцесса охнула, прижав ладони к вспыхнувшим щекам.

И царь застыл, с улыбкой глядя на приближающегося зятя.

А Славен вот он подошёл, гостей увидел, дал поклон

и взглядом спрос с отца ведёт: – чего пришли, что за народ?

Отец плечами лишь пожал, ответа он и сам не знал.

А царь на Славена глядел и позабыл причину дел.

Но, вот опомнился, сморгнул и руку к дочке протянул.

Ну, что, дочура, он хорош, тебе же нравится он то ж?

Ну, будем сейчас вопрос решать, чтоб время зря нам не терять.

И он поведал про несчастье, что их постигло в одночасье.

А Славен весь рассказ стоял и глаз с принцессы не спускал.

И царский голос был в дали, а в сердце пели соловьи.

Принцесса тоже вся пылала, её любовь уже объяла.

Он был как тот, из ночных снов, и в сердце вспыхнула любовь.

И царь, вдруг что-то ощутив, рассказ свой тихо прекратил.

Взяв старика под локоток, от молодых подальше уволок.

– Ну что, старик, играем свадьбу, иль ты как будто и не рад.

– Да нет, со свадьбой я согласен, но как же будет виноград?

Ведь, если сын уйдёт в столицу, считай, что виноград накрылся.

А значит, кончится вино, что волшебством начинено.

– Старик, об этом не тужи, сын будет здесь с тобою жить,

С ним будет дочь моя женой, но только будет дом другой.

Но это уж моя забота, селить в лачугу дочь мне не охота.
На том и сладили они свой разговор и пить вино пошли себе во двор.

А утром люди на гору пришли и дом большой там возвели.
А через день и свадьбу в нём сыграли, там до утра все пели, танцевали.
Пришел на свадьбу к ним и бес и сел в сторонке под навес.
Вина попил и сразу лопнул.

А под личиной женщина была и красотой сразила враз царя.
Он целый день не отходил. Потом в столицу в гости пригласил.
Вот свадьба отшумела, день настал. И Славен, как обычно, рано встал.
С лучами первыми он в поле уже был и виноград с задорной песнею полил.

Управившись, вернулся он домой, а там уже принцесса:
– Руки мой и завтракать скорее вот садись.
И была очень долгой у них жизнь!

– И они были счастливы, мама? – пробормотала девочка.

– Конечно, счастливы, – мать, наклонившись, поцеловала дочь. – Спи и тебе приснится
тоже твой принц. Твой единственный принц.

Под стихи матери и убаюкивающий стук вагонных колёс девчушка уснула. Стали укладываться и остальные пассажиры. Виктор повернулся на бок и закрыл глаза.....

СОН.

Лучи яркого солнца весело прыгали в больших лужах, оставшихся после ночного ливня, заставляя щуриться. Среднего роста плотный парень в зеленой одежде с луком на плече, насвистывая веселую мелодию, бодро шагал по обочине дороги. Обгонявшие машины притормаживали, если переезжали лужи, или сворачивали в сторону, когда не было встречных машин. Омытый ночным дождем лес изумрудно зеленел буквально в пятнадцати шагах. Парень изредка на него посматривал, как будто к чему-то прислушиваясь. Метрах в двухстах из леса вышли невысокая полная женщина, худой мужчина и двое ребятишек по росту лет двенадцати. Покрутив головами, они перешли дорогу и повернули навстречу парню. И тут вдали с их стороны показался автомобиль. В отличие от других, этот мчался на приличной скорости и зигзагами.

– Что это с ним? – парень впился глазами в приближающуюся машину.

– Ах ты, черт, развлекаются, – находящиеся в машине действительно развлекались, ныряя во все встречные лужи на скорости, и поднимая при этом тучи брызг. Через грязное стекло были хорошо видны хохочущие от удовольствия физиономии. Не сбавляя скорости, весельчаки прижались к правой обочине и окатили ничего не подозревающих мужчину, женщину и детей грязной водой с ног до головы.

– Ну, это уже не в какие ворота не влезает, – стиснул зубы парень и, сорвав с плеча лук, натянул тетиву. Тонко тренькнув, стрела унеслась к машине. За ней полетела тут же другая. В машине что-то хлопнуло, и она, заваливаясь на правый бок, соскользнув с дороги, ухнула в глубокий кювет. А так как скорость была приличной, то и два раза еще кувыркнулась, оставшись лежать кверху колесами.

– Ну, это другое дело, – усмехнулся парень, закидывая лук снова за плечо.

Пострадавшие от грязной воды пытались привести свою мокрую и грязную одежду в более-менее приличный вид, поэтому на улетевшую машину внимания не обратили.

Парень приблизился к месту аварии и перешел на ее сторону. Ему с дороги хорошо было видно, как пихая друг друга и ругаясь, в салоне копошились люди, пытаясь выбраться наружу. Наконец кто-то стал бить каблуком по треснувшему переднему стеклу. Двери видно заклинило основательно. Минуты три понадобилось, чтобы стекло наконец вылетело, и в освободившемся проеме окна появились ноги в кроссовках и джинсах. Первый пассажир, виляя бедрами, наконец выбрался из салона и, достав носовой платок, стал обтирать кровь с ободранных ладоней. Повертев головой, он заметил стоящего на обочине зеленого парня и, зло сплюнув, закричал:

– Чего стоишь, помоги их вытащить!

– Сам справишься, – пожал плечами парень, не трогаясь с места.

– Ну ладно, – зло прищурился пассажир и, нагнувшись, вцепился в появившиеся ноги своего товарища. Вытянув его, он что-то сказал, кивнул на продолжавшего наблюдать за ними парня. Второй пассажир, мельком глянув на него, присел перед разбитым окном. Оттуда показали голые девичьи ноги, и скоро две девчонки с исцарапанными в кровь ногами и руками встали рядом с ними. Все четверо посмотрели на зеленого парня.

– Эй, ты что уставился? – заорала одна из девчонок, – тебе что, цирк здесь?

– Угу, – кивнул парень, – зоопарк, обезьяны на прогулке.

– Ты что, козел, сказал? – сжал в бешенстве кулаки первый вылезший из машины и дернулся лезть из кювета. Но второй придержал его за локоть.

– Эй, вали отсюда, пока цел, – крикнул он, – нам сейчас не до тебя.

– Не, дай я ему морду начищу, – вновь дернулся первый.

– Успокойся, Гарик, – не отпустил локоть второй, – не о том думаешь, – он кивнул на машину. – С ней что будем делать?

– Давай перевернуть попробуем, – оглядел машину Гарик.

– Своими силами не справимся, – покачал головой товарищ и посмотрел опять на парня. – Эй, друг, поможешь?

– Без проблем, но после того, как расплатитесь за ущерб с ними, – зеленый парень ткнул пальцем в подходящих как раз к нему облитых людей.

– Не понял, а ты что, милиция? – ощерился вновь Гарик и, выдернув локоть из рук товарища, ринулся наверх. – Ты что, козел, здесь себе возомнил? – брызгая слюной, Гарик бросился на спокойно стоящего парня, и полетел, кувыркаясь, обратно в кювет. Девочка с мальчиком засмеялись.

– Ах ты, козел! – зашелся руганью Гарик и, сунувшись в разбитое окно, вытащил оттуда кусок арматуры. – Сейчас ты у меня попляшешь, – выпрямился он и замер на месте.

Тонко тренькнув перед его носом, в колесо воткнулась стрела с зеленым оперением. Гарик заморожено поднял глаза на откос. Зеленый парень держал лук с наложенной второй стрелой, и ее конец смотрел Гарику в лоб.

– Железяку закинь в лес, – повел луком парень.

– Угу, – согласно кивнул Гарик и, размахнувшись, забросил арматуру в кусты. – Все, – поднял он руки. – У меня ничего нет.

– А теперь деньги, что у вас есть, сюда давайте, – велел зеленый парень.

– Да, да, сейчас. – Четверка дружно зашарила по карманам. – Вот, – наконец собрав все, что у них нашлось, протянул Гарик стопку мятых купюр.

– Иди, забери, – кивнул парень мальчишке, смотревшему на все с открытым ртом.

– Угу, – заулыбался тот и, скатившись вниз, сгреб деньги в кулачок. – Вот, – вернувшись, он протянул стопку парню.

– Это вам за испорченную одежду, – улынулся зеленый парень, – и идите дальше, не задерживайтесь.

– Спасибо, – кивнула серьезно женщина, забрала у пацана деньги и, не оглядываясь, пошла дальше по обочине дороги. Мужчина и дети потянулись следом.

– Эй, ты случайно не Робин Гуд? – крикнула последняя вылезшая девчонка.

– А что, похоже? – усмехнулся парень, закидывая лук на плечо, и пряча стрелу в колчан.

– Очень, – улыбнулась она.

– Ты угадала, красавица, – зеленый парень вдруг заложил два пальца и оглушительно свистнул. Из леса донесся ответный свист. И через три минуты на опушку леса стали выходить крепкие парни в зеленой одежде с луками на плече. По знаку зеленого парня они окружили перевернутую машину, поставили ее на колеса и вытолкали на дорогу. Тут, как по заказу, появился грузовик. Остановив его, зеленый парень что-то сказал водителю, показав на машину. Тот согласно кивнул. Через минуту побитую машину прицепили тросом к грузовику. В нее забралась парни, а девушки сели в грузовик.

– Спасибо, Робин Гуд, – помахала в окно признавшая его девушка.

– Счастливо, – кивнул тот, – и скажи своим кавалерам, чтобы больше не обижали людей, а то ведь в другой раз и шею сломают, – он улыбнулся.

– Я поняла, – серьезно кивнула девушка. И грузовик, не спеша, натянув трос, поволок «хромую» машину по залитой лужами дороге. А солнечные зайчики весело скакали по воде, заставляя шуриться человеческие глаза.

– Красивая девушка, Робин Гуд, – подошедший приятель хлопнул парня по плечу, – и, кажется, не дура, – он засмеялся и опять хлопнул парня по плечу, – пошли, нам пора.

Глава 2.

Так за разговорами, стихами и песнями быстро пролетела дорога. Виктор читал взятую с собой книгу или смотрел в окно, пережёвывая мамини припасы из сумки.

Деду сообщать о его приезде не стали и, спрыгнув в полдень с подножки вагона, Виктор, оглядев почти пустой перрон станции, направился к стоянке местных автобусов. До деревни было ещё километров сто пятьдесят. Нужный автобус отправлялся через полчаса, и Виктор огляделся: – Чем бы занять себя?

Возле станции, под небольшим навесом расположилось несколько женщин – бабушек с нехитрым местным продуктом: прошлогодние семечки и орехи, новые грибы и ягоды, молоко, творог и первые летние овощи.

Репродуктор на здании вокзала передавал какую-то литературную передачу о психологии, и очередной участник нравоучительно вещал:

"...Шторм, буря, молния, удар, трещит, ещё удар, и тишина.
Очнулся, белая волна с песка прибрежного бежала.
Пучок травы, и краб ползёт, а он лежит и не поймёт.
И взгляд окинул горизонт, так появился Робинзон.

И всё, кем был, и что имел, осталось там, за сотни миль.
Был он на острове один и царь, и пленник, всё един.
Из жизни старой опыт взяв, он жизнь и здесь организовал.
И не раскис, не впал в тоску, и не сказал, что не могу.

Он доказал, что – человек, а человека долгие века.
А ты раскис под сенью дней, и думаешь, тебе трудней?
А ну, вставай, садись к столу, пиши проблемы все в одну,
ищи решение и решай, ты – ЧЕЛОВЕК, не забывай. ..."

Побродив вдоль прилавка, Виктор купил кулёк орехов, выпил стакан молока и присел на лавочку. Пощёлкивая орехи, он слушал, как торговки рассказывали друг другу о появившейся в округе какой-то нечисти, что ворует кур, овец и разоряет огороды.

Местные собаки, якобы, её боятся и, почуяв, прячутся. И вроде бы, в деревне Кедровка грешат на неё за пропавшую девушку. Та пошла по грибы, ягоды три дня назад и пропала. Местные обыскали округу, нашли только её корзинку и платок.

Объявили посадку на автобус, и Виктор направился к открывшимся дверям. Людей было немного. В основном, пожилые женщины с корзинками, две молодые пары, видно отпускники и трое парней призывного возраста, которые, сразу же заняв последний ряд, уже доставали пивные бутылки. Кассетник на коленях одного из парней заголосил модной у призывников песней:

Забирали в солдатики паренька одного,
и подруга, прощаясь, ждаль клялась всё его!
И махала ладошкой она поезду вслед,
не волнуйся, любимый мой, два – не десять ведь лет!

Не бросайся словами ты никогда, никогда!
Не давай обещаний, коль не лежит к ним душа!

Лучше сразу признайся ты, и тебя все поймут,
Расставанье – не смерть ещё, а проверка, лишь, чувств!

Службу тащит парнишка наш от письма до письма.
и шутили друзья его, что любовь, мол, чудна,
на словах все хорошие, а как дело придёт,
резко вдруг всё меняется, ненадёжный народ!?

Не поверил парнишечка, наговоры, мол, всё!
У меня настоящая с той девчонкой любовь!
Не страшна нам разлука вот, она письма мне шлёт,
но песчинка сомнения сердце точит и жжёт?!

И тогда попросил друзей написать он письмо,
Мол, лежит он пораненный, но ему повезло!
Что граната учебная, что взорвалась в руках,
оторвала лишь пальчики, да следы на щеках.

С нетерпением ждал письма от неё паренёк!
Но достал он с конвертика четвертинки листок!?
Письмецо было краткое, всего несколько слов,
извини, но ошиблась я, вся прошла, мол, любовь!?

Утешали друзья его, видишь, как хорошо!
Мол, принял увлечение ты её за любовь!?
Не печалься, друг, есть любовь, но твоя – впереди!
А пока устав читай и прилежно служи.

Виктор смотрел в окно. Сразу же за станционным посёлком дорогу обступил лес. Тяжёлые ветви елей создавали непроницаемую для глаз тёмную стену. И казалось, автобус движется по зелёному коридору. Солнечные зайчики, весело скользили по лобовому стеклу, но проникнуть за еловый полог уже не могли. Громкие голоса отвлекли парня от дороги. Сидящая сзади полная женщина громко поведала, что и у них отметилась нечисть. Позавчера ночью с крайнего двора свели корову. Да так тихо, что ни одна собака не бреханула. Рядом женщины заохали: – без нечистой силы точно не обошлось.

Один из отпускников, спросил: – что, и даже следов никаких нет, всё же корову вели, не курицу. – Женщина повернулась к нему и, сделав круглые глаза, громко зашептала: – Лапы остались, чем-то похожи на медвежьи, но не они.

– Ну, вот вам и нечисть, – хохотнул второй отпускник, – медведь лазает, а вы страх Божий нагоняете.

– Какой медведь, какой медведь, – аж подпрыгнула от возмущения рассказчица, – у нас, почитай, через одного – охотники, если б был медведь, давно б выследили. А то след непонятный, и самое главное, – она таинственно снизила голос, – собаки от этого следа шугаются, начинают жалобно скулить и прятаться под крыльцо или в сарай. Ну, и что это за медведь? – она вызывающе уставилась на отпускника.

– Так может ваши собаки, поэтому и боятся, что медведя чуют, – попробовал тот вывернуться.

– Ага, сейчас, охотничьи собаки, что ходят на медведя, испугались следов медведя, больше ничего умней сказать не хочешь? – тётка победоносно дёрнула концы своего платка и отвернулась от отпускника.

Виктор усмехнулся: уела мужика.

Кассетник у пацанов исходил металлическим грохотом и рёвом очередной песни:

Жизнь дана одна лишь нам, радость с горем пополам!
Каждый сам себе нальёт, сколько может, то и пьёт!
Берегись ошибиться в дозе. Это как босиком на морозе,
лишний час простоишь, потеряешь всю жизнь!

Скачем тройкой по жизни мы, кто лишь миг, а кто долгие дни,
и маршрут у каждого свой, только всадник не каждый живой!?
Берегись ошибиться в дозе. Это как босиком на морозе,
лишний час простоишь, потеряешь всю жизнь!

Один скачет, как факел в ночи, сам горит и сжигает других!
А другой, лишь мерцает свечой, и уводит во тьму за собой!
Берегись ошибиться в дозе. Это как босиком на морозе,
лишний час простоишь, потеряешь всю жизнь!

Бог даёт тебе жизнь лишь одну! Выбирай или свет, или тьму!
Кто ты, факел или свеча, думай сам, ведь жизнь – твоя!

За разговорами и песнями незаметно приехали. Деревня вынырнула из-за еловой стены внезапно и вся. Добротные дома просторно заселили большую прогалину. На другом конце немаленькой деревни виднелся невысокий холм. Виктор знал, что на холме раскинулись древние развалины то ли усадьбы, то ли крепости. Отсюда их было не видать, тем более, вершина холма густо поросла кустами калины и малины. Он часто с местными пацанами играл в развалинах в войнушку или в рыцарей. Дом деда был как раз в той стороне.

Поправив рюкзак, и поудобней взяв сумку, Виктор пошагал по знакомой улице. Народу почти не было. Кое-где во дворах возилась малышня, и за ними присматривали старухи или девчонки постарше. Он по здешней традиции здоровался со всеми встретившимися старшими, и с ним здоровались все младшие. Для него это было всегда чудно. Попробовал бы он в городе со всеми здороваться. Если б не приняли за дурачка, то через три дня язык бы сломал точно. А тут наоборот, попробуй не поздоровайся, сразу кличку какую-нибудь обидную прицепят. И доказывай потом, что ты не верблюд. Рассуждая так, Виктор открыл дедову калитку. Во дворе было пусто и тихо. Из будки выбрался Трезор, глянул на застывшего у входа парня и сладко потянулся, зевая во всю пасть. Громко щелкнув громадными клыками, он с удивлением уставился на гостя, явно не понимая, почему он ещё здесь. Следом из будки выкатился пушистый коричневый шерстяной клубок и, виляя маленьким крючком хвоста, засеменил к Виктору.

– Трезор, ты что это своих не узнаёшь? – Виктор вошел во двор. – А это что у нас за новое пополнение? – он присел на корточки и протянул руки к щенку. Тот с разбегу ткнулся в ладони и стал энергично обследовать их носом. Трезор прислушался к голосу гостя, повернув к нему правое ухо, и удовлетворительно кивнул лобастой головой, как будто удостоверился, что вошедший сказал всё правильно, и, уже дружелюбно вильнув хвостом, не спеша направился к гостю. Подойдя, солидно протянул лапу. Виктор пожал её и, обхватив любимца за шею, прижал к себе.

– Ух, ты, какой важный стал, – смеясь, он гладил пса.

– Ну, правильно, ты теперь старший, тебе надо пример воспитанности подавать, – и Виктор завалил второй рукой скулящего от удовольствия щенка.

– А где дедушка, знаешь? – пёс повернул голову в сторону холма.

– На озеро что ль пошёл? – Трезор коротко гавкнул, как бы подтверждая.

– Ну ладно, я его подожду дома, пойду пока вещи разберу, – и, поднявшись на крыльцо, Виктор толкнул дверь. Та, коротко скрипнув, распахнулась. Вот это тоже приятно поражало парня в деревне. Двери здесь никто не запирали, в крайнем случае, в косяк вставляли веточку, что хозяева ушли надолго. Войдя в горницу, огляделся, и сразу же в глаза бросился большой холодильник в углу.

– Так, так, дедуля наконец-то стал пользоваться благами цивилизации, – он усмехнулся и открыл дверцу. На полках стояли: банка с молоком, миска с творогом, другая с ягодами, внизу лежали пакеты с огурцами и помидорами. В ячейках белели яйца.

– Не богато, однако, – хмыкнув, Виктор захлопнул холодильник.

Старенький репродуктор передавал литературную композицию. Мальчик прислушался. Приятный суровый мужской голос читал стихи:

С ними наши деды шли в атаку и принимали муки на кресте.

Три слова, но одна идея объединяла русских всех.

Слова звучали, как молитва, как клятва верности в беде.

Всего три слова, но они-то объединяли русских всех.

Года летели и столетья все шли и шли себе вперёд.

Но Веру и Царя с Отчизной крепил российский наш народ.

Нас не подмяли басурмане, всё вынесли, и всё смогли,

на поле Куликовском встали мы с Верой матери Земли.

И эта Вера стала той силой, нужной для Земли,

и побежали басурмане, а мы вдруг Силу обрели.

И с той поры Отечество мы стали Русью звать.

Не просто камень с глиною, а Родиной, как Мать!

История не ласкова была для нас всегда.

И на полях сражений нас растила Мать-Земля.

Кусочком была лакомым для всех моя Страна,

и лезли, кто не попадя, её у нас отнять!

Но крепко берегли мы Отчизны рубежи,
лишь кости оставались, захватчиков в пыли.
По пальцам перечислены все годы без войны,
но Веру, Царя и Отчизну мы все же сберегли!
Плохим руководителем для Руси стал вдруг Царь.
И скинули тогда его, в подвале расстреляв.
Идея замечательна была провозглашена!
Мир, труд и равенство! Гордись собой, Страна!

Цена за эти лозунги Великая дана.
Страна была расколота, нашлись в ней два врага!
И с этою бедою мы справились тогда.
Железный Иосиф Сталин к рукам страну прибрал!
Сменилось лишь название, Идея осталась:
– За Родину, за Сталина, – теперь кричать пришлось!
На Бога хоть надеялись, но, в руки взяв топор,
мы строить стали заново России светлый Дом.
Ошибок было много, и плата велика.
Но, встав с колен, Россия Силу обрела!
И вновь врагам не спится, и нет покоя нам.
Страны моей богатства им снятся по ночам.
Собрав в кулак Европу солдатским сапогом,
Фашизм германский вздумал и нашим стать врагом!
Железные дивизии Границу перешли.
Такой войны не видела история Земли!

Казалось, все потеряно, и нет спасенья нам!
Но встал солдат Российский наш на горящих рубежах!
И вся страна поднялась вдруг, и Бог вернулся вновь.
Ведь Родина – Отечество у нас пока одно!
За Родину, за Сталина! – Кричал солдат, крестьясь.
И это была Истина, была в ней Жизни Власть!
С войной не враз покончили, пять лет на то ушло.
А после восстанавливать все заново пришлось.
Все вынес он, и выдюжил Российский наш народ!
И только жить мы начали, опять развал грядет.
Кому-то не понравилось жить в скромности, и вот
нам рынок навязали тут, а скромный – пусть умрет!
И ринулись ребятушки в карманы все пихать.
В стране не стало совести, про честь и не слышать.
Под шум сей вакханалии тишком, тишком, тишком,
Вползли к нам иноземцы. И где теперь наш дом?
И шлёт проклятья дедушка, – за что я воевал?
И внуков у него не будет, ведь дочь уже спилась.
Скупили всё и выкрали Надежду у людей,
на жизнь благополучную, хотя бы для детей!
Кричат по телевизору, у нас все хорошо!
А загляни в глубинку, ведь, что Мамай прошел!
И нет теперь в России ни Веры, ни Царя.
Земля, хоть и осталась, но тоже – не моя.

И цифры, вещь упрямая, их мёдом не польешь!

Мы каждый год по городу теряем в людях, вот!

И чтоб не говорили нам Советчики- «друзья»,

поднять с колен Россию-Мать без идеи нам нельзя!

Вернуть обратно Веру, и в голову – Царя!

Тогда вернем Отечество обратно на века!

Слушая стихи, Виктор, оставив сумку под вешалкой, с рюкзаком прошёл в крохотную угловую комнату. Её дед уже давно определил для внука, и тот сам её обустроивал, постепенно заполняя привозимыми из города вещами. Вот и сейчас Виктор стал доставать из рюкзака и расставлять и развешивать привезённое. А репродуктор продолжал развивать тему:

"....А раз живём мы в государстве, то государство тоже вот
Права имеет перед нами! Что за Права? Да сохранить Народ!!!
Но Прав хоть много, нет Надежды, чтоб те Права осуществить,
И бьют тревогу те, кто душу желают в Родину вложить!!! ..."

Управившись, закинул пустой рюкзак под кровать и направился к выходу. По пути захватил миску с ягодами. На крыльце возился щенок, пытаясь открыть дверь.

– Так, так, это что мы делаем, а? – он тихонько, чтобы не придавить щенка, открыл дверь.

– И куда это мы без спроса ломимся, а? – от будки, осуждающе гавкнул Трезор.

– Ты слышишь, что тебе старшие товарищи говорят, неслух, – Виктор перевернул щенка и стал щекотать ему брюшко. Тот от удовольствия запищал, смешно дрыгая лапками. Повозившись со щенком, и съев половину миски ягод, Виктор пошёл в сад, щенок неуклюже поковылял за ним. Побродив среди знакомых деревьев и кустов, вернулся на крыльцо.

– Что-то деда долго нет, а, Трезор? – тот осуждающе рыкнул.

– Пойти, что ли, встретить его, как думаешь? – Трезор с готовностью вскочил и направился к калитке.

– Этого с собой не берём? – Виктор наклонился над щенком. – Остаёшься за старшего, всех впускать и никого не выпускать, понял? – щенок преданно завилял хвостом.

Виктор направился в сад, впереди, не спеша, трусил Трезор. Выйдя через заднюю калитку, они по тропинке направились к холму.

У его подножия и было неширокое, но длинное озеро, заросшее по берегам камышом и ивами. Местные мальчишки и старики всё лето ловили в нём некрупную рыбёшку на уху и жарёнку. Что-то сушили на таранку, и бабки даже возили её на станцию, на продажу пассажирам проходящих поездов. Пройдя некошеним ещё лугом, они спустились к озеру.

–Трезор, ищи деда, – Виктор внимательно окинул взглядом зелёные стрелки молодого камыша.

Коротко рыкнув, Трезор повернул вдоль берега и, метров через сто остановившись, повернул голову к спешащему за ним парню, в глазах ясно читалось: – получите и распишитесь.

На берегу, на маленьком стульчике сидел с удочкой дед и задумчиво что-то мурлыкал себе под нос. Обернувшись на шум, и всмотревшись в гостей, радостно подхватился и, оставив удочку, повернулся к спускающемуся внуку.

– То-то я думаю, чего-то у меня нос с утра чешется, а это к гостям значит, – он обнял и похлопал по спине мальчика.

– Ты с кем?

– Я сегодня, дедуля, один, как-никак совершеннолетний, паспорт вот получил уже, – Виктор выпятил грудь.

– Ну да, ну да, я в этом возрасте уже сам пастухом был и командовал тремя подпасками. Это в городе с вами нянькаются, а в деревне народ быстро взрослеет, – Дед, прищурившись, оглядел внука, – действительно, вырос, – он засмеялся.

– Ну ладно, рассказывай, что там у вас и как? Я вот тут решил на ушницу чуток порыбачить, так что давай посидим ещё.

Дед присел на стульчик, а Виктор, взяв удочку, стал тихонько рассказывать про семейные дела. Через час, поймав ещё пяток рыбёшек, они пошли домой. Дома Виктор стал чистить рыбу, а Дед растапливать плиту. Так, не спеша, переговариваясь, сварили ухи. Поели. Дед рассказал деревенские новости, кто из друзей внука уже приехал, кто из местных наоборот уехал в город погостить. Потом посидели на крыльчке и решили пойти в гости, благо день клонился к концу, и все должны уже быть дома. Родней в деревне были Дедова дочка Валентина со своими близняшками, дочками, на три года младше Виктора, и баба Дарья, тётка матери, живущая с сыном и внуком Димкой, одногодком Виктора. Мать их утонула два года назад в половодье в озере, когда полоскала бельё.

Взяв сумку с подарками, Дед с внуком направились к Валентине.

– А что, дядька Семён так и не объявился? – спросил Виктор.

– Да ни слуху, ни духу, как в воду канул, – Дед горестно вздохнул. – То ли сгинул где, то ли сбежал басурман, гадай вот тут.

– Ну, а запрос какой, или хотя бы в милицию заявляли?

– В милицию-то Валентина заявила, а толку что, адреса-то той организации, что звала на работу, нет. Семён то объявление с собой увёз. И где искать, неизвестно. Их таких в тот год пятеро пропало. От нас двое и трое с соседней. Погнались за длинным рублём, – Дед зло сплюнул в траву.

– Говорил ведь ему окаянному, иди в лесхоз работай, хорошие деньги платят. Так нет, там, мол, ещё больше обещают. И вот ни денег, ни Семёна. А Валентина и не жена, и не вдова.

– А чего он с фабрики-то ушел? Ведь ты сам говорил, что специалистом он хорошим был.

– Золотые руки у дурака были. Вот только язык дурной, всё правду искал. А кто по нынешним временам его терпеть будет, вот и погнали. Сейчас кругом вон безработица эта, а тогда ещё хуже было. Ладно, пришли, не хмурься, учись думать, прежде чем что-то сказать, а тем более сделать. – Дед толкнул калитку, расписанную разноцветными цветами.

– Вишь, это у нас Катерина художницей растёт, всё подряд расписывает, ты на дом посмотри, – повёл Дед рукой, войдя во двор.

Виктор застыл, поражённый буйством красок и фантазии художницы. На тщательно выровненных глиной и побеленных известью стенах дома пылал красками дивный сад из цветов и бабочек.

– Вот это да, – протянул потрясённый мальчик, – и когда она всё успела?

– Так стены ещё по осени заляпали, а рисовать начала, как только солнце пригрело. К твоему приезду успеть хотела, – посмеялся Дед.

– Успела, однако.

– Эй, хозяйева, есть, кто-дома-то? – повысил Дед голос.

Дверь резко отскочила в сторону, и на крыльцо вылетели, обгоняя друг друга, сестрёнки.

– Витька приехал! – завизжали они и ринулись обнимать брата.

За ними вышла мать, высокая плотная женщина, настоящая русская красавица.

– Эй, сороки, парня живым-то оставьте, – она улыбалась, вытирая руки рушником. – Добро пожаловать, а мы как раз ужинать собрались.

Виктор поднялся на крыльцо, Тетка обняла его и расцеловала: – А вырос-то как, жених настоящий. Нинка, сбегай к бабке Дарье, пусть подтягиваются, праздник у нас сегодня, не каждый день гости из города приезжают.

Одна из дочерей метнулась за калитку.

– А ты, Катюха, пока свои художества покажи, а как все придут, тогда и поговорим. – И она вернулась в дом.

Катерина вынесла на крыльцо большой альбом: – Вот, смотри, чему я за год научилась, – и положила перед братом.

– А я тебе краски разные привёз, – Виктор стал доставать из сумки коробки.

– Ух, ты, а такими я ещё не пробовала, – девчонка читала названия. – А вот этими у меня ещё плохо получается, учитель сказал, что это надо технику смешивания красок изучать. Я пока только хорошо водяными рисую, масляными пока учусь.

Виктор с дедом рассматривали альбом. Виктор про себя только ахал, Дед же, не сдерживая эмоций, расхваливал каждый рисунок. Тут открылась калитка, и во двор влетел Димка, двоюродный брат, за ним запыхавшаяся Нина.

– Привет, братан, – сходу налетев на Виктора, стал его тискать в объятиях. – Ух, ты, какой здоровый стал, – уважительно потрогал бицепсы, – качаешься?

– Да кое-куда хожу, – засмутился Виктор.

– Ну и молоток, мужику без мышцы нельзя. У нас тоже физрук повесил две груши, вот мы типа боксом занимаемся. Хотя до настоящих занятий, конечно, нам далеко, но хоть что-то. А я ещё дома турник себе поставил, и штангу батя помог сварить. Так что, тоже качаюсь.

Тут в калитку вошли баба Дарья и дядька Матвей, отец Димки. Вновь обнимания и поцелуи. На крыльцо выглянула тётка Валентина.

– Все собрались, давайте к столу, всё готово, там и поговорим.

За ужином Виктор рассказал городские новости, ему поведали деревенские. После чая Виктор раздал подарки. Еще немного посидев, разошлись по своим делам. Ребята решили немного прогуляться по деревне. Виктор спросил, что знает Димка про появившуюся нечисть. На что тот ответил, что слухи разные ходят, но конкретного нет ничего. Ну, пропадает скотина, она и раньше пропадала. И люди также раньше пропадали.

– А милиция что же, тоже в спокойствии? – удивился Виктор.

– А милиция у нас сегодня, молодая, неопытная, – хмыкнул Димка. – Матвеевич, бывший участковый, на пенсию ушёл и уехал к сыну в город, а прислали молодого, Василия Ивановича. Как Чапаев, вот как!

– И что, он совсем тупой?

– Да нет, парень хороший, должностью не страшает, только городской он, деревенской жизни совсем не знает, отсюда и делай выводы.

– Ну, опыт, дело наживное, главное, чтобы не дурак был. А то вон у нас тоже. Пришла физичка, только что с института, и давай взрослую из себя корчить. Замордовала всех. Ну, мы взяли и зарядили её указку, которой размахивала постоянно. Как она испугалась, ты б только видел. Аж волосы дыбом встали. А мы сидим и будто не видим ничего. С той поры стала потише. Ну ладно, пацаны какие уже приехали?

Димка перечислил ребят, приехавших из города на каникулы, каких уже видел.

– Ну, и какие планы на это лето?

– У меня ничего такого нет особого, а ты что-то можешь предложить?

– Да нет, я как-то и не думал над этим.

– Ну, тогда ты пару дней с Дедом побудь, а то он соскучился, а потом, если хочешь, с нами в лес съездишь, батя лозняка выписал на плетень, наш совсем развалился.

– Хокэй, договорились.

И ребята разошлись по домам. Дед уже был дома и готовился ко сну. Немного поговорили. Дед предложил рыбалку, он, дескать, несколько мест с весны прикармливает. На том и порешили, и легли спать. Вытянувшись в кровати, Виктор поднял взгляд на книжную полку. В глаза сразу бросился корешок его любимой книги «Три мушкетёра».

– Надо будет с ребятами попробовать сыграть в мушкетёров, – подумал он, засыпая.

Сон.

...Вдруг кровать под ним задрожала, появились какие-то звуки, перешедшие в яростные вопли. Ясно слышны были ругательства, глухие удары, гневное ржание лошади.

– Дед телевизор что ль включил? – подумал Виктор и, повернувшись на бок, открыл глаза.

Он лежал не дома на кровати, а на травяном взгорке. Под ним бежала широкая река. И у этой реки яростно отбивался шпагой молодой всадник, по виду дворянин, от толпы крестьян. В руках тех шпаг не было, но зато они неплохо махали кольями из плетня, при этом больше попадая по лошади, чем по всаднику. Лошадь бешено крутилась, лягаясь, и нападавшие никак не могли достать всадника. Но, постепенно отступая, он сам себя загнал уже в воду реки. Вода стесняла движения лошади, и минуты отчаянного сопротивления всадника с каждым мгновением таяли.

– Я не знаю, кто из них виноват, и за что они лупят друг друга, – нахмурился Виктор, вставая, – но мне не нравится, когда семеро бьют одного, – и он сбежал к реке. Треснув последнего детину по шее, он отобрал у того длинную слегу, которой он намеревался спихнуть с лошади всадника, и громко крикнул: – а ну разойдись, басурмане! – Подняв слегу над головой, мальчик двинулся на оглянувшихся на крик крестьян. Те кинулись врассыпную, посылая проклятия Виктору. Отбежав на безопасное расстояние, они остановились и стали наблюдать.

– Всё, концерт окончен, – Виктор погрозил зрителям слегой, – и танцев больше не будет.

Повернувшись к всаднику, выбравшемуся на берег, он еле сдержал смех. Молодой художавый парень был весь в грязи. Грязь стекала не только с одежды, но и с лица, и с непокрытой головы.

– Что, негодяи, хотели просто так взять гасконца?! – завопил он, грозя шпагой крестьянам, – кишка тонка!

– Сударь, опасность миновала, – Виктор отбросил слегу, – вам бы не мешало привести в порядок свою лошадь, – он кивнул на тяжело дышащее животное и, заметив валяющуюся в траве шляпу, поднял её. – А заодно и себя, – он протянул шляпу всаднику.

– Да, сударь, вы правы, – всадник спрыгнул на землю, – лошадь – единственное моё богатство пока в этом мире. О ней надо позаботиться. Вернув шпагу в перевязь, он взял шляпу и осмотрел Виктора.

– Я – Д, Артаньян, последний сын своего отца, гасконец, направляюсь в Париж, за удачей, – и изобразил почтенный поклон. – Кому я обязан своим спасением от этой своры озлобленных неблагодарных свиней?

– Я – Виктор, – он лихорадочно вспоминал, что слышал о социальной структуре французского общества, куда, как он понял, попал. – Студент, – Виктор с достоинством кивнул головой.

– О, господин студент, я вам очень обязан, если не жизнью, то моим юным здоровьем точно. Эти варвары набросились на меня толпой. И за что, спросите вы? За то, что я им помог, – всадник оскорблённо развёл руками и погрозил всё ещё стоявшим в отдалении крестьянам. – Я ехал по улице их захудалой деревушки. Вдруг из переулка выскакивает свинья. А эти за ней гонятся. Ну, я подумал, что они ловят её, чтобы зарезать. И на ходу проткнул несчастное животное шпагой, чтобы оно не мучилось долго в руках этих безруких олухов. И вот вместо благодарности они набросились на меня, – юноша опять погрозил крестьянам грязным кулаком, – неблагодарные свиньи!

– Действительно, неблагодарные создания, – усмехнулся Виктор, представляя разочарование потерявших свинью крестьян. – Но пойдёмте, сударь, отсюда уже подальше, – он махнул рукой вдоль берега реки, – поищем место почище.

– Да, да, сударь, мне надо искупать мою лошадь, – кивнул юноша, беря её под уздцы.

Они направились вдоль берега. Отойдя на приличное расстояние, Виктор оглянулся. Деревенские парни преследовать их не стали и, побросав колья, ушли домой, ругаясь.

– Ну, вот и славненько, – вздохнул с облегчением Виктор, – калечить никого не придётся.

Выбрав укрытое кустами удобное место, они остановились. Всадник, не раздеваясь, завёл в воду лошадь и стал её любовно отмывать, бормоча ласковые слова. Виктор присел на траву, наблюдая.

– Д, Артаньян, – хмыкнул он, мотнув головой, – что-то он на Боярского мало похож. Хотя безрассудство его и глупость налицо. Ладно, посмотрим, что дальше будет.

Вымыв лошадь, Д, Артаньян вывел её на берег и привязал к кустам на длинном поводке. Та сразу потянулась к траве, жадно хватая целыми пучками.

– Нищий дворянчик, голодная лошадь, бедное одеяние. Что надо для чести и славы рыцаря Франции? – хмыкнул опять Виктор. – Сударь, а вы сами мыться не будете? – спросил он, видя, с какой брезгливостью юноша отряхивает с рук воду.

– Простите, но я же не лошадь, – поднял на него удивлённые глаза тот.

– А причём тут лошадь, Д, Артаньян, – пожал плечами Виктор. – Насколько я понял, у вас одно платье. Сейчас оно грязное, как и вы. В чём вы намерены показаться в Париже? Вас на заставе засмеют мальчишки, и не пустит стража.

– Вы уверены? – юноша в смятении оглядывал свой костюм, – но тогда мне придётся нарушить запрет церкви? – он поднял на Виктора смятённые глаза.

– Не переживайте, сударь, – Виктор махнул рукой на кусты, – пастора поблизости нет, господь сейчас вероятней всего отдыхает после вкусной трапезы, – он показал на застывшее в зените солнце, – а я никому не скажу, слово чести.

– Ну, тогда другое дело, – повертел головой юноша. – Костюм мой действительно сейчас не для Парижа, – он стал неохотно раздеваться. Сняв одежду, Д, Артаньян постирал её в реке и развесил на кусты сушиться. Потом умылся сам, прополоскав волосы, и видя неодобрительное покачивание головой Виктора, наконец полностью залез в воду. Через некоторое время оттуда понеслось удовлетворительное похрюкивание. Отмывшись, довольный рыцарь выполз на берег и улёгся сохнуть на траву.

– Ну, вот это другое дело, – похвалил его Виктор, – теперь вы настоящий красавчик.

Они сидели на берегу, болтая, ожидая, когда подсохнет одежда рыцаря. Д, Артаньян рассказывал о своей семье, об отце, обедневшем гасконском дворянине, о том, что тот большую часть своей жизни провёл в постоянных войнах французских королей, заработавши кучу ран и болезней, и вернувшись в разорённое нерадивым управляющим поместье. Поэтому отец, чуть сын подрос, и отправил его на службу к королю, так как по закону Франции последнему отпрыску наследство не грозило. Оно достанется старшим. Но юный гасконец об этом не жалел. С детства воспитанный на сказках и преданиях о доблестных рыцарях, он надеялся шпагой добыть себе и славу, и деньги. К сожалению, жизненный путь отца его ни к чему не надоумил. Увы, юность безрассудна.

– И что же вы намерены делать в Париже, сударь? – узнав лучезарные планы юноши, спросил Виктор.

– О, у меня есть письмо отца к его старому сослуживцу, а ныне капитану королевских мушкетёров, господину Д, Тревилю, с рекомендацией взять меня под своё покровительство.

– Ну, это не плохое начало, – согласился Виктор, – так сказать, первая нужная ступенька.

– Мне этого достаточно, – выпятил худую грудь рыцарь, – дальше, кто я такой, покажет моя шпага. А она не знала поражений последние три года в моих краях.

– Замечательно, – Виктор пощупал край камзола, висящего над его головой. – По-моему, уже можно собираться, если мы хотим, куда-то сегодня успеть.

– Да, да, я мигом, – юноша вскочил и стал лихорадочно натягивать сырое платье.

Через пять минут они уже шли по берегу, направляясь к недалёкому тракту, по которому двигались кареты, повозки и люди с узлами.

– А движение – то оживлённое, – хмыкнул Виктор, – видно, город близко. – Тут ветер поменял направление, и мальчик поморщился. – Чувствуется, что в городе проблемы с канализацией. И как они там живут ещё?

Глава 3.

Утром, поднявшись пораньше, позавтракали и, взяв снасти, отправились на озеро. Рыбачили, пока солнце не встало, говорили о том, о сём. Дед почитывал газеты и журналы, что привёз Виктор из города.

– Вот, смотри, – вдруг Дед похлопал по газете, – что пишут о жизни, – и он, близоруко щурясь, начал читать:

«...Давным-давно, огромна цифра, её представить сложно нам.
Планета оказалась в нужном месте, и жизнь вдруг зародилась там.
Кипела лава, двигались платформы, и на пределе был накал!
Когда Земля покрылась атмосферой, и биоплазму Бог послал.

Земля оделась травами, лесами, утихли бури на воде.
И в этот миг, а может быть, мгновенье, живая плоть возникла на Земле!
Живая клетка, а потом другая слились в причудливый узор.
И вот уже на берег выползает из моря первый динозавр!

Спешат столетья, и Планета летит по звёздному пути,
а по земле её гуляют стада рептилий, бывших рыб.
Еды хватает, климат нужный, плодись, расти, зверей народ.
И вид сменяется там видом, ведь эволюция идёт!

Но тут случилась катастрофа, откуда взялся он, нахал?
Астероид в Планету "въехал", и климат резко поменял!
Погибли звери-динозавры, звезда их счастья зашла,
их место заняли другие, и вновь чередую жизнь пошла.

А человек? Да, то загадка?! Откуда взялся он, вопрос?
Есть версий несколько хороших. Одна, что Дарвин нам донёс:
–мол, эволюции зигзаги, а может, внешний фактор был,
но наши предки – обезьяны! Вот так в учебник он "забил"!

Ещё есть версия – пришельцы! С далёких звёзд попали к нам!
И стали жить среди "обезьян" тех, давая пищу их мозгам.
Огонь и палка, лук и стрелы, шалаш, одежда и процесс
пошёл культурный развиваться, и "человек" был молодец!

Вчера плоды он собирал лишь, сегодня Землю пашет он,
покинул каменные пещеры и вот построил первый дом!
А возле дома загородка, в ней уж животные живут
и помогают ему в жизни, поклажу возят, плуг ведут!

Всё замечательно, труд кормит, Земля богата, место есть.
Вот появились и ремёсла, и для костра возникла печь.
И стали сёла расширяться, из них потом и города,
горшечник с пахарем меняться плодами своего труда.

И всё прекрасно развиваясь, жил человек почти в раю!
Когда торговцы появились и привели с собой войну!
Войны причины всегда были и есть и будут – лишь захват!
Добычи пленных, государства и как венец, конечно, ВЛАСТЬ!!!

– Издревле, оказывается, все наши беды от власти, – Дед свернул газету. – Какая власть, такая и жизнь. – И он задумался.

Наловили полведра рыбы и пошли домой. Там их уже ждали близняшки. Сразу принялись чистить рыбу. Решили всё пожарить. За хлопотами прошёл день, вечером сходили ещё порыбачили. Уже в сумерках, собирая удочки, Виктор услышал плеск весла. Невдалеке озеро пересекала лодка с людьми. Как успел рассмотреть мальчик, их было трое. Двое в белых футболках или рубашках, третий в чём-то тёмном. Лодка, управляемая сильной рукой, быстро скрылась в сумерках противоположного берега.

– Интересно, что это за туристы, на ночь глядя, ломанулись в лес? – подумал про себя Виктор и тут же забыл о них, продолжая собирать рыболовную снасть.

Утром, сидя с удочками на берегу, Виктор опять услышал плеск весла. В утреннем тумане, словно призрак, промелькнула вчерашняя лодка с тремя пассажирами. Одеты они были во всё те же майки с солнцем.

– Если б я страдал паранойей, то подумал, что на озере завёлся призрак, шастающий туда-сюда! – передернул плечами мальчик. Услыхал лодку, и Дед и проводил её сощуренным взглядом.

– Кто это? – спросил внук, заметив его интерес.

– Да я пока и сам не понял, – Дед стал насаживать нового червя. – Появились ещё перед зимой, в старом пионерском лагере. Ну, тот, что за усадьбой, в бору, – он махнул рукой в сторону холма с развалинами.

– Ходят в майках с нарисованным солнцем. Ведут себя вроде тихо. Деревенские пацаны ходили подсматривать, говорят, что живут как одна семья. А там молодые ребята, девки. По вечерам собираются у костра и колдуют на огонь. Участковый ходил к ним, сказал, что это как секта какая-то. Называют себя огнепоклонниками или солнцепоклонниками. Но вроде ничего не нарушают. А там, кто их знает, кому они поклоняются. В деревню ходят за продуктами. Наши их не трогают.

Вскоре лодка про скользила обратно. Рассеялся туман, и Дед стал собираться.

– Пойдём, наверное, сегодня клёва уже не будет больше.

Дома их ждал Димка. Сидя на ступенях крыльца, он играл со щенком. Увидев входящих, рыболовов вскочил.

– А, рыбачки, на завтрак хоть наловили? – пошутил он, заглядывая в ведёрко.

– Наловили, наловили, – хлопнул Дед мальчика по плечу. – Только мы на халявщиков не рассчитывали. А если хочешь что-то получить, на, бери, чисти.

– Да не вопрос, – Димка подхватил ведёрко.

Ребята стали чистить рыбу, а Дед пошёл в дом.

– Я что пришёл, – Димка оглянулся на закрывшуюся дверь. – Давай сходим, опробуем маску, что ты привёз. Мне всё равно сегодня делать нечего. А?

– Ну, позавтракаем и пойдём. До вечера я, в принципе, тоже свободен, – кивнул Виктор.

Быстро приготовив завтрак, и, не задерживаясь, его употребив, ребята, предупредив Деда, отправились на озеро испытывать маски для подводного плавания, что привёз Виктор. С собой взяли воды, немного перекусить, маски и подводный фонарь.

Сначала они с берега заходили на глубину и рассматривали, что творится под водой, потом, взяв Дедову лодку, заплыли на глубину.

– Это, конечно, не море, но тоже классно, – рассуждал Димка, греясь на носу лодки. – Нам бы ещё подводную кинокамеру или, на крайний случай, фотоаппарат. И могли бы стать внештатными корреспондентами какого-нибудь журнала о природе. – Он мечтательно глядел вдаль. – Представляешь, мы б описали всю подводную жизнь нашего озера.

– А что, и вправду классно, – Виктор поболтал рукой в воде. – Я вот про подводный мир морей и океанов много раз читал и в книгах, и в журналах, а про озёра и реки что-то не помню.

– А ведь я тоже что-то не помню, – Димка почесал затылок. – Представляешь, мы с тобой станем первыми.

– Клёво звучит, – засмеялся Виктор. – Внимание, внимание, сенсация века, первые фотографии таинственных глубин озера. Кстати, а озеро-то как называется? – Он приподнялся на локтях и посмотрел на лежащего с закрытыми глазами брата.

– Да так и называется, Озеро, – Димка открыл глаза и сел. – Слушай, а, правда, мы всегда его зовём Озеро и Озеро.

– Надо придумать название, а то как-то не звучит. – Виктор тоже сел.

Послышались негромкие голоса и плеск воды. Ребята огляделись. На противоположном берегу группа ребят в "солнечных" майках принимала водные процедуры. Да, да, именно, не купалась, а принимала водные процедуры. Это выражение было первым, что пришло в голову Виктора, когда он увидел, как ребята заходили в воду, и что они там делали.

– Видал, – прошептал Димка, – сектанты, кошкин хвост. Мы с ребятами неделю их пасли. Какие-то они завёрнутые все.

– Это как? – Виктор разглядывал купающихся. – Люди, как люди.

– Ну, ты сам смотри, какие это люди?! Нормальные люди разве так купаются? Вот ты бы так купался?

– Вообще-то да, что-то есть в этом странное. Как-то всё тихо и.... прагматично что ли, – подобрал он опять журнальное слово.

– Вот и я о том же. Зомби какие-то. Не покричат, не попрыгают. Веселья нет, радости от купания. Зашли, окунулись, постояли, что-то побормотали, опять окунулись, вышли. Это что, купание на озере, называется?! Смотри, смотри, уходят, чуть ли не строем. Были б в форме, точно солдаты. А так, сектанты, одно слово. Васькина сестра говорила, что в сектах таких мозги как-то обрабатывают. Ну, чтоб они типа от мирских дел отрешённые были. Ничему земному не радовались. А все их мысли направлены на встречу с новым миром. С этим, как его.....а, вот – нирваной.

– Ну, ты, брат, загнул. Они, что ж получается, живые покойники, да?

– Вот, правильно сказал, живые покойники.

– Что-то мне это не нравится. Я по телику передачу одну смотрел про такие секты. Где они появляются, жди какой-нибудь беды.

– А какой от них беды можно ждать?

– Ну, они людей, вот как ты говоришь, зомбируют, а те потом могут что-то натворить. Как в фильме "Универсальные солдаты", смотрел?

– Ну, ничего себе, ты загнул. Это что, у нас тут под боком, типа, боевиков готовят, да?

– Ну, боевиков, не боевиков, а каких-нибудь смертников, вполне возможно.

– Надо за ними понаблюдать скрытно, а то, правда, какую-нибудь пакость учинят, деревню прославят на весь мир.

– Что, прямо сейчас?

– А что мешает? До вечера ещё полно времени! Сегодня осмотримся, выберем место для наблюдения, прикинем, что нам понадобится, а завтра, подготовленные, приступим.

– Ну, что ж, резон в этом есть, пошли.

– Не пошли, а поплыли, рыбачок! Бери весло.

Ребята причалили к густым кустам противоположного берега.

– Здесь лодку спрячем, это место приметное, в случае чего, искать долго не придётся.
– И что за примета, приметная, – Виктор выбрался на берег и стал подтягивать лодку в кусты.

– Сейчас увидишь, – Димка крепко привязал лодку к веткам.

Выбрались на высокий береговой откос.

– А вот запоминай, – Димка показал рукой на огромный дуб, мощно цепляющийся корнями за речной откос.

– Он здесь один такой, ни с кем не спутаешь. И лодку быстро найдёшь. И, если что, под ним есть маленькая пещерка. Я её случайно нашёл. В войнушку как-то с пацанами играли, я в кусты вон полез, а там пещера. О ней никто не знает. Вход – вот отсюда. – И Димка, пригнувшись, нырнул под сводами густых кустов к дубу.

– Её даже зимой не видно, я специально проверял.

Вползший за братом Виктор оказался в пещере, где, потеснившись, вполне могут разместиться три человека не слишком большой комплекции. Стены и потолок были густо увиты корнями дуба. Пол плотно застелен сухой листвой.

– Здорово-то как, – Виктор прошёл вперёд, взбил листву и лёг поперёк пещеры на листовую постель. – Ноги вот только чуть-чуть не помещаются, – он упёрся ногами в камень стены. – Может, расширим чуток?

Вдруг камень под ногами парня дрогнул и стал медленно отъезжать вглубь стены. От неожиданности Виктор скатился с импровизированной постели и вскочил.

– Димон, это что? – он удивлённо уставился в открывшуюся за камнем щель.

– Не знаю, – Димка осторожно заглянул за камень. – Темно, давай фонарь! Проверим!

Димка, вооружившись фонарём, первым протиснулся в неизвестный проход.

– Ну, ни фиги себе, – воскликнул он. – Да тут целый подземный коридор! – Смело шагнув вперёд, мальчик выпрямился.

– Слушай, Димон, а куда он может вести? – Виктор за его спиной с интересом всматривался в высокий сухой тоннель подземного хода.

– Единственный приемлемый вариант, это разрушенная усадьба. Про неё много непонятных слухов ходит. Надо б стариков порасспросить. А так, больше и некуда. Ну что, проверять будем, куда этот коридорчик тянется, или погадаем?

– Ну, раз попали сюда, чего уж откладывать. Только ты иди осторожней, я читал, что в таких тоннелях могут быть ловушки.

– Неизвестно, с какой целью его построили, – Виктор постучал по каменной кладке коридора. – А то, что туннель рукотворный, видно сразу. – погоди, я верёвку на всякий случай возьму. – И он вернулся в пещеру.

– Готов, тронулись, смотрим, я под ноги, ты вверх и вперёд, – ребята осторожно стали продвигаться вглубь неизвестности.

"...Куда идём мы с братом Димой, никто не скажет нам о том!

Нашли в горе мы дырку с ним вот, всю в камне с низким потолком.

Темно в ней, мухи не летают, под ноги светим фонарём,

Куда ведёт она, не знаем, дрожим, боимся, но идём! ..."

– Прорекламиривал Виктор в звенящей тишине подземного коридора.

Метров через сто коридор резко делал зигзаг. И здесь их ждал первый сюрприз. На каменном полу лежал человек, вернее, то, что от него осталось: белые кости скелета, прикрытые лохмотьями истлевшей ткани. В кисти правой руки был зажат похожий на шпагу длинный узкий клинок. В левой же руке – сгоревший факел. Из спины торчала короткая железная стрела.

– Попал на ловушку, я читал о таких, – Виктор нервно сглотнул. – Самострел называется. А вот и лук, – он показал на выступ поворота. Поэтому и поворот такой, специально для ловушки и делали. Димка, подражая брату, прочитал:

"...Ловушка первая, и жертва, эх, бедный парень, как его.
Остались кости, да лохмотья и ржавый меч, ну вот и всё.
Пошли брат дальше, осторожней по сторонам гляди теперь,
Тут могут быть ещё ловушки, нам избежать своих потерь..."

– Видно, хозяин заранее планировал такие штуки, – Димка ногой ковырнул шпагу. Клинок, загремев, откатился. – А, клиночек-то целый, смотри, – Димка нагнулся и взял в руки шпагу. Помахал ею перед собой. – Вот и оружием первым обзавелись. Берём с собой?!

– Ну, если хочешь его тащить, бери, – Виктор пожал плечами.

– Ты прав, братишка, заберём на обратном пути, – мальчик прислонил шпагу к стене. – Идём дальше.

Через полчаса, они вышли на развилку. Под прямым углом в стороны уходили еще два туннеля.

– Ну, прям, как в сказке, три дороги, и куда сворачивать? – Димка озадаченно оглядывал проходы.

– А как там, в сказке, все богатыри прямо ходили, пойдём и мы прямо. Надо только на всякий случай свой коридор пометить.

– На, мою кепку положи посередине, надеюсь, сквозняком её не сдует. – Димка протянул Виктору фуражку.

Пройдя по среднему коридору минут пять, ребята наткнулись на квадратный проём в полу.

– А вот ещё одна ловушка сработала, – Димка посветил в яму. – Эге, да тут не просто жертва, смотри, – он посторонился.

– Судя по всему, это неудачливый грабитель, – Виктор встал на колени на краю ямы.

– А монетки-то, наверное, старинные, а? – Димка тоже склонился над проёмом. – Сколько тут, метров пять, верёвки нашей хватит, может, достанем? – Он посмотрел на брата.

– Не будем, Димон, спешить. Во-первых, надо всё продумать, во-вторых, мы не знаем, что там дальше, и в-третьих, в чём ты их понесёшь?

– Ну да, ну да, твоя правда, никуда они не денутся, завтра придём. Пошли пока дальше.

Ещё минут пятнадцать ребята двигались по коридору подземного хода и упёрлись в решётку из толстых ржавых прутьев.

– Всё, остановка, дерезай, кому надо вылезай, – Димка подёргал решётку. Посыпалась ржавая труха, но решётка осталась цела.

– Умели предки делать, ничего не скажешь, – Он с досады пнул прутья. – Возвращаемся? – он посветил за решётку.

– Чем решётку убирать будем? – Виктор тоже подёргал неожиданное препятствие.

– Судя по её положению, она упала сверху, – Димка присел на корточки и разгрёб ржавчину вокруг прута, – интересно только, пазы глубоко или нет? А ну давай попробуем поднять!

"...Ну вот, серьёзное препятствие, брат, динамит ты взял с собой?

Иначе нам не снять решётку, не возвращаться же домой?!

Нет динамита? Жаль, однако! Пойдём искать другой мы путь, её оставим мы на завтра, домкрат с собою не забудь..."

– прокомментировал Виктор препятствие.

Ребята, вцепившись в нижние звенья решётки, напряглись. Решётка сидела мёртво.

– Значит, два варианта: первый, ножовка, ты пилить хочешь? – Димка посмотрел на Виктора. Тот отрицательно мотнул головой.

– Я тоже нет. Тогда второй вариант – домкрат. Высоты до первого прута достаточно. Возьму у бати трёхтонник. Правда, тяжёлый гад.

Обсуждая, что ещё им понадобится, ребята повернули обратно. На перекрёстке коридоров остановились.

– Раз такое дело, давай уж тогда и этот осмотрим, – предложил Димка, и они повернули в правый коридор.

– Дим, здесь внимательней, могут быть не сработавшие ловушки.

Шедший впереди Димка замедлил шаг и стал тщательнее осматривать пол и стены.

– Дим, стой, – вдруг заорал Виктор, хватая брата за рубаху. Димка замер. – Ты чего?

– Смотри, – Виктор, взяв у него фонарь, наклонился и посветил от пола вверх.

– Что это? – Димка попятился назад.

– Это вот и есть самострел. А по-современному, растяжка. Как бы её обезвредить? – Виктор посветил вперёд.

– Так может проще лук найти, – Димка осторожно переступил через натянутую жилу, – идём.

Виктор шагнул за ним. В пяти шагах в небольшой нише был закреплён старинный арбалет с железной стрелой. Ребята с двух сторон приблизились к нему.

"...А вот вторая, брат, ловушка, заметь, работает ещё,

Задел бы нитку и мгновенно болт получил бы ты в плечо!

Прост механизм, но как надёжен! Прошло ведь больше сотни лет!

А до сих пор стоит на страже, себе ждёт жертву на обед..."

– Так, а вот и верёвочка, за которую надо дёрнуть, – Виктор резко дернул тянущуюся к крючку стрелы жилу.

Сухой шелчок, и стрела улетела в темноту коридора.

– Вот, где-то так, – он вытер пот со лба.

– А ты как её увидел? – Димка попытался освободить арбалет.

– Тень от неё. Ты вблизи не мог это видеть, а я мог. Да оставь ты его, он уже вон рассыпается.

– Да не скажи, ещё крепкий, – Димка постучал по деревянному прикладу.

Метров двести они прошли без приключений и за очередным поворотом упёрлись в деревянную дверь. Димка стал её внимательно осматривать и ощупывать.

"...А здесь пещера перед нами, полна сокровищ, брат, она,

Назвать лишь надо слово тайное, и дверь откроется сама!

Слова какие, брат, ты знаешь? – Сим, сим, откройся! Эй, ты там!

Напрасны наши, брат, старанья, их тайны не подвластны нам..."

– Бережёного Бог бережет, как говорит наша соседка, – Виктор стал привязывать к вкрученному в дверь кольцу верёвку.

– Пошли-ка за поворот, – мальчик, осторожно отступая, раскручивал верёвку.

Встав за угол, Виктор медленно стал её натягивать. Дверь не поддавалась.

– Помогай! – протянул он Димке конец верёвки.

Поднапряглись вдвоём. Дверь ни с места.

– А может там замок внутренний? – Димка вернулся к двери и стал осматривать и ошупывать дверной откос.

Вдруг раздался щелчок, и дверь вздрогнула. Виктор медленно потянул за кольцо. Дверь поддалась.

– На исходную, – Димка азартно потёр руки. – Дёрнули!

Братья потянули, дверь со скрипом стала открываться. И вдруг плита перед дверью резко провалилась вниз.

– Ну, ни хрена себе, – Димка сполз по стене. – А если б мы там стояли?

– И знатно приземлились, – Виктор подошёл к краю провала и осветил вниз. – Метров пять, и внизу острые штыри, а на них несостоявшийся похититель сокровищ. Классика детективного жанра.

"...Ну, вот смотри, кровава жертва, Брат, за сокровища дана,

Надеюсь, этой жертвы хватит, чтобы смягчился духа нрав.

И не потребует он крови за все сокровища свои

От двух парнишек бестолковых, сюда случайно, что зашли..."

– Интересно, а за порогом тоже провалится?

– Не должно, хотя яма широкая и в ту сторону тоже. – Димка стал отвязывать верёвку от дверного кольца.

– Погоди-ка, – Виктор перешагнул на порог и, перекинув верёвку через дверь, подёргал, – на, свети.

– Впервые в вашем городе. Один только раз, и то проездом. Смертельный номер. Я и страшное подземелье. – Он дурашливо поклонился. Уцепившись за верёвку, мальчик осторожно поставил левую ногу на плиту за порогом и надавил. Плита провалилась.

– Бурные, продолжительные аплодисменты. К вашему сожалению, исполнитель остался жив.

– Клоун, – Димка нервно облизал губы. – И что там мы имеем? – Луч света скользнул за дверь.

– А имеем мы тупик, – обернулся Виктор, – или, скорее, комнату. Только, почему она закрыта и так страшно опечатана. Дайка фонарь.

Виктор взял протянутый фонарь и осветил комнату. Вдоль стен небольшой комнаты стояли старинные сундуки и деревянные бочки, и коробка. Покрытые пылью и затянутые паутиной, они смотрелись загадочно.

"...Число запомни, брат, сегодня судьба испытывает нас,

Таких богатств зря не даётся, то искушение как раз.

На прочность нас, брат, проверяют, прочна или гнила душа.

На что потратим мы богатства, проверки будет то цена..."

– Пещера Али-бабы. Всё, Димка, мы с тобой теперь богатеями заделаемся. В этих сундуках всё золото атамана Ермака и местного царька Кучума. – Виктор усмехнулся. – Вот только нам доска нужна перекрыть эти провалы, и выноси всё, что хочу.

– Надо сначала посмотреть, может там всё давно уже сгнило. Сумеешь перепрыгнуть?

– Перепрыгнуть туда я сумею, а обратно как?

– Тогда оставим осмотр на потом. Притащим что-нибудь.

– На потом, так на потом. – Виктор отвязал верёвку и перепрыгнул провал обратно в коридор.

– Ну, что, остался ещё один коридор, посмотрим его и домой, – Виктор смотал верёвку.

Ребята вернулись на перекрёсток и повернули в оставшийся не исследованным коридор. Осторожно передвигаясь, они прошли минут тридцать, создавалось впечатление, что коридор плавно загибается вправо.

– Так, тут ещё одно ответвление, – Димка остановился, – куда пойдём?

– Давай направо, – подтолкнул его Брат.

Коридор оказался небольшим, метров пятьсот, и заканчивался каменной стеной со скобами. Димка поднял голову.

– Ага, выход через колодец, – он поднял фонарь повыше. – Я полез, ты отойди на всякий случай в сторонку.

Димка стал подниматься по скобам, пробуя каждую на прочность. Вскоре он скрылся в колодце.

– Да тут целый дот, хоть сейчас оборону держи, – гулко раздалось сверху.

– Лезь сюда.

Виктор полез на зов брата. Метров через пять он выбрался в небольшую каменную полость, действительно похожую на дот.

Сквозь щели в камнях пробивался свет.

– Как-то странно, – Виктор огляделся. – Четыре отверстия с четырёх сторон. Похоже на наблюдательный пункт, ты не находишь?

– И, правда, а я и не заметил. – Димка прильнул к одному отверстию, Виктор к другому.

– Не узнаёшь, где мы? – Виктор перебрался к другому отверстию.

– Опа, а это кто? Неужто, те самые огнепоклонники?

– Ты потише, а то услышат вдруг. Ты угадал, они самые. Что они делают?

– Не знаю, какие они у вас сектанты, но то, что я сейчас вижу, элементарная тренировка по единоборству, к гадалке не ходи.

– Ни хрена себе, поклонники огня. А Василий Иванович-то что тогда проверял?

– Да навешали твоему Чапаеву спагетти на уши. У нас в секции и то попроще, а тут, смотри как ребята швыряют друг дружку.

– И что будем делать по вновь открывшимся обстоятельствам?

– Давай понаблюдаем, возьмём камеру, снимаем, если проявится что-то криминальное, подключим твоего Чапаева. А сейчас чего панику поднимать? Не вижу ничего предосудительного. Может, это клуб какой-нибудь в летнем лагере резвится?

– А зачем про секту сказали?

– А это чтобы вы, пацаны, к ним не лезли. Знали б вы правду, то б дневали и ночевали тут. Что, не так?

– Может и так, но как-то всё подозрительно всё равно. – Димка оторвался от смотровой щели и огляделся.

"...Губы сжаты, взгляд суровый, дело, брат, не в вере новой.

Не молитвы им читают, убивать тут обучают.

Не толпа здесь, строй стоит, перед ним сержант торчит,

Не псалмы он им читает, автомат вон разбирает.

Непонятно, чьи бойцы, тут не сходятся концы.

Госструктура, не похоже. Банда чья-то, плохо тоже.

Слишком прячутся ребята, значит, в чём-то виноваты,

Иль готовятся к чему. Но к чему, я не пойму..."

– Слушай, Витёк, а выход-то отсюда, получается, что, только подземный?

– Ты место узнал, где мы находимся? – Виктор тоже стал осматривать и ощупывать стены.

– Похоже, что это где-то в бывшем барском парке.

– Судя по всему, башня хорошо выступает над поверхностью и в то же время не привлекает внимания. Что это может быть?

– Насколько я помню, на краю парка есть небольшой каменный холм, на вершине развалины. По слухам, там была каменная беседка. Холм и беседка сейчас заросли облепихой, не проредёшься.

– Точно, а я смотрю, что-то кусты знакомые. Это ж облепиха. У нас на даче такая есть.

– Это дачная, а здесь дикая, колючая, не проредёшься.

– Так это и к лучшему, у нас идеальный наблюдательный пункт. Правда, добираться к нему каждый раз замучаешься. Зато и нас, как говорится, голыми руками не возьмёшь.

– Голыми руками не возьмёшь, а вот гранатой, легко. Ты шуми-то потише. – Димка опять прильнул к отверстию.

– Ну что, пошли обратно, у нас ещё один туннель остался, надо за сегодня всё закончить. А то вон солнце уже смотри где.

Ребята спустились в туннель и вернулись к последней развилке. Повернув в неисследованный ещё коридор, они осторожно двинулись дальше. Шли долго. Пол туннеля начал опускаться, потом пошёл на подъём.

– Точно сейчас на какую-нибудь гору вылезем, – пробормотал Виктор.

– Всё, пришли, – Димка водил фонарём по камням стены, – и ничего нет.

– Димон, метров пять назад слева что-то было, не заметил?

Ребята вернулись назад.

– Ну вот, я ж говорил, – Виктор, взяв у брата фонарь, осветил уходящие круто вверх, каменные ступени. – Я первый.

И Виктор, тщательно осматривая каждую ступень, стал подниматься. На сто двадцатой ступени лестница закончилась. Ребята вышли в комнату. Остановились отдышаться.

– Куда это мы попали, интересно? – Виктор оглядывал узкую комнату.

В дальнем углу светилась пара отверстий. Вдруг раздался резкий звук, приглушённый стеной.

– Тебе это ничего не напоминает? – светя под ноги, Виктор направился к отверстиям. – Ну, ни хрена себе, куда это мы попали?

– Судя по оборудованию, это пилорама, – Димка прильнул к соседнему отверстию. – Только на нашу фабрику не похоже, я там был, к дядьке Семёну ходил не раз.

– Димон, думай, мы ж не в параллельный мир попали, где у вас ещё может быть пилорама. Смотри, кругом тайга.

– Да не знаю я и не слышал никогда.

– Тогда давай рассуждать логически, – Виктор повернулся к брату. – Пилорама, это доски, – так? Доски надо вывозить, – так?

– Где поблизости есть дорога, по которой без особых проблем можно вывозить доски в город или на станцию?

– Не было у нас таких дорог, по крайней мере, я не знаю. – Димка вновь прильнул к отверстию. – Чёрт, плохо видно, тучи натянуло.

– Ладно, пошли домой, а то Дед обыскался, небось, нас уже на озере. – Виктор стал спускаться в туннель.

– Витёк, прикинь, сколько мы сегодня загадок обнаружили, в нашем сонном краю.

– Ну вот, будет чем теперь лето заниматься. Только ты пока никому не болтай, мы сами сначала всё разведем, идёт?

– Мог бы и не говорить, – буркнул Димка.

Через два часа, они выползли из пещеры, отряхиваясь от паутины и подземной пыли. Димка в руках держал подобранный клинок. Уселись в лодку и, стараясь не шуметь, переправились на свой берег. Дед уже сидел с удочками на их месте.

– Где шлындаете, рыбачки, рыба спать уже ушла, вас не дождалась, – Дед пристально, оглядел братьев.

– Дедуль, мы на тот берег ходили, смотри что нашли. – Димка протянул Деду клинок.

– И где вы его нашли? – Дед повертел клинок в руке. – Небось, в развалинах лазали?

– Угу, – не стал уточнять Виктор. – Дед, а что ты думаешь про этих Солнце – поклонников? Странные они какие-то.

– На то и сектанты, чтобы быть не как все. А вы, никак, за ними подсматривали? – Дед положил клинок на траву. – То-то, смотрю, выгвоздались все. Не лезли бы вы, ребята, туда. Честно скажу, не нравятся они мне. Что-то в них недоброе есть.

– Ладно, хрен с ними, с сектантами этими. Ты лучше вот что скажи, – Виктор сел рядом с Дедом. – На той стороне за развалинами лес проходимый?

– Ну как, проходимый, обыкновенная тайга, ты, что имеешь в виду?

– А дорогу там можно проложить к станции?

– Дорогу, говоришь? Там была дорога, по ней ещё в войну лес на станцию возили, но потом вырубки прекратили и дорогу забросили. А зачем вам та дорога?

Ребята переглянулись.

– Да вот нам показалось, что в той стороне машины гудели. – Димка почесал затылок. – Может такое быть?

– Ну, а чего ж не может, может кто-нибудь браконьерничает. Лес тайком рубит. Надо Василию сказать. Правда, хорошего леса там нет, если только кедрач тырить стали. Сейчас всё может, демократия, – Дед презрительно сплюнул. – Все хозяева, у кого морда шире совести.

– Дед, а это как? – засмеялся Виктор.

– А ты телевизор, когда смотришь, – Дед поплевал на червяка, – обрати внимание, чем больше физиономия заслоняет экран, тем "демократичнее" говорящий, тем меньше у него совести, тем наглее он ворует. Это ж известные разбойники при царе рядом с ними не стояли. Скажи мне, как можно за три года занять миллиарды, нигде не работая? У нас вон Демидовых кровопийцами кличут. Так они заводы поставили, добычу организовали и России дали лучший по качеству чугун и железо. Я согласен, кровушки они попили, конечно, вволю. Но так и дело для страны великое сделали. А эти что для страны сделали? Обобрали народ до нитки, распродали всё иностранцам, а остальное разрушили. Вот у нас, смотри, до перестройки была мебельная фабрика. И мебель там делали не абы какую, а с инкрустацией, ценными породами. У нас эта мебель ещё от барина ведётся, аж с семнадцатого века. Он основал эту фабрику и мастеров набирал и обучал. Так по наследству она и передавалась. И мастерство краснодеревщиков тоже, считай, по наследству шло. Отец сына учил. Целые династии в сёлах росли. Были и плохие времена, и хорошие, но, никогда, слышь, никогда народ так не опускали. Помню, Дед рассказывал, при Наполеоне, спрос на мебель упал, но и тогда барин старый своими деньгами мастеров поддерживал. Мебель впрок готовили. Зато после войны всё сторицей окупилось. Тяжело в Гражданскую было. А в Отечественную обидно до слёз. Мужиков на фронт позабирали, а мы, пацаны, ящики снарядные колотили. Но потом вернулись мужики, не все, конечно, многие раненые, но фабрика не заглохла. Заказы были. А при Брежневе так вообще завалили заказами. Да не абы что, а всё в стиле ренессанса, барокко, рококо и другое подобное.

– Ух, ты, я про такое только в книгах читал, – удивился Виктор.

– А картинки ты видел, у нас в фабричном музее такие картинки. – Димка закатил глаза.

– Картинки картинками, но наша мебель везде первые места брала. Мы всем секретарям братских республик мебель поставляли. А ты думаешь, почему у нас в деревне все дома такие богатые и добротные. Так люди работали и зарабатывали. А сейчас, тьфу. Фабрика еле

дышит, мастера куда-то пропали. Училище прикрыли, молодёжь не учат. Да что там говорить, разруха. – Дед махнул рукой. – После войны и то такого не было. Зато в магазине бутылок немерено, со всего света, пей, не хочу. Вот и пьют все. Эхе, хе, хе. – Дед горестно покачал головой. – Куда катимся?

– Дед, домой не пора? – Виктор решил отвлечь Деда, – клёва всё равно нет.

– Ну да, ну да, что-то мы нынче засиделись. И вы, пострелы, мне душу раздербанили. Далась вам эта фабрика. Учитесь вон лучше на этих, как его, программистов, вот. В телевизоре про них только и говорят. На них сегодня, получается, всё производство держится и экономика тоже. Кнопку нажал, и деньги из Озерного прямо в Вашингтон за пять секунд, видано ли дело?

– Кстати, Дед, а как озеро это зовут? – перебил Деда Виктор.

– Озером и зовут, а что?

– Что, всегда так и звали?

– Всегда, всегда. Хотя, погодь, мой Дед говорил, что раньше его вроде по-другому звали, а вот как, не помню.

Свернув удочки, пошли домой. Дед шёл впереди, бубня что-то себе под нос. Ребята чуть приотстали.

– Значит, дорога там всё-таки есть. Только мне непонятно, откуда там пилорама? – Димка сосредоточенно думал.

– Кстати, стены кирпичные и не новые, иначе мы б там не вылезли. Что-то там такое, очень старинное.

– Вот вспомнил, – Дед вдруг остановился. – Озеро-то, давно, правда, Малахитовым прозвали. Там, – Дед махнул рукой в дальний конец озера, – был малахитовый рудник. А в деревне мастерские. И камень возили на лодках в деревню. Но это было очень давно. Потом камень кончился, и малахитовое дело заглохло. Вместо него тогдашний барин мебельный промысел учинил. А название почему-то тоже позабылось. Вот ведь как бывает, – Дед озадаченно замолчал. – Ннн-да, однако.

Придя домой, поужинали, и Димка отправился к себе. А Дед с внуком стали смотреть телевизор. Шла какая-то передача про политику. Упитанные дядьки яростно доказывали, что их курс полезней для страны. При очередной рекламной паузе, шупленький пенсионер прочитал свои стихи: "Если б я стал президентом!?"

Шёл я как-то по проспекту, никого не трогал.

Вдруг навстречу мне парнишка заступил дорогу.

Подает газету он, улыбаясь сладко,

вот возьмите, почитайте, это всё бесплатно!!!

Машинально взяв листок, продолжаю путь я.

Развернул, а там портрет: – выбираем Путина!!!

Пробежал глазами текст, всё одно и то же,

нету Боженьки на вас, текст я подытожил!!!

А потом вдруг мысль пришла, вот мы всех ругаем!?

А что сделал я б тогда, вдруг меня б избрали?!

Эта мысль, в мозгах застряв, не дала покою.

Дома сел и записал, чтобы я устроил?

Первое: – ученых всех посадил за карту,

обоснованный проект нужен государству!!!

Где растить, к примеру, рожь, а где землянику,

где построить, мол, завод, развести куницу???

Хлеб и уголь, мех и соль, памперсы и шторы,

технологии свои, не зависеть чтобы!!!

Я уверен, есть в стране умные ребята,

сто очков дадут вперёд, станем мы богаты!!!

Пункт второй: – народ страны!!! Брошен он сегодня!!!

Выживает, кто как может. То – не жизнь, а бойня!!!

Нет, не должен Россиянин при таких просторах

от чиновников зависеть, жить под их надзором!!!

Каждый должен дом иметь и земли участок,

чтоб еду свою иметь, меньше будет пьянства!!!

И рождаемость тогда вверх пойдет серьёзно,

вспомним старые года, где всегда прирост был???

Только дом – вопрос серьёзный, не решать наскоком,

должен дом быть современным, с научным наворотом!!!

Вдоль дорог настроил я б лучшие проекты,
чтобы жила в них семья не хуже президента!!!

И привязка их была к новым предприятиям,
ну, а главное, всегда было б всем занятие!!!

Города давно пора разгружать, ребята,
мы не тем путём идем, всем понять-то надо.

Дом хозяина даёт, а земля – трудягу!

Сто вопросов отпадёт социальных сразу!!!

И ребёнок не курил бы в подворотне травку,
Он бы трактор изучал, всякую знал козявку!

Не мечтал удрать из дома в города-трущобы,
Чтоб мозги заливши пивом, стать на дичь похожим!

Здесь и третий пункт назрел, – идеологический!
Кто стране сегодня нужен? Мыслим политически!!!

Нужен грамотный мужик, трезвый и умелый,
Чтобы мог поднять в стране он любое дело!!!

Чтоб физически силён, и морально – кремень,
чтоб Россию любил он, был ей предан, верен!

И детей рожал, как дед, крепких и здоровых,
и семью любил свою, а не пиво с колой!

А для этого, ребята, средства власти применив,
поменял бы я программы всех ведущих теледив!!!

Помню я, что еще Ленин нам об этом говорил:

«...средства массовой информации, – есть не только средством агитации, но и пропаганды и организации...» /где-то, приблизительно, так/

К сожалению, сегодня, средства недруг захватил,
разоряет он Россию, что терпеть не стало сил!

Вот, три главные проблемы, я б решал, как Президент,
остальное всё в тендеме потянул бы между дел.

Всем нашлась в стране работа, олигарху и бомжу,
и от взяток очень быстро мы б избавили страну!!!

Вы мне скажете, ребята, это всё – слова, слова!

Мы их слышим в день с десятков, только, где же всё ж дела?

Здесь один ответ простой: – не везёт нам с головой!!!

Взять историю страны, к власти мы приручены!!!

Нету власти – нету дел, хоть сам Бог бы там сидел.

Нам не нужен краснобай, нам порядок подавай!!!

Власть должна блюсти закон!!! А зачем написан он???

А слова – они елей, мажь их, кушай или пей,

лучше жить от них не станешь, хоть за шиворот налей!

Вот и всё. Короче, братцы, здесь стратегия проста.

Власть-то есть в стране сегодня, только власть – совсем не та.

Если новый Президент обратит на сей момент

взгляд свой, ищущий решенья, мы подскажем упущенья!!!

Только должен проявить он характер Калиты,
на царя Ивана тоже с Катериной быть похожим,
волю Сталина иметь. И, конечно, захотеть
интересы Россиян ставить выше, чем карман!!!

– Во как, понял, пенсионеры погибают, – Дед поднял большой палец. – Мыслят стратегически. Не то, что эти болтуны, – махнул он рукой на вновь появившихся на экране спорящих политиков.

Глава 4.

Утром к Деду зашёл его товарищ и что-то ему минут пятнадцать рассказывал. После его ухода Дед вдруг куда-то засобирился и, позавтракав, оставил внука одного. Виктор этому был только рад. Вскоре пришёл Димка, и они стали собираться в экспедицию по туннелю. Димка привёз на багажнике велосипеда батин домкрат. Виктор, покопавшись в кладовке, нашёл два приличных мешка. Из сарая вытащили две толстые доски. Привязав всё на велосипед и взяв еды и воды на целый день, а также спички, два фонаря, верёвку и молоток, тронулись. На берегу, перегрузив всё в лодку, спрятали велосипед.

– С чего начнём, с решётки или сокровищ? – Димка не спеша грёб к дубу, оглядывая окрестности.

– Давай с сокровищ, а то потом может быть не до них, – тихо ответил Виктор, также внимательно оглядывая приближающийся берег.

Подведя лодку к самим кустам, ребята, стараясь как можно меньше шуметь, выгрузились, привязали лодку и стали перетаскивать свой груз в пещеру. Оставив домкрат и прихватив мешки и верёвку с досками, протиснулись в туннель. Димка опять шёл впереди, освещая дорогу. Пыхтя и цепляя стенки каменного коридора, добрались до комнаты "сокровищ". Перекрыв первый провал, Димка добрался до двери и, привязав верёвку за кольцо, перекинул её через дверь.

– Давай свою, – он обернулся к брату. Получив конец доски, осторожно перетянул её на себя и перекрыв второй проём. Держась за верёвку, перешёл по ней в комнату. Внимательно осматривая пол, двинулся по периметру комнаты. Ничего не обнаружив, повернулся к брату.

– Вить, ты на всякий случай побудь там. А я спущусь вниз, что-то меня нервируют эти пики внизу. – Обхватив верёвку руками и ногами, Димка стал спускаться в яму. Виктор светил ему под ноги.

– Так, хорошо, теперь смотри, куда стаять, – предупредил он, когда Димка сполз до торчащих штырей.

Димка пошарил ногой и встал на пол.

– Ну, вот вам и здрасте, прибыли. А тебе, браток, круто не повезло. – Димка постучал по пике ногой и попытался её загнуть. Та чуть вздрогнула и стала поддаваться. Пропыхтев с полчаса, Димка позагигал все торчащие пики.

– Ну, вот теперь дело другое. На душе как-то легче стало, – он наклонился над скелетом.

– Да вы, сударь, судя по вашему кафтану, из простых будете. И что вы тут, интересно, искали?

Мальчик поднял сгоревший факел и поворошил останки грабителя. Из тряпья вывалился старинный кинжал в ножнах.

– Не густо, однако, не густо, – и захватив кинжал, он стал подниматься обратно.

– Давай я комнату осматрю, а ты пока отдохни, – Виктор помог брату взобраться на доску.

– Валяй, я пока посижу, – и он отошел в туннель.

Виктор перебрался в комнату и подошел к первому сундуку. Осторожно открыл крышку.

– Однако, это не самоцветы, – Мальчик наклонился и поднял над головой шкурку черного соболя.

– Дим, тут целый сундук соболей, – обернулся он к брату. – На вид вроде целые, я в них не разбираюсь.

Димка перебрался к сундуку и стал в нём рыться: – вроде, целые, и не сыпятся. Умели вот в старину меха хранить. Видишь, они чем-то пересыпаны. И запах нормальный. Можно продать. Соболю он вообще-то дорогой.

Виктор открыл второй сундук: – а здесь платья старинные. – Он поднял за ворот женское платье.

– Ну, такое сегодня носить никто не будет, если только в театре где или в кино, – обернулся к нему Димка.

– Оно и вправду какое-то богатое, видишь, шитьё золотое и серебряное, и тяжёлое. – Мальчик опустил платье в сундук.

Третьим стоял большой деревянный короб. Сняв крышку, Виктор увидел в нём какие-то камни зеленоватого цвета. – А здесь камни зелёные, – он взял один и показал Димке.

– Это, наверное, малахит, Дед вчера говорил, что раньше его здесь добывали.

Следующий короб под самую крышку был завален малахитовыми изделиями. Тут и шка-тулки, и разные фигурки зверей, птиц и людей, и подсвечники, и небольшие блюда, и вазы.

– А вот это действительно ценный клад, – Виктор в восхищении поднял фигурку то ли тигра, то ли рыси. – Представляешь, сколько это всё стоит, если продать.

Подошёл Димка и достал блюдо: – А ещё б лучше было всё в музей выставить. Красота-то какая. А продашь, всё расплзётся по сервантам богатеев, и никто ничего не увидит. Обидно, это же наши предки делали.

– Скажешь тоже, музей. Да сейчас из музеев волокут все, кому не лень. Ладно, про «продать» это я так, сгоряча сказал, мы вырастем, разбогатеем и свой музей откроем, и выставим там всю эту красоту. А пока придётся перенести всё к Деду и где-то хорошенько запрятать. Где, где? Конечно, в погребке. Новый загром выкопаем и замаскируем. Больше негде.

Виктор открыл следующий короб. Он тоже был набит изделиями из малахита. И следующий тоже.

– Господи, сколько же тут труда, – воскликнул Виктор, прикрывая короб.

Шестым стоял большой круглый короб, и в нём лежали какие-то камни. Виктор поднял один и поднёс поближе свет. Камень заблестел тусклой желтизной.

– Не понял, это что?

Подошёл Димка и присмотрелся: – Так это ж самородки необработанные. Это золото, а это серебро, – он достал другой камень.

– Тоже ценность своего рода. Только откуда здесь столько самородков?

– В окрестностях добывали раньше и золото, и серебро, но уже давно всё выработано.

– Дим, не блуждай, мы сейчас и находимся в этом самом давно, – засмеялся Виктор, – так что, ничему не удивляйся.

– Я не удивлюсь, если здешний барин, имея вокруг золотые и серебряные рудники, сам монету не чеканил. Ну, как Демидовы.

Следующим стоял опять сундук. Виктор откинул крышку. – Ну, что и требовалось доказать, – он театрально взмахнул рукой, и наклонившись, зачерпнул горсть тускло блестящих серебряных монет, – новенькие все, только из печки.

"...Ох, деньги, деньги, деньги, вы пепел лишь в огне!

С ума все сходят люди, желая вас себе.

Какие преступления готовы совершить,

Чтоб миллион с довеском в карман свой положить..."

– Ну, барин, ну, молоток, а Дед, помнишь, ещё хвалил его, мол, из своих денег барин мастеров подкармливал.

– Да, имея свой станок, чего ж не подкармливать. На эту серебряную монету раньше можно было купить целую корову.

Ребята с радостным блеском в глазах ворошили в сундуке монеты. Димка открыл следующий сундук и застыл с вытаращенными глазами. Судорожно сглотнув, он зачерпнул горсть монет и, протянув Виктору, сказал осипшим голосом: – а здесь золото.

– Ну, ни фиги себе, – наклонился Виктор над сундуком. – Это как у Скруджа Магдака. И что мы со всем этим будем делать?

– Думать будем, как говорит всегда Дед. Или сами влетим по полной и родственников подставим. Не дай Бог, бандиты пронюхают, всем хана. У нас в позапрошлом году случай был. Мужик в соседней деревне, Макарычем звали, на охоту ходил и где-то самородок нашёл. Да по пьянке и сболтнул в компании. Так Макарыча этого больше и не видели. Пропал он. Хорошо, что семью не тронули ещё. Вот такие у нас тут места, дикие.

Димка открыл девятый сундук: – а вот и печатный станок, и матрицы все тут. – Он достал одну. – Это под серебро.

– Ну что, брательник, можем свой цех открывать. Жалко, что тут нет современной матрицы доллара там или дойче марки на худой конец.

– Нам того, что наштамповано, до конца жизни хватит. Если, конечно, не шиковать, – Виктор поднял крышку следующего сундука.

– А вот это уже что-то стоящее, – он нагнулся над сундуком.

– И что там? – Димка подошел к нему. – Книжки? – он изумлённо протянул руки в сундук. – Старинные?! Класс!

"...Пещера открылась, везде паутина и дохлая муха, попавшая в плен.

Вдоль каменных стен сундуков ряд старинных, от них запах злата и вечности тлен.

Рукою, дрожащей сундук, открываю и взгляд внутрь бросаю из-под ресниц.

Но вместо волшебного блеска сокровищ вижу под крышечку стопки лишь книг.

И алчный огонь в груди угасает, на место его приходит другой.

Из этих ведь книг я что-то узнаю, и может, где клад лежит золотой.

И трепетно я листаю страницы, знакомые буквы ищу.

Но нет здесь про злато, конечно, ни строчки, себя я напрасно тем лыщу.

Но шрифт старорусский с трудом разбирая, я ахнул от сути страниц.

На жёлтых листах предо мной открывалась война от границ до границ.

То записи были корнета молодого, войну что с французом прошёл.

О Боги, спасибо, всё это дороже, чем злата сундук я нашёл.

Здесь предок ведёт свой дневник непрерывно от первых боёв на реке.

О том, как сражался Смоленск в окруженье, и Толь почему отступил.

Я медленно текст разбирал, пред глазами пылали деревни в огне.

И русский мужик в обожжённом зипуне ватагу сбивал на селе.

Я видел победные марши чужие и ропот своих казаков.

А вот и набеги на табор лихие, и пленных ведут под древком.

А здесь вот набат над Кремлёвской главою, пожары дозору видны.

И бегство французов обратно к Парижу, рассказы про вещие сны.

Последний листок дочитал осторожно, и тихо я книгу закрыл.

А перед глазами на Марсовом поле отряд казаков наш застыл...."

Ребята трепетно достали по книге и, присев на край сундука, стали их перелистывать.

– Ну что, тогда дальше пока не пойдём. Я имел в виду, за решётку. А то, мало ли что там. Решим вначале этот вопрос, – Димка обвёл рукой подземный склад. – Что берём первым?

– Я думаю, начнём с монет, вывезем их, потом по порядку остальное.

– Виктор подошёл к сундуку с золотыми монетами. – Давай мешки. Возьмём килограмм по тридцать, и в путь.

Насыпав в мешки монет, ребята понесли их к лодке. Запыхавшись, вывалились в пещеру.

– Не, так дело не пойдёт, – Димка упал на листья пола, тяжело дыша. – Нужны колёса. И я знаю, где их возьмём, – мальчик сел.

– У бабки есть сумка на колёсах, на базар с ней ездит, удобно и легко. Пол здесь ровный. Где б вторую взять?

– Надо у тётки Вали спросить, должна и у неё такая быть. На рынок тоже ж ездит. – Виктор поднялся. – Ну что, поплыли.

Затащив в лодку мешки, и оставив фонари в пещере, погребли, внимательно оглядывая плывущий навстречу берег.

– Хорошо, что я велосипед взял, сейчас мы быстро до дома домчим. – Димка выпрыгнул на берег и подтащил лодку.

Привязав лодку, братья перенесли мешки к велосипеду и, закрепив их на багажнике, направились к дому.

– Хорошо, что нам через всю деревню идти не надо, а то б обязательно кто-нибудь привязался, – пыхтел Димка, ведя велосипед.

– Но так долго продолжаться не может. Пацаны обязательно объявятся, – толкал сзади Виктор.

Добрались, никого не встретив. Затащили мешки Виктору в комнату. В сарае мальчик нашёл старый чемодан. В него и пересыпали монеты. Сверху Виктор накидал свою одежду, и чемодан затолкали под кровать.

– Пойдём, посмотрим, где можно тайник заделать, а потом за сумками на колёсах сходим. – Виктор подтолкнул брата к двери.

Взяв спички, и отщипнув несколько лучин, спустились в дедов погреб. Просторная яма, поражала своей чистотой и порядком.

Аккуратные деревянные полки с банками и крынками разных солений были выкрашены в белый цвет. Крутобёдрые бочки стояли ровным строем на каменных подставках. Закрома для картошки и овощей отделаны дубовыми плахами.

– У Деда, как в армии, всё по ниточке, – восхитился Виктор. – Даже нарушать рука не поднимается. Что будем делать?

– Да уж, как ни крути, но без Деда не обойтись. Пойдём Деда искать. – Ребята выбрались наружу.

– А вот интересно, куда это он сегодня с утра ранёхонько слинял, – Виктор закрыл крышку погреба. – И, главное, молчком.

Ребята вышли на улицу.

– Давай, ты домой за сумкой, а я к Тётке Вале, через час встречаемся здесь, – Виктор подтолкнул велосипед брата.

Тетки Вали дома не было, сестры занимались хозяйством. Нина готовила в летней кухне и под мурлыкающую из радиоприёмника музыку пела песню. Виктор, остановившись у входа, заслушался:

На обочине девчонка машет ручкой: – тормози!

– Дядя, миленький, скорее ты вези меня, вези, вези!

Милый друг, не уходи, без тебя мне будет худо!

Обязательно дождись, и тогда случится чудо!

Бог не даст тебе пропасть, я с тобою буду рядом!

Милый друг, ты подожди, ты – одна моя отрада!

– Что с тобой случилось, дочка, дядя пятаю включил!

– Из больницы позвонили, друг в беду мой угодил!

Припев:

Дядя понял, слов не надо, лишь вцепился он в свой руль.

А девчонка, что с ним рядом, всё рыдала вновь и вновь.

Припев:

Поворот, второй и третий, светофор мигнул, ездай.

– Ты не плачь, мы сейчас приедем, силы лучше собирай!

Припев:

– Вот ворота, там больница, ну беги! – Спасибо вам!

– Ты не плачь, беду слезами не разгонишь, знаю сам!

Припев:

И к палате подходила, твёрдый шаг её звенел!

– Вы позвольте! Здравствуй, милый, без меня, как ты посмел?!

Припев:

И за руку взяв парнишку, и к щеке её прижав,

улыбнулась нежно, нежно. – Здравствуй, милая, я ждал!

Припев:

По щеке пошёл румянец, и дыхание ровней.

Ты поспи, я буду рядом, вместе мы с тобой сильней!

Припев:

И сидела она рядом, охраняя долгий сон,

и улыбкою встречала пробуждение его.

Припев:

А Катерина рисовала в тени яблони.

– Привет, сестрёнки! – крикнул Виктор, отворяя калитку. – Обедом накормите?

– Привет, это к Нинке, она у нас сегодня дежурная, – Катерина махнула рукой в сторону кухни.

– А ты что, сачкуешь? – Виктор подошел к художнице.

– Неа, я с утра прополкой занималась, сейчас жарко, отдыхаю. К вечеру опять пойду.

Помочь не хочешь?

– Прости, дел невпроворот, самому в пору помощь просить.

– Интересно, что это за дела, да у тебя? – Девочка подняла лицо от картины. – Ну, как?

– Учиться тебе, Катерина, надо по-настоящему, – мальчик восхищенно покачал головой. – Такой талант загубишь.

– Чтобы, как ты говоришь, по-настоящему, нужны настоящие деньги. У мамы их нет. Так что, не сыпь соль на раны, пошли вон обедать. – Вытерев кисть и руки, девочка поднялась.

– Нин, а Нин, мы обедать сегодня будем? – позвала она громко.

– А, что? Ой, Витюнчик пришёл! А я и не слышу. Кать, ты что спросила? – Нина вышла на порог кухни.

– Я спросила, обед готов или как? – повторила Катя, моя руки под рукомойником, прибитом к яблоне.

– Так готов уже, сейчас и налью. Вить, ты с нами пообедаешь?

– Не откажусь, раз уж пришёл, – и он тоже подошёл к рукомойнику.

Помыв руки, брат с сестрой прошли к столу. Там уже стояли тарелки с дымящимся борщом. Девочка нарезала хлеб.

– Девчонки, а у вас велик-то ещё цел? – утолив первый голод, спросил Виктор.

– Да вон стоит в сарае, Катька на нём на пейзажи катается, – мотнула головой Нина. – А тебе зачем?

– Мы с Димкой хотим в тайгу скатать, – делая вид, что ест, буркнул Виктор. – Одолжите?

– Да бери, мне пока некогда раскатывать, – кивнула Катерина.

– А сумка у вас на колёсах есть?

– А сумка-то тебе зачем?

– Ну, вдруг там что найдём, грибы, рыбы, может, наловим, – Виктор усиленно хлебал борщ, – всё легче везти, и больше привезём.

– Ладно, не хочешь говорить, не говори, но врать ты не умеешь. – Нинка подсунула ему ещё кусок хлеба. – Есть сумка, старая, правда, но колёса целые.

Пообедав, Виктор привязал сумку к велосипеду и покатил домой. Димка его уже ждал.

– О, ты и велик взял, молоток. Теперь дело быстрее пойдёт.

До вечера они успели сделать ещё несколько ходок с золотыми монетами. В общей сложности перевезли весь сундук. Чемодан был полон, пришлось ставить в шкаф мешок и насыпать его. С сумками и велосипедами дело спорилось.

– Завтра перевезём серебро. А там и остальное. – Виктор закрыл шкаф.

– Не говори гоп. – Димка устало присел на кровать. – У меня уже все руки болят.

В коридоре послышался шум, и открылась дверь.

– Ау, хлопцы, вы дома? – Дед плюхнул на скамью что-то тяжёлое.

– Дома мы, дома, – откликнулся Виктор, выходя из комнаты. – А ты где был-то целый день?

– Так собрание на фабрике с утра шумело, а потом я в город съездил. Пенсию получил и купил вот кое-что.

– На ужин у нас есть что, аль нет, а то я что-то проголодался. – Дед присел на лавку.

– Сейчас приготовим, посиди, отдохни, – братья засуетились на кухне.

– Расскажи пока, что за собрание?

– Так что за собрание. Собрание, как собрание. Оповестили, что фабрика, якобы, наша из-за банкротства продаётся с аукциона. Предложили желающим выкупить. А кто у нас её выкупит? Бабы шептались, что уже есть покупатель, заграничный какой-то. То ли немец, то ли француз, не понятно только пока. А это всё, как бы для проформы, по закону так, мол, положено. Дали месяц сроку. Через месяц эти, как их, торги начнутся.

– А стоимость-то большая? – ребята переглянулись.

– Для меня большая, речь идёт о миллионах. Там ведь, почти все станки меняли перед перестройкой. Эх, такую фабрику обанкротили. Слух идёт, что это специально всё. Как Олега Юрьевича в восемьдесят восьмом выжили, так фабрика и пошла по рукам. Каждый новый директор только себе спешил карман набить, о производстве не заботился. А последний так вообще, говорят, половину станков вроде как продал. Самые искусные мастера куда-то все пропали, вот что странно. – Дед, задумался. – Я тут родню их поспрашивал, странно они как-то себя ведут. Вроде и отвечают, но глаза в сторону уводят. Не умеют у нас люди врать. Вот им и стыдно. Это в городе совесть свою многие на колбасу сменяли, а у нас ещё совестятся, видишь.

– А что отвечают-то по мастерам, Дедуль? – Димка поставил на стол миску с картошкой и стал резать хлеб.

– Говорят, что якобы на заработки в город уехали. Но, чую я, что-то здесь не чисто.

– Дед, а кто продажей управляет? – Виктор вылавливал ложкой из банки солёные помидоры.

– Да из города какой-то, плешивый. Маленький, толстенький, а глазки так и бегают, так и бегают, – Дед подошёл к рукомойнику.

– А с ним на иностранной машине три мордворота припожаловали. Всё зыркали зенками, ну чисто барбосы голодные.

– Ладно, что тут у нас? – Дед присел к столу и потянулся за ложкой. – Ужин холостяка: картошка, помидоры, хлеб и соль.

– Дед, извини, закрутился, про ужин забыл, – Виктор виновато пожал плечами.

– А обедал ты чем, внучок, забывчиками? – Дед взял картофелину.

– Не, обедал я у тётки Вали. Девчата борщ вкусный наварили. Ну, и я вовремя подоспел, – Виктор облизал губы.

– А ты специально что ль ходил, чтобы самому не готовить, – Дед недовольно поднял брови.

– Дед, ну не злись. Я за великом ходил и на обед случайно попал. – Виктор хитро подмигнул Димке.

Остальной ужин прошёл в молчании. Каждый что-то своё обдумывал, рассеянно жуя картошку с помидорами. Вымыв и убрав посуду, ребята ушли в комнату Виктора.

– Ну что, когда с Дедом будем говорить? – Димка присел на кровать.

– А что тянуть, давай прямо сейчас, – Виктор завесил окно и включил свет.

– Дедуль, а Дедуль, ты можешь сюда зайти? – позвал он Деда, выглянув в комнату.

– Что там у тебя? – Дед появился в дверях.

– Присядь, разговор есть, долгий, – многозначительно подчеркнул Виктор, заметив недовольство Деда.

– Понимаешь, Дедуль, – начал Виктор, когда Дед присел рядом с Димкой.

– Мы тут с Димоном клад нашли, хотели с тобой посоветоваться, что с ним делать. По сегодняшним временам государству отдавать, вроде, как и не резон. Не надёжные что-то руководители этого государства стали. А так как мы ещё не совсем взрослые, то ... В общем, Дед, смотри и ... две молодые головы – хорошо, но с третьей, опытной, надёжной.

И Виктор, подмигнув Димке, распахнул дверки шкафа и мешок раскрыл.

– Ёшкин кот, да это никак, серебро. – Дед нагнулся над мешком, – где это вы его нашли?

– Ну..., там конечно, – Виктор махнул рукой, – это не самое главное. Главное, как это всё в деньги превратить и ... в общем, мы подумали, – Виктор моргнул брату, – может, фабрику выкупить. Сделать её общей как-то, как раньше было.

– Ну, как раньше, не получится, а по-современному, что-то вроде кооператива, наверное, можно. – Дед разглядывал монеты.

– Интересно, они, как новые, в чём они лежали? – Дед посмотрел на Виктора.

– Ну ... так в этом ... как его, сундуке. В сухом сундуке. Вот и сохранились хорошо. – Виктор тихо выдохнул.

– А монеты-то старые, ещё Александровские. – Дед выпрямился. – Да, задачку вы мне серьёзную задали. Я поговорю кое с кем, а вы сами смотрите никому ни слова, а то за эти монеты без головы остаться можно.

– Дед, может их спрятать, куда подальше, пока от греха, а? – Подал голос Димка.

– Спрятать, говоришь, спрятать – это да, надо б. А ну пойдёмте. Фонарь возьми. – И Дед бодро пошагал на двор.

Зашли в сарай, и Дед откинул крышку погреба. – Спускайтесь, – и спустившись последним, прикрыл крышку. Пройдя к полкам с банками, Дед немного повозился, и вдруг вся полка, повинаясь его руке, стала открываться, как дверь.

– Ух ты, схран! Дед, а твой Дед случайно разбойником не был? – засмеялся Виктор. – Сто пудов, не ты это строил!?

– Нет, не я, еще пра – прадедушка мой. Он первый здесь дом ставил. А времена тогда лихие были, вот и делали схраны, почитай, каждый умный хозяин. Не раз детей и женщин спасали. Да и добро здесь прятали от татей лихих, особенно в Гражданскую. Атаманы здесь хорошо погуляли, покуда им хвосты-то не прижали. Да и продотряды тоже лютовали. Ну, ладно, всё это уже история. Дай-ка фонарь. – Взяв фонарь, Дед первым шагнул в открывшуюся дверь.

Сразу с порога вниз шли ступеньки обложенного диким камнем коридора. Спустившись метров на семь, они упёрлись в мощную дубовую дверь. Дед достал из кармана ключ, щёлкнул замком два раза и пропустил ребят в комнату. Да, это действительно была длинная, узкая комната, выкопанная в земле и обложенная диким камнем, каменный свод смыкался над головой метрах в четырёх.

– Умереть – не встать, – хлопнул в ладоши Виктор. – Дед, да тут и ядерная война нипочём.

Вдоль стен расположились двухярусные нары из толстого бруса. В торце комнаты виднелись шкаф и полки. Посредине стоял длинный узкий стол с лавками по обе стороны. Дед прошёл по комнате, похлопал по нарам, столу, подошёл к шкафу.

– Всё крепкое, добротное, из кедра сделано, на века. Но это ещё не всё. – Открыв шкаф, дед что-то нажал, и задняя стенка шкафа провернулась так же, как и полки в погребе. – А это вход в подземный туннель, он выводит в лес, почти на берег озера. Прогуляетесь? – Повернулся он к внукам.

– Гулять, так гулять, дедуль, ты сегодня удивил нас по полной. – Виктор подошёл к Деду. – Ты посиди здесь, а мы быстро, лады?

– Ладно, скачите, держи фонарь, и ключ возьми, там тоже дверь. Только смотрите, вдруг, где обвал или ещё что, а я так уж и быть посижу, не в мои годы по подземельям лазить. – И Дед присел на нары, а потом и прилёг, задумавшись о жизни.

Братья, не спеша, тщательно светя вокруг, двинулись по туннелю. И хотя ловушек здесь не было, но коридор-то старый. Пол был сухой и почти ровный, воздух не затхлый, лишь местами попадалась старая паутина. Пол шёл на подъём, и через полчаса неспешного хода братья упёрлись опять в мощную деревянную дверь. Пошарив ключом, открыли её. И вошли в новый коридор, через три метра он делал резкий зигзаг. Сначала поворачивал влево и метров через десять вправо. Этот коридор был замусорен сухими листьями, здесь гуще висела паутина. Воздух был заметно свежей. Вдруг шедший впереди Виктор взмахнул руками, и свет фонаря, мелькнув, пропал. Димка, ничего не поняв, остановился.

– Эй, ты где? – Димка, осторожно ощупывая пол, двинулся вперёд.

– Да здесь я, здесь, – загорелся фонарь, и Димка увидел поднимающегося на ноги брата. – Чёрт, чуть ногу не сломал, здесь ямка, осторожно. – Виктор стоял в яме на куче сухих листьев и мелкого хвороста на полметра ниже уровня пола. – Кажется, пришли. – Он посветил вперёд. Выход был густо переплетён корнями какого-то дерева. Виктор выключил фонарь. Сквозь корни серело вечернее небо. Громко квакали лягушки, и шумела вода.

– Так мы ж у озера, Витёк, – прислушался к ночным голосам Димка.

– Слушай, это же класс, не надо вокруг возить всё, светиться, можно прямо через туннель и в Дедов схрон, да?!

– Да-то, да, но сейчас нам лучше не вылезать, чтобы не демаскировать вход, – рассудительно заявил Виктор. – Утром придём сюда, будет видно, и всё сделаем. А сейчас пошли обратно. Обвалов нет, дорога чистая, что и требовалось проверить.

И братья ускоренным шагом пошли в обратную сторону.

– Ну, деды, молодцы, на века устраивались. Представляешь, какой это труд, такой ход пробить, не один год, наверное, делали, – восторгался по пути предками Димка. – Надо у бати спросить, может, и с нашего погреба тоже такой ход есть. А я-то всю жизнь здесь живу и ничего не знал, представляешь. И Дед вот бы помер и забыл сказать про такое сооружение. Как оно нам теперь пригодится. Мы теперь быстро всё перетащим и, главное, незаметно.

Запыхавшись, братья ввалились в дедов схрон.

– Дедуль, ты тут не заснул? Докладываем, всё в порядке. – Весело доложил Димка.

– Ну и славненько, ну и славненько. Пошли теперь потихоньку домой. – И Дед первым шагнул на лестницу.

Виктор, закрыв обе двери, шёл сзади, подсвечивая ступени. Не спеша, добрались до погреба.

– Я не закрываю, мешок перенесёте, потом сами закроете, смотрите, как. – И Дед показал потайную планку. – Бежите, я потихоньку покандыбаю, притомился я что-то. Спать пойду.

Братья вернулись в дом, достали мешок и, взяв за концы, с трудом поволокли в сарай. Пока дотасили, все взмокли. По ступеням было тащить легче, но не удобно. Спустившись в схрон, взгромоздили мешок на нары. Отдышавшись, пошли за чемоданом. Чемодан пришлось переносить, насыпая монеты в мешки. Сделали две ходки.

– Надо для монет какие-то ящики что ли притащить, а то валяются как-то неприлично на нарах, – оглядывая рассыпанные монеты, предложил Димка.

– Посмотрим в сарае у Деда что-нибудь приличное. Слушай, Дим, я тут подумал, а если сначала попробовать реализовать шкурки? Их и легендировать проще, мол, нашли в тайге чей-то старый схрон. А?

– А что, это, пожалуй, легче объяснить, чем кучу золота. А денег за шкурки должно быть много. А не хватит, добавим монетами. Надо Деду сказать. Пошли, – Димка поднялся с лавки.

– Дед, наверное, уже спит, – поднялся следом Виктор. – Давай-ка лучше пока за мехами сгоняем, чтобы утром уже было, что Деду показать. Он же план какой-то уже строит, с кем-то советоваться завтра собрался, – предложил он.

– Согласен, облегчим Деду задачу по спасению фабрики. Как думаешь, выгорит что-нибудь?

– Не знаю! Да и что гадать заранее, если задумали, то надо делать. А что получится, то получится.

– Вить, а тебе не жалко наших сокровищ просто так отдавать? – спросил вдруг Димка.

– Ну, во-первых, это не нами, как говорится, нажито, а, во-вторых, может мы их и нашли-то как раз к этому случаю, – остановился Виктор.

– Может, нас жизнь проверяет на вшивость, не подумал об этом? Я читал в одной умной книжке, что всё в нашем мире взаимосвязано. И всё зависит, как мы реагируем на те или иные события нашей жизни. Мне вот что там запомнилось:

"...Мир вокруг нас разнообразный, где хороший, где безобразный.

Где нам нравится, где нет, но в душе всегда ведь след

Оставляют те события, как же к ним нам относиться?

Взять, к примеру, что должны поступать все по порядку,

Не опаздывать в пути, делать так-то и вот так-то.

Не ругаться, не курить ни в подъезде иль балконе,

Много водочки не пить, помогать жене по дому.

Ну, а если что не так, не по-нашему виденью,

Разнести всё в пух и прах, и скандал тотчас затеять!

Так и жить, на мир озлобясь, каждый раз пылая спичкой,

Сколько хватит вам здоровья! Это вот и не учли вы!?

Помнишь, в песне как поётся, про погоду за окном,

У Природы нет любимцев, ей, что с солнцем, что с дождём!

Это мы не равнодушны, идти так, иль брать зонты.

Из всего нагроможденья всех эпитетов и слов, сделай вывод -

Живи проще, счастье- то само придёт!!!...."

– В общем, там много чего было интересного. Но, главное, что я понял, это не надо никогда обижаться на жизнь и не надо жадничать. Жизнь, в общем, этого не любит и наказывает. Так что, братишка, расслабься и позволь жизни поставить все точки по своим местам.

– Ну, ты, брат, даёшь, что за книга такая, дашь почитать, а то я всегда в сомнениях, когда что делаю.

– Ладно, дам. Ты подожди здесь, я посмотрю, Дед спит? – Виктор скрылся за дверью.

Через пару минут Виктор вышел, держа в руках мешки.

– Дед спит, поехали.

Ребята тихо вывели велосипеды и помчались к озеру. На небе уже высыпали звёзды, когда они вернулись домой с полными мешками.

– Дим, оставайся ночевать, чего туда-сюда бегать, – предложил Виктор.

– Угу, попить бы чего, – Димка сел на табурет.

Виктор достал банку компота. Попив, ребята пошли спать. Виктор к себе, а Димка улёгся на диван.

Сон.

...От шарканья деревянных башмаков, колёс проезжающих телег и карет над дорогой висел пылевой смог. Минут через десять он уже изрядно надоел Виктору.

– А сколько до города, любезный? – остановил он встречного крестьянина.

– Десяток лье, сударь, – испуганно поклонился тот и, оглядываясь, поспешил дальше.

– За десять лье я стану, как тот коврик, что лежит у порога таверны, – буркнул парень и почесал запылённый затылок.

– Я бы мог вас, сударь, подвезти, – улыбнулся гасконец. – Но, боюсь, моя бедная лошадь этого не одобрит, – кивнул он на еле передвигающую ногу своего одра.

– Да, вы правы, вдвоём мы на нём далеко не уедем, – скривился Виктор, бросив сожалеливый взгляд на лошадь спутника.

– Берегись! С дороги! – вдруг заорали сзади. Виктор обернулся. По дороге неслась богатая карета, запряжённая четвёркой. Привставший на козлах слуга, оскалившись, размахивал кнутом. Люди шарахались в стороны, роняя вещи. Заезавшихся слуга безжалостно стегал. Вдогонку кареты уже неслись проклятия. А кое–кто не жалел и камней.

– Д, Артаньян, я подожду вас на въезде, – махнув рукой разинувшему рот гасконцу, Виктор прыгнул. Вцепившись в ручку двери, и опираясь одной ногой на подножку кареты, он подтянулся. Увидев его, кучер обрадовался и занёс над головой кнут. Широкий замах, рассчитанный на сильный удар, пропал впустую. Виктор успел отклониться и перехватить кнут. Резко дёрнув его, он помог кучеру слететь на землю. Кнут остался в руках парня. Проводив взглядом закувыркавшегося в пыли кучера, Виктор забрался на его место. Подобрал вожжи, он огляделся. Здесь пыли было значительно меньше, чем внизу. И разогретую солнцем и борьбой физиономию обдувал ветерок. Лошади продолжали нестись, и Виктору пришлось исполнять обязанности кучера. Он громко предупреждал пешеходов об опасности, но кнутом не размахивал. Не получая ударов кнутом, лошади стали замедлять бег и вскоре перешли на мелкую рысь.

– Эй, Жак, ты что заснул? – раздался из кареты недовольный женский голос. – Чего стоим?

Удивлённо хмыкнув, Виктор подогнал лошадей. Те стали набирать скорость. Виктор оглянулся. Шляпы Д, Артаньяна в пыли не было видно. Приподнявшись на козлах, он посмотрел вперёд, город приближался.

– Жак, скотина, я тебя уволю! – из кареты раздался новый рык. – Гони, я опаздываю!

– Интересно только, куда? – поморщился Виктор и продолжал спокойно сидеть.

– Ну, ты меня достал, – дверца кареты приоткрылась, и высунулась женская рука с хлыстом.

Виктор едва успел увернуться. Удар пришёлся на скамью.

– Мадам, вы что себе позволяете? – Виктор прижал хлыст ногой.

– Я тебя запорю, негодяй, – завизжала дама, пытаясь выдернуть хлыст.

– А маникюр не повредите? – хмыкнул парень, убирая ногу. От неожиданности женщина чуть не выпала из коляски. Дверца, распахнувшись, хлопнула по стенке кареты.

– Ну, всё, тебе несдобровать, свинья, – охнула женщина, отлетая в угол сиденья кареты.

– С такой ведьмой точно, – хмыкнул Виктор, натягивая вожжи. Карета уже подъезжала к городским воротам. Впереди выстроилась плотная очередь. Она еле, еле втягивалась в ворота.

– Опять стоим, скотина! – дверца кареты распахнулась. Женщина встала на подножку, пытаясь разглядеть, что происходит впереди. Вот она подняла голову и застыла с открытым ртом.

– Эй, ты кто? – покрутив по сторонам головой, наконец спросила она.

– Да вот везу вас, мадам, – Виктор развёл руками, изображая радостную улыбку.

– А Жак где? – женщина шарила по карете, ища слугу.

– Перегрелся, побежал пивка попить, – продолжая улыбаться, пожал плечами парень.

– Ну, свинья, я ему попою! – стала наливать злобой женщина. – А ты откуда взялся?

– Так мимо шёл, вот, – Виктор продолжал сверлить женщину весёлыми глазами.

– А чего скалишься, нищеброд? – та впиалась в парня злым взглядом. – А ну, вали отсюда, пока цел.

– Да, пожалуйста, – пожав плечами, Виктор бросил вожжи и спрыгнул на землю. – Я уже и так приехал. – Он стал отряхивать одежду.

– Скотина, вожжи мне дай! – запоздало крикнула женщина, протягивая руку.

– Вожжи? – Виктор глянул наверх. – Это опять лезть надо.

– Так лезь, что стоишь, – топнула ногой разъярённая дама.

– Только ради ваших прекрасных глаз, – Виктор изобразил шутовской поклон и, вспрыгнув на подножку, схватил лежащие на скамье вожжи. – Прошу, мадам, – он протянул вожжи женщине, держась одной рукой за дверную стойку.

– Скотина деревенская, – женщина двумя руками схватила вожжи и локтем хотела ударить Виктора по лицу. Уловив это движение, тот пригнулся. Перед глазами закачался висящий на поясе дамы кошелёк. Та в это время взмахнула вожжами, и карета дёрнулась вперёд. Женщина по инерции стала отклоняться назад. Виктор, будто желая её удержать, схватился за её талию.

– Пошёл вон, скотина, – взбесилась та от такого бесцеремонного с собой отношения и сильно толкнула парня коленом. Вываливаясь из кареты, Виктор машинально схватился за кошелёк и вместе с ним улетел в кювет. Карета, набирая скорость, пролетела мимо.

– Ну, вот и прокатился, – ухмыляясь, Виктор встал и, сунув кошель за пазуху, стал отряхиваться.

– Эй, студент, ты жив? – раздался над ним озабоченный голос гасконца.

– Жив, и даже не ранен, – Виктор поднял голову. Его спутник сидел на тяжело дышащей лошади и насмешливо уважительно смотрел на парня.

– Ну, ты и рискованный парень, как я посмотрю, – покачал тот головой. – С тобой того и гляди куда-нибудь вляпаешься.

– Так ты ж хотел приключений, – улыбнулся Виктор, – или мне показалось?

– Так приключений же, а не разбоя на дороге.

– Не вижу разницы, – пожал плечами Виктор, выбираясь на дорогу.

В город они прошли спустя полчаса. Виктор вертел головой, рассматривая старый Париж. И он ему всё больше не нравился. Зловонные сточные канавы, серые дистрофичные лица копающихся в мусоре детей. Худые, злые их матери и отцы. Д, Артаньян свернул с центральной улицы и, пройдя пару кварталов, остановился у постоянного двора с вывеской подковы. У раскрытых ворот стоял оборванный мальчишка и презрительно на них смотрел. Виктор сунул руку за пазуху и пальцами развязал стягивающий узел чужого кошелька. Достав наугад первую монету, он зажал её в ладони и вынул руку наружу. Отвернувшись от озабоченно вертящего головой спутника, он раскрыл ладонь. Жёлтый кругляш радостно блеснул на солнце.

– Эй, пацан! – Виктор поманил парня. Тот, лениво сплюнув, нехотя оторвался от столба.

– Ну и что господам надо? – подойдя, скривился он.

– Возьми вот эту героическую лошадь, и чтобы, пока её хозяин будет в городе, она ни в чём не нуждалась. Понял? – Виктор подбросил верх монету.

– Понял, господин, – мгновенно преобразившись, парень поймал монету, и та исчезла в его кармане. Схватив лошадь гасконца, он повёл её в ворота.

– Эй, погоди, – растерялся от такой прыти хозяин лошади и потянулся за ней.

– Он позаботится о ней, господин кавалер, – остановил гасконца Виктор. – А нам бы тоже не мешало перекусить. Как ты думаешь, здесь кормят прилично?

– Не знаю, – пожал тот плечами, проводя глазами лошадь, – я сам тут первый раз.

– Тогда пошли, посмотрим, – и Виктор пригласил спутника войти.

– Слушай, студент, – Д, Артаньян приостановился на пороге, – я как бы в некотором роде ещё пока стеснён в средствах. Ты имей это в виду.

– Хорошо, я угощаю, – Виктор, улыбнувшись, подтолкнул кавалера вперёд.

В большой по здешним меркам комнате за длинными столами сидели люди разных сословий и профессий. Они ели, пили, играли в какие-то игры. В основном, в кости. В воздухе висела неповторимая смесь кислого вина с подгоревшей едой. На полу валялись кости, которые собирали шнырявшие под лавками собаки. Виктор поморщился и оглядел помещение. Край одного стола был свободен, и он подтолкнул к нему гасконца. Они присели. Д, Артаньян с любопытством крутил головой. Было видно, что всё это ему в новинку. Стоявший за стойкой хозяин заведения проводил гостей брезгливым взглядом и кивнул выглянувшему из дверей кухни юнцу. Тот, не спеша, подошёл к нашим спутникам.

– Что господа изволят? – быстрый взгляд беззастенчиво обшарил сидящих.

– Юноша, нам бы поесть, и, если еда понравится, комнату, – улыбнулся приветливо Виктор и протянул парню жёлтый кружок.

– Ай, момент, господа, – тут же преобразился парнишка и, крутнувшись на одной ноге, исчез в дверях кухни, успев по пути перекинуть монету хозяину. Тот с интересом уставился на гостей. Монету заметили, и кое-кто из посетителей. В трёх местах тут же сдвинулись головы, делаясь мнением. Виктор, заметив это, только хмыкнул. Вернулся с подносом слуга и расставил перед ними тарелки.

– Вино самое лучшее, – отерев вспотевший кувшин, сообщил он, наклонившись над столом.

– Спасибо, любезный, – кивнул с достоинством гасконец и подставил свою кружку.

Виктор оглядел свою тарелку. Кусок жареного мяса непонятного происхождения выглядел аппетитно. Запах, шедший от каши, тоже был вроде съедобен. Он взял ложку и зачерпнул кашу.

– Есть можно, – попробовав, хмыкнул парень про себя, и взялся за мясо.

– Я слышал, студенты вино любят, юноша? – вопросительно взглянул гасконец на Виктора, – а вы что-то даже и не притронулись.

– Я не из их числа, – поморщился Виктор. – К тому же кому-то из нас надо быть сегодня в норме.

Они, не спеша, поужинали. Гасконец опорожнил кувшин вина. Виктору слуга принёс кружку козьего молока. Наблюдавшие за ними только хмыкали. Закончив трапезу, Виктор поднялся и подошёл к хозяину.

– Мы можем рассчитывать в вашем заведении на приличную комнату?

– Второй этаж, третья слева, – протянул тот ключ.

– Спасибо, – Виктор кивнул гасконцу и направился к лестнице. Сзади звякнула шпага спешащего спутника. На последней ступеньке Виктор обернулся и окинул взглядом зал. По меньшей мере за тремя столами их провожали внимательные глаза.

– Мдааа, мир не сильно изменился, – хмыкнул Виктор, поворачивая в коридор второго этажа.

Предоставленная им комната имела широкую деревянную кровать и лавку. Небольшой стол в углу и два стула с высокими спинками. Дверь закрывалась на толстую задвижку. Задвинув за собой задвижку, Виктор подошёл к окну. Оно выходило на внутренний сад. Несколько фруктовых низкорослых деревьев, чахлых кустов и грядки с буйной зеленью. Кончался сад высоким каменным забором. За ним виднелась крыша соседнего дома.

– Предлагаю осмотр города отложить на вечер, – Д, Артаньян прямо в одежде завалился на кровать и вытянул ноги поверх одеяла.

– Не возражаю, – Виктор выдернул из-под головы кавалера подушку и кинул её на лавку. Сняв обувь, лёг, задумчиво глядя в потолок. За дверью протопали. – Интересно, они подождут ночи или нападут сейчас? – Послышались опять шаги и прервались у их двери.

– Господам ещё что нужно? – донёсся голос слуги. Виктор поднялся и открыл дверь.

– Кувшин воды и таз, – улыбнулся он парню.

– Я мигом, – кивнул тот, разворачиваясь. Вернулся он действительно быстро. Поставив принесённое, он бросил быстрый взгляд на спящего кавалера и шагнул к Виктору. – Там вами интересуются, – он ткнул пальцем вниз. – Они очень плохие люди.

– Что посоветуешь? – Виктор протянул парню монету.

– У вас одна шпага на двоих, – улыбнулся тот и вытащил из-под полы длинный узкий нож, – вот. Это может пригодиться. И ещё, – парень показал на окно, – через огород можно попасть на соседнюю улицу. Она справа. Там у забора ящики навалены.

– Ты честный малый, – улыбнулся Виктор и протянул вторую монету. – О лошади позаботься, если нам вдруг придётся уйти.

– Хорошо, не волнуйтесь. Она будет в сохранности. На конюшне мой брат.

Парнишка ушёл. Виктор наполнил принесённый таз и, раздевшись по пояс, умылся. Потом помыл и ноги. Утираясь взятым со спинки кровати полотенцем, он услышал, как скрипнула последняя ступенька лестницы. Потом прошуршали подкрадывающиеся шаги. Храп гасконца мог потягаться с хорошо несмазанной телегой. Виктор быстро оделся и, взяв нож, встал за притолоку. Он видел, как в щель меж дверью и косяком пролез нож и стал сдвигать задвижку. Потом дверь тихо поползла в сторону. Стало явственно слышно учатившееся дыхание нескольких человек.

– Средь бела дня лезут и не боятся, – хмыкнул парень и крепче сжал нож. Вот появилась голова первого. Его глаза впились в спящего. В руке блеснул нож. Гость сделал два шага и посмотрел на лавку. Следом вошёл второй. За ним просматривался ещё один. Виктор присел и снизу вогнал нож второму в район живота, толкнув его на третьего. И выдернув нож, не вставая, прыгнул на первого, в полёте падая ему на спину, и вонзая нож в шею. Вскочив, он развернулся и встретил третьего. Парни были не плохо подготовлены. И внезапное нападение третьему не помешало. Отбросив товарища, он кинулся на Виктора, но зацепился плащом за выступающий из открытой двери засов и промахнулся. Виктор, сделав шаг в сторону, развернулся и вогнал нож в бок падающего мимо мужика. Упав, тот попытался встать. Но был тут же добит вторым ударом в шею.

– Вот где-то так, – Виктор огляделся. Трое гостей лежали, истекая кровью. Д, Арганьян храпел. Выглянув в коридор, и никого там не обнаружив, Виктор закрыл дверь и задвинул засов. Обыскав гостей, он бросил на стол три ножа и кошельки. Немного подумав, подошёл к окну. Рама легко открылась. Оглядев сад и соседский забор, и никого не увидев, Виктор выкинул гостей в окно. Взяв кусок плаща, оторванного у одного их напавших, быстро замыл кровь с пола. Вылив воду за окно, прислушался. Тональность шума с первого этажа не изменилась. Вот опять простучали шаги и остановились у их двери. Взяв нож, Виктор занял свою позицию. В дверь тихо постучали.

– Кто там? – спросил Виктор.

– Это я, – голос слуги. – У вас всё в порядке?

– Заходи, – открыв дверь, кивнул Виктор парнишке. – У тебя, говоришь, брат на конюшне? Есть работа для него. – Он подвёл парня к окну и показал на лежащие внизу тела, – спрятать сможет?

– Не вопрос, – улыбнулся тот. – Пять минут, и всё.

– Тогда пусть займётся, – Виктор сгрёб со стола кошельки гостей и сунул парнишке. – И вообще, пусть посматривает сюда периодически, – он кивнул за окно. – Может, ещё кто упадёт нечаянно.

– Я передам, – кивнул серьёзно парнишка и, спрятав кошельки, исчез за дверью.

Закрыв за ним дверь, Виктор подошёл к окну и, встав с боку, стал наблюдать. Минут через пять появились два парня с лопатами. Без суеты и разговоров они перетащили грабителей

в дальний угол сада и стали копать яму. Через полчаса они её уже закапывали, набросав сверху навозу.

– Оперативно, однако, – хмыкнул Виктор, понаблюдав за слаженной работой. – Видно, не в первый раз это делают. Интересно, сколько тут неизвестных могил ещё? – Проводив парней, он вернулся к лавке и лёг. Немного подумав, встал и подпёр дверь стулом. Подёргал и, убедившись, что дверь надёжно закрыта, лёг опять. Через три минуты он уже спал.

Глава 5.

Утром они проснулись от скрипа половиц. Дед прошёл во двор. Димка встал и заглянул к брату.

– Витёк, подъём, – он дёрнул за одеяло. Виктор открыл глаза и сладко потянулся. – Какой мне сон снился.

– Дед уже встал, подымайся, соня, – Димка пошёл умываться.

Вскочив, Виктор заправил кровать и, проделав несколько гимнастических упражнений, вышел из комнаты. Никого не увидев, взял полотенце и выскочил на улицу. Димка плескался под ручкомойником. Виктор взял стоящее на лавке ведро с водой и, тихо подкравшись, опрокинул его на брата. Тот с воплями отскочил. Виктор, смеясь, побежал к колодезю.

– Ну, спасибо, братик, – отфыркиваясь, Димка схватил полотенце, – помог умыться. Я ж холодной воды боюсь!

– Что ты говоришь, будем приучаться. Настоящий мужик ничего не должен бояться. – Виктор энергично крутил колодезный ворот.

– Иди ко мне, сейчас и начнём, – он подхватил полное ведро.

– Нет, не так быстро, на сегодня хватит, – отбежал подальше Димка.

– Ну, как знаешь. На, мне полей, – он поставил ведро и наклонился. Димка облил брата водой.

Умывшись, ребята пошли готовить завтрак. Дед сидел у окна и улыбался. – Ну что, молодцы, умылись, накрывайте стол.

– Дед, ну ты что-нибудь придумал по вчерашнему вопросу? – спросил Виктор.

– А что тут думать, в город надо ехать, к знающим людям, что они скажут по монетам, а там и думать будем.

– Дед, мы тебе вчера не всё сказали, – Димка посмотрел на брата. Тот кивнул.

– В общем, мы ещё вот чего нашли, – Димка зашёл в комнату Виктора и вытащил оттуда мешок с мехами. – Их, наверное, проще будет продать, ну, и внимания они меньше привлекут. – Димка распахнул перед Дедом мешок.

Дед с минуту вглядывался, потом протянув руку, вытащил одну шкурку, встряхнул.

– И сколько у вас ещё секретов, внучата? – он посмотрел на застывших братьев.

– Ну, Дед, не дави на психику, а?! – Виктор снял чайник и стал разливать кипяток по кружкам. – Давай всё по мере движения вперёд, лады? Присаживайтесь к столу. – Димка унёс мешок.

– Ну, лады, вы уж взрослые, лучше меня знаете, что, да, как и почём, – проворчал Дед, беря ложку.

– Дед, ну не обижайся, – Виктор виновато склонил голову. – Мы ведь с тобой советуемся. Ты жизнь лучше знаешь. Но, согласись, сегодняшняя жизнь не похожа на твою вчерашнюю?!

– Ладно, проехали, как вы говорите, твоя правда. Сегодняшняя жизнь, действительно, не такая, как моя вчерашняя, так что, многие вещи мне и самому непонятны. Будем совместно думать. – Дед некоторое время молча жевал. – Вообще-то, меха будет менее заметно продать, хотя таких шкур уже лет сто никто не добывал, – озвучил Дед свои мысли.

– Так скажем, старый схрон охотничий нашли, – встрял Димка, – этому никто не удивится.

– Ну да, раньше здесь соболя-то добывали, раз есть такие шкурки, вот мы случайно и нашли. Тем более это правда. Шкуры то старые, придраться не к чему, – поддакнул Виктор.

– Надо только место находки определить, – Дед допил компот и поставил стакан, – этим сегодня и займусь, нельзя откладывать, раз мы такое дело затеяли. Я в тайгу, вы как, со мной?

– Дед, у нас тут ещё куча дел, – виновато пожал плечами Виктор.

– Ну, ладно, я Трезора возьму, – Дед встал из-за стола и прошёл в кладовку.

Ребята быстро доели и убрали со стола. Дед, повозившись, вышел с ружьём. Проверил затвор, сунул в карман пачку патронов.

– Налей-ка мне бутылку молока и отрежь краюху хлеба, – попросил он внука, – неизвестно, сколько придётся лазить.

Вышли во двор. Дед взял в сарае топор и поводок для собаки. Отвязав Трезора, и помахав братьям рукой, скрылся за калиткой. Щенок выглянул из будки и посеменил к ребятам. Виктор вынес ему поест.

– Ты, Шарик, сегодня дома за главного, – погрозил ему пальцем Димка, – всех впускать и никого не выпускать. Понял?

Заперев калитку и дом, ребята направились к сараю.

– А вот и "ящики", про которые вчера говорили, – Димка показал на четыре сорокалитровые бочки, стоящие под стеной сарая.

– То, что надо, и сухие. – Ребята занесли бочки вовнутрь. – Дед всё равно уже ничего не солит.

Аккуратно спустили бочки в погреб и, пыхтя, потащили их в схрон. Там поставили на пол и пересыпали с нар все монеты. Взяв мешки и коляски, направились по туннелю. По знакомому пути идти уже было легче. Преодолев последнюю дверь, вышли к свисающим корням. Димка внимательно стал оглядывать выход.

– Оп-па, я знаю, где мы, – радостно потёр он руки, – отличное место, правда плыть нам надо будет чуточку дальше, но это даже и лучше. Пошли.

Осторожно раздвигая свисающие корни, Димка проделал проход и вышел наружу. Прямо перед ними в десяти шагах плескалась вода озера, справа журчал небольшой, но, судя по ряске, топкий ручей, слева перед ними стеной стоял густой камыш.

– Если это сделано Природой, то я поражаюсь точностью предка, выведшего сюда лаз, если это сделано искусственно, то я тем более склоняю голову перед его гениальностью, как стратега, – оглядевшись, тихо произнёс Виктор.

– Это мы как-нибудь на досуге обмозгуем, а сейчас ты тут стой, а я пойду за лодкой, – Димка направился к камышам.

– А чего не вместе? – поднял плечи Виктор.

– Надо с воды это место получше засечь, чтобы не блудить каждый раз. Меня увидишь, руками помаши, но не кричи.

Димка ушёл. Виктор прошёл к берегу, пригляделся и, раздевшись, достав нож, спустился в воду, напевая песню:

Кто такие мужчины? ... я спросила у ветра.

Просто ... сильные птицы, ... по полету заметно.

По ночам, ... когда плохо, небо синее ... снится.

Нет, мужчины не плачут, ... просто снег серебрится.

Мужчины, мужчины, вы все так ранимы,

вы ёжики в жизни, скупы ваши мысли.

А мы вас погладим, колючки опустим,

вы добрыми станете, станете вкусными.

Их усталость... немного ... научила... быть жёсткими.

И не надо их гладить, постоянно по шерстке... нам.

Вы скажите им лучше, ... что-то нежное... в ушко.

Им порою, как воздух ... это ... сладкое нужно...

Припев:

Не стесняйтесь ночами ...делать им комплименты.
Ведь, мужчины, как дети ...иль похожие чем-то...
Поцелуйте их нежно, подарите им сказку...
И взамен вы получите ...необычную... ласку....

Припев:

Он подарит вам ...крылья, ... вы вместе взлетите.
В мир... далеких Галактик... иль, куда захотите....
И огромная Радость ...снизойдет к вам в полете...
Быть что значит... Любимой, наконец, вы поймете!

Припев:

Кто такие мужчины? Это сильные Птицы.....
Крылья резать не надо им, ...надо гордиться.
Пусть летят они дальше и выше, как смогут...
И задача вас, женщин, показать им дорогу ...

Припев:

Он начал аккуратно в самой воде, чтобы не оставались видимыми камышовые пеньки, расчищать подход к берегу. Проход он опять же делал не напрямую, а зигзагом, чтобы с воды случайному пловцу не была видна протока в камышах. Он почти закончил, когда услышал плеск вёсел и, обернувшись, увидел плывущего вдоль берега брата. Тихонько свистнул. Димка дернул головой на звук и молча направил лодку к стоящему в воде Виктору.

– Это ты здорово придумал, – оглядел он работу брата, – с воды так и не видно, и следов нет. – Они выбрались на берег.

– А из камышей давай шалаш сделаем, якобы тут прикормленное место для рыбалки, а? – предложил Димка.

– И никто не позарится, у нас не принято на чужих местах рыбачить. За это можно и отгрести от общества.

Ребята быстро обустроили "рыбачью" стоянку. Настелили камней от берега к входу в схрон. Из камышей соорудили шалаш. Виктор вырезал в камышах небольшой заливчик. Вырезали и поставили три рогульки под удочки, из камней сделали очаг для костра. Критически оглядев сделанное, остались довольны и, не теряя больше времени, сели в лодку.

– Осталось ещё удочки старые тут бросить, и всё, место застолбили, – прошептал Димка, направляя лодку к дубу.

Остаток дня братя прилежно перевозили и прятали в Дедовом схроне найденные сокровища. Прервались лишь, чтобы пообедать и покормить щенка. До вечера успели перевезти все серебряные монеты, камни с самородками и миниатюры. Вымотались изрядно. Лодку отогнали на старое место, искупались и направились домой. После купания стало легче.

– Надо завтра там удочки поставить, я прикормил место. А то мы, вроде как на Озере целый день, а без рыбы. Подозрительно.

Димка открыл калитку и остановился.

На крыльце сидел Дед и кормил медвежонка из бутылки. Тот аж захлёбывался, как оголодал. Рядом сидели Трезор и Шарик и с интересом наблюдали за новым гостем.

– Дед, это ты где взял? – подбежал к крыльцу Виктор. – Блин, нам теперь ещё медведей для полного счастья не хватало!

– Ну что ж, пусть бы сдох лучше, так что ли? – Дед укоряюще глянул на внука.

– Да нет, конечно, но, как не вовремя, – Виктор присел рядом на крыльцо. – Ты хоть дело успел сделать?

– Дело-то я успел сделать, место нашёл отличное, не подкопаешься. А его Трезор нашёл, когда мы уже обратно шли. Ты про дорогу спрашивал. Вот я и завернул на старую лежнёвку посмотреть. Есть там дорога, и ездит по ней кто-то и часто. Я уже пошёл посмотреть, куда ездят, а тут Трезор позвал, его в ямке нашёл. Мать видно убили, а его не нашли. Бедняга дня три, если не больше, голодный. Ну ладно, ладно, хватит тебе, присосался, – Дед оторвал бутылку от медвежонка, – теперь поспи. Куда б тебя пристроить? – Он оглядел двор и остановил взгляд на большой бочке, стоящей у стены. – Во, как раз для тебя.

– Дим, притащи сенца охапochку для постояльца, – Дед, взяв медвежонка на руки, направился к бочке. – Ты не вылезешь, и тебя не достанут.

Димка побежал за сарай и принёс охапку старого сена. Раструсив его в бочке, отступил. Дед бережно опустил медвежонка.

Тот, немного поворчав и покругившись, заснул.

– С этим разобрались, надо б и нам повечерять.

Хлопнула калитка, и во двор ввалились близняшки. – Это, где вы целый день пропадаете? – кинулась в бой Нинка, – три раза уже к вам приходили, никого нет, а?

– Так вот на печке лежим, – развёл руками Дед, – а вас ни разу не видели, небось, у подружек просидели, а теперь наезжаете, – Дед погрозил пальцем, – знаю я вас, стрекоз.

– Да, правда, Дедуль, мы приходили, правда, один раз, – Катерина, подбежав, чмокнула Деда в щёчку. – А что это тут у вас? – она заглянула в бочку.

– Нин, смотри, мишка! – она поманила сестру. – Маленький какой.

– Где это вы взяли? – Катерина нагнулась над бочкой, – спит, наелся.

– Да вот сидим, он идёт, – хихикнул Дед, – попить попросил, а потом сказал, что ему ночевать негде. Пришлось пристроить. Может, вам его презентовать, а то у нас и молоко приносное, да и нас днями дома нет. Как бы не обидел кто малыша, а? – Дед, прищурясь, смотрел на сестричек. – Вы присмотрите и покормите вовремя. А подрастёт, я его заберу, не бойтесь.

– Нин, что скажешь, – посмотрела Катерина на сестру, – присмотрим?

– Да чего уж там, присмотрим, только не забывайте, хлопцы, скоро покос, с вас сено за молоко.

– Ой, мы совсем заговорились, мамка пирогов вам прислала, вчера пекла, – и Катерина бросилась к оставленному у калитки узелку. – Ну, и молока. – Она подала узелок Деду.

– Ладно, мы пошли, нам некогда, поужинаете, медвежонка принесёте, мы ему тоже старую бочку приготовим, – Нинка дёрнула сестру за рукав, – пошли уж.

– Ну, вот и ужин наш, – Дед поставил узелок на ступеньку крыльца и развязал, – налетайте, внучата, небось, проголодались?

Поужинали пирогами. Посидели. Потом Дед понёс медвежонка к дочке, сказав, что ему кое-куда зайти ещё надо, а братья, взяв удочки, отправились на вечерний клёв. Добрались на лодке до своего тайника и закинули удочки.

– Я костерок разожгу, чтоб зола осталась, – предложил Димка.

– Давай, – кивнул Виктор, вытаскивая первую рыбку. – А смотри-ка ты, клюёт, – он схватил вторую удочку, на крючке трепыхался окунь. Димка натаскал сухих веток и раздул огонь. Посидев часок, ребята вернулись домой. Деда ещё не было. Почистили рыбу и сварили на утро похлёбку. Часть рыбы пожарили. Наконец появился Дед.

– О, кухарите, молодцы, я спать.

– На завтра какие планы, Дедуль? – спросил Виктор.

– Завтра мы с Егорычем едем в город. У него сын там в торговле работает, может что по шкуркам присоветует, – зевнул Дед.

– Пенсионеры наши предложение о том, чтобы выкупить фабрику, поддержали. Только мы новых-то законов не знаем, как это всё должно быть. Иван Степаныч, мастер наш бывший, тоже завтра в город к дочке поедет. Она у него бухгалтером в какой-то крутой фирме работает. И Сергеич ещё, тоже к сыну, он у него нотариус. Так что, завтра целый десант на разведку направляется. Остальные на фабрику пойдут, смотреть там, что почём. А вы свои дела закончили?

– Не, Дедуль, у нас ещё есть, чем заняться. – Виктор зевнул.

– Ну, тогда спать, – Дед скрылся за занавеской.

Утром, быстренько позавтракав, Дед заспешил к автобусу, а ребята же к своей лодке. Они опять ударно трудились целый день, с перерывом на обед, и перевезли весь малахитовый камень, матрицы и один ящик посуды. Усталые, расставляя на нарах искусные творения предков, любовались.

– Нет, такое только в музее должно быть, для всех. Богатеи пусть себе новоделы покупают, – Димка держал в руках красиво расписанное блюдо.

– Так сейчас, наверное, уже и не делают, а? Вить?

– Не знаю, я как-то не задавался этим вопросом, – Виктор вытащил из мешка последний предмет. – Ну что, пошли перекусим, и сгоняем ещё пару раз, платя сегодня перевезём, а завтра всё остальное.

– Давай, – согласился Димка.

Ребята сходили в дом, поужинали. Деда ещё не было.

– Странно, – Димка посмотрел на часы, – последний автобус полчаса как пришёл, где Дед?

– Может, ночевать в городе остался, за день не управился, вопрос-то не простой, подождём. – Виктор убрал со стола. – Ну, пошли.

До темноты ребята перевезли содержимое сундука с платьями. На дне этого сундука их ждал очередной сюрприз. Это была большая шкатулка из кости, похожей на слоновую, и завёрнутый в тряпицу большой серебряный крест. Крест был старый, потёртый. Перетащив всё в схрон, братья принесли шкатулку в дом и стали пытаться её открыть. Крутили и так, и этак. Нажимали везде, дергали – ничего. Поставили на стол и напряжённо думали, буравя шкатулку глазами.

– А ведь не пустая, раз тяжёлая, килограмма три будет, – Димка потряс шкатулку. Внутри что-то глухо забрякало.

– А ну-ка, – Виктор двумя пальцами взялся за выступающий вензель и попытался повернуть. Глухо щёлкнув, крышка откинулась.

– Ну вот, ларчик-то просто открывался, – он развёл руками.

Ребята наклонились над шкатулкой.

– Ну, ни фиги себе, – прошептал Димка. В открывшейся шкатулке тускло переливались грани, судя по всему, драгоценных камней.

– Я в камнях не разбираюсь, но что зря, думаю, прятать не будут, – осипшим голосом прокомментировал Виктор.

– Теперь нам не на одну фабрику хватит. – Димка запустил руки в шкатулку. – Во, – он поднял горсть камней.

Полубовавшись на переливы камней, ребята улеглись спать.

Утром, позавтракав, отправились по уже привычному маршруту. За день успели перевезти оставшуюся посуду и книги. После ужина решили вытащить и похоронить остатки погибших в подземелье. Виктор спустился по верёвке в яму под кладовой и осторожно стал собирать останки бедняги грабителя в мешок. С правой кисти свалился серебряный перстень. Виктор сунул его себе в карман. Возле голого черепа лежала такого же цвета штучка, похожая на

клипсу. Мальчик захватил и её. Потом выровнял по какой-то не ясной интуиции штыри и поднялся наверх. Сняли доски и закрыли дверь. И странно, плиты встали на своё место.

– Во как, ты понял, механизм работает, – удивился Димка. Возвратились до скелета, лежащего в туннеле. Виктор присел, Дмитрий раскрыл мешок. Виктор стал аккуратно складывать кости в мешок, отложив в сторону стрелу. На кости левой руки матово блеснул светло-коричневый браслет с какими-то выпуклыми значками. Виктор подумал и тоже отложил его в сторону. Собрав кости, прихватив браслет и стрелу, покинули подземелье.

– Где хоронить-то будем? – спросил Димка, гребя к берегу.

– А что, если их положить у входа в наш схрон, кого не надо отпугивать? – предложил Виктор.

– А что, это мысль! Серьёзного кого, не отпугнёт, а вот пацанов любопытных точно, – согласился Димка.

Так и сделали, отвезли мешок к новому заливу, положили в кусты и вернулись домой. Деда не было опять.

– Что-то наш Дедуля завис в городе, видно не всё гладко, – пробурчал Димка, направляясь к умывальнику.

– А ты что думал, всё тебе мгновенно сделается, это брат не так всё просто. – Виктор достал из кармана браслет. – Браслет, как браслет, из какого-то металла, – Виктор приблизил его к огню. – И значки, вроде, понятные. Вот Солнце, вот Луна, это похоже на Рожок или Дудку. С четвёртой стороны был Крест. – Виктор примерил браслет на левую руку, как у скелета и, покрутив, оставил сверху солнце. Вытянув руку, покрутил кисть, нормально. Повернул на Рожок и стал шевелить пальцами.

– Ой, мамочки, что это? – Димка вдруг схватился ладонями за уши и присел.

Виктор от неожиданности вздрогнул и опустил руку, разжав пальцы. Димка отпустил уши и повертел головой.

– Что это было? – изумлённо посмотрел он на брата.

– А что было-то, я ничего, кроме твоего вопля не видел и не слышал, – пожал тот плечами.

– Так меня по ушам такой звук резанул, что я чуть не оглох, – Димка потёр уши. – А ты что, ничего не слышал?

– Да нет, я задумался, – Виктор, догадываясь, посмотрел на браслет и, чтобы проверить догадку, стал медленно сжимать пальцы.

– Вот опять, слышишь? – Димка закрыл уши. – Что это?

– Не знаю, – Виктор разжал кулак. – А браслетик-то не простой, – он опять внимательно присмотрелся к значкам.

– С Рожком понятно, создаёт буквально убийственный звук, а вот что остальные? – Он повернул браслет Луной вниз.

Димка, закончив умываться, повернулся к брату и хотел что-то спросить, но растерянно оглядывался.

– Вить, ты где? – позвал он. – В дом что ли вошёл? – И он направился к дому, на ходу стряхивая с себя воду.

– Так, похоже этот значок делает меня невидимкой. Класс! – Виктор подпрыгнул от избытка торжества. – Ну и браслетик!? Так, дальше Солнце. – Он повернул браслет солнцем вниз. – Я так понимаю, значки включаются, находясь на запястье руки. – Виктор медленно покрутил кистью, сжал, разжал пальцы, помахал рукой, ничего не происходило. Даже присел пару раз, прошёлся туда, сюда. Вышел за калитку к огромному валуну, лежащему у забора, и попытался его сдвинуть. Ничего нового в себе он не обнаружил. – Ага, это значит, что при этом положении ничего не происходит. Понятненько, дальше, Крест. – Мальчик повернул крест вниз. Осторожно покрутил кистью, пальцами, рукой. Ничего. Попробовал поднять валун и

вдруг легко перевернул его на другой бок. – Ничего себе. Чёрт, надо было сразу этот браслет взять, не махались бы так с переноской найденного. – Виктор с досады ткнул кулаком в доску забора. Кулак провалился. Мальчик впечатался плечом в забор. – Даже так? – морщась, он вытащил руку из дыры. – А так? – Виктор вошёл во двор и огляделся. У сарая лежала толстая слега. Виктор нагнулся и сжал её конец правой рукой. Крепкое дерево рассыпалось в труху. – Вот это да. – Подойдя к железной бочке с водой на углу дома, Виктор сжал кулак, приложив его к боку бочки, и потихоньку нажал. Толстое железо стало легко вдавливаться. – Так, понятно, это силовой вариант. Ну что ж, подведём итоги. – Виктор сел на лавку под окном дома. – Что мы имеем в итоге? Неизвестного происхождения, уникальный аппарат, который можно носить безопасно на руке. Так? Работает он при нахождении на внутренней стороне кисти. Рожок, я так понимаю, – ультразвук, наверное, может убить. Сила звука, как установили опытным путём, регулируется сжатием пальцев. – Виктор, усмехнувшись, посмотрел на дверь, где скрылся Димка.

– Ладно, потом потренируемся ещё, не на брате же испытания проводить. Луна – этот значок означает невидимость. Мою. Вместе с одеждой. А если я возьму ещё что-нибудь в руки или, например, обниму кого. Ладно, потом проверим. И Крест. Он даёт немереную силу. Это я смогу всё, что захочу, поднять или развалить, к примеру. Здорово. Это нам скоро пригодится. Ладно, на сегодня хватит впечатлений, пора спать. – И он, поднявшись, умылся и направился в дом. Димка уже лежал на диване. Обернувшись на скрип двери, спросил: – ты где был? Молчком пропал.

– Да я, это ..., – Виктор поперхнулся, – в туалет ходил. – А про себя подумал, что Димке пока говорить не будет. Сюрприз.

Утром, позавтракав, спустились в схрон и разложили по порядку принесённые ценности.

– Да, – протянул Димка, – добра у нас полно, но как в той басне про лису и виноград. Вот оно, красивое, а не воспользуешься.

– Ты прав, перевести всё это в деньги – большая проблема. А так, действительно, как в сказке. Мы с тобой получаемся, как два Кощея, что над золотом чахнут. Сами не "едят" и другим не дают, – Виктор засмеялся.

– Во, как в музее, красота, – Димка отошёл в сторону и оглядел расставленные по нарам вещи. – Я так думаю, что, когда фабрика будет нашей, мы при ней и организуем музей. А, Витёк, как мыслишь?

– Я не против, но тут есть маленькое – но! Фабрика ещё не наша. – Виктор развернул крест и, посмотрев, погладил левой рукой вмятину на левом луче креста.

Сон.

“...-Хозяин, хозяин, – пожилой воин, упакованный в кожаные доспехи, тяжело дыша, догонял, идущую группу людей в монашеской одежде.

– Что случилось, Вел? – остановился старший в группе.

– Хозяин, они приехали, – воин остановился, пытаясь отдышаться.

– Кто, приехал? – не понял остановившийся.

– Русы, хозяин. Приехали Русы. Я сейчас видел их на Северном рынке.

– Что за Русы, Вел? Ты о чём? – пожал плечами мужчина.

– Ну, те, из Гардорики. Вы спрашивали о них меня, помните?

– Русы из Гардорики? – мужчина потёр лоб. – Ах, Русы! – воскликнул он, – вспомнил. –

И что, они где?

– Они на Северном рынке ходят, смотрят.

– Так, так, – мужчина задумался.

– Вел, тебе надо войти к ним в доверие. Ну, подружиться, – топнул он ногой, видя непонимание воина.

– Хозяин, Русы очень доверчивы, – улыбнулся растерянно воин. – Но они не прощают обмана и не терпят лукавства. С теми, кто их обманет, они поступают по закону своей страны.

– Это как? – заинтересовался монах.

– Они отводят человека в Лес и оставляют привязанным к дереву на пять дней, – воин показал растопыренные пальцы.

– И всё? – удивился монах.

– И всё, – пожал плечами воин, – остальное сделает Лес.

– А, понятно, – кивнул монах. – Они отдают виновного на корм диким зверям. Хороший обычай. Жаль, что у нас нет таких лесов поблизости. Так что, Вел, не переживай. В лес они тебя не отведут, – монах, засмеявшись, похлопал воина по плечу.

– Зато у нас есть горы, хозяин, – усмехнулся воин.

– Ладно, Вел, не будем загадывать наперёд. Твоя задача – только подружиться с Русами. А потом ты познакомишь с ними меня. И всё. На вот тебе, – монах, отстегнул от пояса кошелёк и протянул воину, – угости их чем-нибудь, подарок какой сделай. Ну, ты лучше меня знаешь, как с ними обращаться. И потом мне всё расскажешь. Вечером. Иди.

Взяв кошелёк, воин ушёл.

– Урл, – монах посмотрел на молодого монаха, – иди, понаблюдай со стороны за этими дикарями. Мы о них ничего не знаем. И это плохо. Мы должны знать, что с ними делать. Воевать или дружить?

Вечером того же дня:

– Хозяин, они не пьют вина и не играют в азартные игры, – виновато опустил голову воин, докладывающий сидящему за столом монаху. – Я полдня водил их по городу, показывал храмы, ипподромы, публичные дома и трактиры, и они ни к чему не высказали свой особый интерес, хозяин.

– Они что, совсем бесчувственные? – удивился монах.

– Не знаю, они улыбались, благодарно кивали, но я не видел в их глазах ничего, кроме сдержанного любопытства.

– Что, и голые танцовщицы их не заинтересовали?

– От них они лишь морщились и отворачивали лица, – развёл руками воин.

– Ей, Богу. Я их начинаю уважать, – усмехнулся монах. – Ну, а к чему-нибудь у них был особый интерес?

– Я этого не заметил, господин, – солдат виновато пожал плечами.

– Ладно, иди, Вел, и ещё раз подумай. Если что вспомнишь, придёшь, – махнул рукой монах.

Солдат, кланяясь и пятясь, вышел из комнаты.

– Эй, кто там? – крикнул монах. В дверях появился слуга и низко склонился в поклоне. – Урл появился?

– Да, хозяин.

– Зови.

– Это удивительные люди, Метр, – развёл руками вошедший монах.

– У нас таких уже давно нет. Но я слышал от моего старого учителя, что раньше, до империи, были.

– И чем же они тебя сразили? – скривился монах.

– Они, как дети, Метр. В их глазах нет злобы, алчности, зависти, я не говорю уж о ненависти и властолюбию. Наши базарные пройдохи не могут с ними торговаться, – засмеялся молодой монах.

– Как это? – поднял брови Метр. – Торговец, и не может торговаться?

– Ну да, – улыбнулся Урл. – Я наблюдал сегодня такую сцену: подходит Рус к торговцу тканями. Перебрал их, показывает купцу на понравившийся кусок и растопыривает у того

перед носом три пальца. То есть, хочет взять три куска. Купец кивает, что понял и бежит в свою кибитку. Оттуда тащит три куска материи и тут же, не дав Русу рассмотреть их, заворачивает в мешковину. Но тут Рус машет руками и разворачивает куски обратно. И начинает их смотреть. Купец чуть из кожи не лезет, прыгая вокруг. А Рус вдруг берёт один кусок и ломает о колено. Видели б вы, Метр, лицо купца. За секунду оно сменило цвет от красного до зелёного. Я грешным делом подумал, что Рус ему сейчас просто также оторвёт голову, – монах опять засмеялся. – Наверное, купец подумал тоже самое. Он на глазах похудел килограмм на пятнадцать.

– Даже так? – изумился Метр. – И что было дальше?

– А ничего, – пожал плечами монах. – Рус кинул на прилавок куски и, покачав головой, ушёл с рынка.

– Что, и даже не поругался? – изумился Метр.

– В том-то и дело, – усмехнулся монах, – он даже не рассердился. Лишь сказал что-то на своём языке. Но, не злое, а так, как будто щенка неразумного погладил.

– А купец, что?

– А купец сел к стене и сидел часа два.

– Видно молился, что жив остался, – усмехнулся Метр. – Что же это за люди такие? – в задумчивости монах подошёл к окну. – Они не позволяют обманывать себя. Но в то же время и не проявляют гнева, если кто это вдруг сделал. Что ещё ты видел? – повернулся он к молодому монаху.

– В корчме, где они обедали, какая-то шайка оборванцев хотела подбить их на драку.

– Ну-ка, ну-ка, это интересно. И что?

– Тоже ничего, – пожал плечами монах. – К их столу подошёл самый крупный из шайки и стал оскорблять Русов. Потом, видя, что они не понимают его слов, смахнул со стола их еду и нагло засмеялся.

– И что? – подался Метр вперёд, – они подрались?

– Нет, – улыбнулся монах. – Встал один Рус и просто выкинул в окно грубияна.

– Ну, а остальные что?

– А остальные вдоль стеночки смылись сами, – пожал плечами монах.

– А вино они пили?

– Нет, только молоко.

– Надо напоить их вином, – стукнул по столу Метр.

– И как вы себе это представляете, господин?

– А мы пригласим их на праздник, где все будут пить вино. И пусть только откажутся, – злорадно оскалился Метр. – Что ещё ты у них заметил?

– Великодушие и доброту.

– Ну, это не новость. Ещё что?

– Братскую заботу друг о друге и фанатичную верность.

– А вот на этом можно сыграть, – задумался старший монах.

– Как?

– Пока не знаю. Надо подумать. Ладно, наблюдай ещё за ними. Подмечай каждую мелочь. Попробуй подсунуть им продажных девок. Подошли торговцев украшениями. Как они относятся к лошадям? Кстати, Вел говорил, что они заходили в храмы. Ты видел?

– В храмах они вели себя тихо, лишь вертели головами, как дети. Им всё у нас любопытно.

– Что, и никакого благовеяния? – изумился Метр.

– Только любопытство, – пожал плечами монах.

– А ведь это замечательно, – вдруг хлопнул ладонями Метр и, вскочив, подбежал к монаху. – Ты понимаешь, Урл. Они, как чистый лист. И мы напишем на нём то, что нужно нам. Правда, это будет нелегко. Иди, мой мальчик, изучай дальше этих необычных людей. Всё

примечай. Как ходят, как едят, что едят. Смотри, как моются в банях. Всё смотри и запоминай. Это нам очень пригодится. А я пока подумаю, как и что мы напишем на этих “листах”, – монах вернулся в своё кресло и, сев, задумался. – Или они станут нашими слугами или смертельными врагами.

– Позови мне Вела, – поднял он вскоре глаза на слугу.

– Я слушаю, мой Господин, – появился в дверях солдат.

– Вел, твои Русы признали в тебе их друга?

– Не знаю, хозяин, – пожал тот плечами. – Но они знают мой народ. Многие из наших остаются в их землях и живут. И там их никто не обижает.

– Вот и хорошо, Вел. Слушай меня внимательно. Подбери из своей сотни десятков, два самых доброжелательных твоих земляков. Пусть они приведут себя в порядок. Завтра ты устроишь с ними пир и пригласишь Русов.

– А в честь чего пир, господин?

– Что почитают Русы больше всего?

– Рождение детей и своих стариков.

– У тебя дети есть, Вел?

– У воинов не бывает детей, Господин. У нас нет жён.

– Тогда, ты будешь праздновать своё рождение. Сколько тебе лет?

– Я не знаю господин. У нас не принято считать годы. Считается, что этим ты привлечешь внимание Богини, Моры.

– Чёрт возьми, Вел! Ну, праздники какие-нибудь у твоего народа хоть есть? Какой-нибудь хороший праздник?

– Здесь у нас нет праздников, господин, – опустил голову солдат.

– Это ещё почему? – удивился монах.

– Здесь нет наших лесов и степей. Наших гор и долин. Наших рек и озёр. Наших женщин, стариков и детей, господин. А без этого, какой праздник. Так попойка солдатская и всё, – пожал плечами солдат.

– Вел, ты меня ставишь в тупик, – монах, задумался. – А придумать что-нибудь ты в состоянии?

– Можно, обмыть повышение по службе, – подумав, предложил воин.

– А кого повысили? – прищурился подозрительно монах.

– Сиг стал десятником вчера вместо умершего от лихорадки Рома.

– Ну вот, хороший повод, – усмехнулся монах. – Значит, предупреди своих ребят, что их задача, напоить Русов, а не самим надраться до поросят.

– Кто не напьётся, получит потом по десять монет. А кто напьётся, поедет на границу с пустыней. Понял?

– Понял, господин, – кивнул солдат. – А что потом?

– Что потом? – уставился на него монах.

– Ну, напоим мы Русов, а что потом?

– А, потом, – усмехнулся монах. – Я хочу посмотреть, какие они пьяные и всё, – пожал он плечами.

– И всё? – прищурился подозрительно солдат.

– И всё, а ты что подумал? Что я их убить хочу? А зачем мне это?

– Я ничего не подумал, Господин, – построжело лицо солдата. – Только Русов нельзя обижать. Их товарищи потом могут спросить за это.

– Ты что, Вел, боишься их?

– Я б не хотел, господин, воевать с этим народом и тебе не советую, – нахмурился солдат. – Они, хоть и дети, но сильные дети. А вы знаете, что, если ребёнка обидеть, что он может натворить.

– Хорошо, Вел, я понял тебя, – серьёзно кивнул монах, – иди, готовься.

Солдат, поклонившись, вышел.

– Чёрт, почему они их всех боятся? – стукнул по ручке кресла монах. – Что в них такого особенного?

На следующий день Метр с молодым монахом стояли у тайного окна и смотрели на пирующих в большом зале трактира. Кроме солдат Вела и приглашённых Русов, в зал никого не пускали. Столы ломились от мясных блюд и кувшинов с вином. Солдаты ели и пили в три глотки, угощая гостей. Но гости были более сдержанны и ели мало, а пить вообще не пили, вежливо пригубляя свои кружки после каждого тоста. Вел вёл оживлённую беседу со старшим Русов.

– Так говоришь, Урл, он просто выкинул его в окно? – усмехнулся монах.

– Я бы не отказался иметь у себя такую охрану.

– Они не нанимаются никогда, господин, я узнавал, – тихо сообщил молодой монах. – Но дерутся умело. Я видел, как на площади Рус сражался с тремя. Он их вывалял в пыли и в конце закинул в фонтан.

– Это что была драка?

– Нет, просто развлечение. Он смеялся, сражаясь. Хотя его противники очень злились.

– А как они живут с соседями?

– Они ни с кем не ссорятся сами, господин.

– Так они и в набеги не ходят? – изумился Метр.

– Нет, им это не нужно, – вздохнул монах. – У них своего хватает.

– А что наши купцы, ходят к ним?

– Ходят и с большой прибылью, – кивнул монах. – Некоторые даже там остаются зимовать.

– Зимовать, это что?

– Ну, у них в сезон наших дождей, идёт снег. Поэтому так и говорят.

– Приведи ко мне тех купцов, кто ходил к Руссам и зимовал там. Я, кажется, знаю, как мы их ломаем, гордецов таких. Правда будет это долго и нудно. Но я это начну, а вам останется только продолжить. Всё, пошли отсюда, Урл, мне больше нечего здесь смотреть. – Они вышли на улицу. – Собери мне побыстрее купцов, Урл, и пришли того, чернобородого старшину, что привёл в прошлом месяце к нам своё племя.

Кивнув, молодой монах, свернул к базару. А старый, что-то обдумывая, не спеша брёл по улице. На перекрёстке он остановился, уставившись на монаха в обтрёпанной рясе, сидящего с чашкой на углу здания.

– Вот они мне и нужны, – хлопнул себя по лбу Метр и подошёл к монаху.

– Тебя как зовут, убогий?

– Сил, господин, – оскалил монах беззубый рот.

– Слушай внимательно, Сил, – Метр наклонился к нищему и поморщился от исходящей от него вони. – Собери мне к полуночи всех своих братьев на пятой арене.

– Зачем, господин? – побледнел монах.

– Да не бойся, – усмехнулся Метр, – если б мне надо было вас убить, я бы послал солдат. Я хочу дать вам прибыльную работу.

– Хорошо, господин, – поклонился нищий, – я соберу, кто пойдёт.

– А ты ещё скажи тем, кто не пойдёт, что завтра я уже точно pošлю солдат, – Метр, оскалился в хищной улыбке. – Ты меня понял, Сил?

– Я всё понял, господин, – опять побледнел нищий и, подхватившись, резво посеменил по улице.

– Вот так-то надо с вами, – монах, проводил взглядом скрывающуюся в переулке фигуру и зашагал дальше.

Вскоре монах уже входил в ворота своей резиденции. Предупредив привратника, что приходящих купцов пусть провожает в голубой зал, он пошёл к себе. Открыв большой шкаф в своей комнате, монах стал рыться в лежащих там свитках. Он читал начало и откладывал, беря следующий. Примерно через час в дверь постучали, и вошёл Вел.

– Я собрал купцов, господин, – доложил он.

– Я уже иду, – кивнул монах, откладывая очередной свиток.

Закрыв шкаф, он направился за Велом.

– Ты всех нашёл?

– Нет, некоторые в отъезде, по торговым делам. А трое болеют.

– Сильно болеют? – удивился монах.

– Родственники готовятся к похоронам.

– Надеюсь, ты догадался пригласить их приемников?

– Да, господин, пригласил.

– Наверняка, они тоже были в Гардорики или слышали рассказы отцов.

– Я тоже так подумал, господин.

– Вел, ты будешь хорошим моим приемником, – вдруг засмеялся монах.

– Ты уже наперёд угадываешь мои мысли и планы. Если мы провернём то, что я задумал, потомки будут помнить нас в веках, Вел.

– У меня нет детей, господин.

– Для нас, Вел, весь народ Средиземноморья, дети. Помни это.

Они вошли в большую комнату, стены которой украшали голубые гобелены. Вдоль них на лавках сидели купцы в разноцветных халатах. Метр прошёл к стоящему у противоположной стены креслу и, опустившись в него, оглядел пристально гостей.

– Почтеннейшие, я пригласил вас для того, чтобы вы послужили стране, в которой живёте и попутно пополнили свои сундуки золотом. Кто не нуждается в золоте, может сейчас встать и уйти. Я не буду его наказывать. Но кто останется и не выполнит моё задание, умрёт не только сам, но и все его родственники до пятого колена. Я жду.

– Мы все готовы служить тебе, господин, – наконец произнёс, поклонившись, самый пожилой из присутствующих, переглянувшись с товарищами.

– Хорошо, – кивнул Метр. – Тогда слушайте и запоминайте. Вы возьмёте товар, пользующийся хорошим спросом в стране Русов. Вы возьмёте много золотых и серебряных украшений, а также наших монет.

– Господин, Русы не торгуют на деньги, – перебил говорившего один из купцов.

– Не понял? – поднял брови Метр, – а как же вы с ними торгуете?

– Только на обмен, – развёл купец руками. – Русы равнодушны к блеску золота и серебра.

– У них что, совсем нет золота?

– Есть, господин. Но лишь на женских украшениях.

– Ну вот, – кивнул Метр, – значит, берите больше украшений. Вы должны своим товаром разжигать в Русах зависть и желание иметь этот товар любой ценой. Это раз. Второе. Вы возьмёте с собой нищих монахов, что побираются у нас на каждом перекрёстке и оставите их там жить. Обратно никого не брать. Третье. Вы возьмёте с собой много вина и будете приучать к нему Русов. Образуете свои склады и оставите там своих людей. Пусть они там живут и потихоньку рассказывают, как замечательно жить здесь у нас. Какие у нас богатства и так далее.

– А это зачем, господин?

– А, чтобы Русы захотели иметь наши богатства. Поручите своим людям, пусть берут молодых людей из местных и обучают торговым навыкам. Кто захочет, берите сюда. Приучайте к нашей жизни, нашим обычаям, нашим Богам. Пусть ваши люди берут в жёны местных женщин и детей тоже воспитывают в наших традициях.

– Господин, но у Русов очень много городов. Нас не хватит на все.

– Вы каждый выберете себе один город, а в оставшиеся пойдут другие.

Если вы сумеете закрепиться в выбранном городе и вырастить вокруг себя преданных нам людей, вы не будете знать нужды никогда. Страна Русов очень богата, и это богатство вы должны будете прибрать к своим рукам.

– Зачем вам всё это, господин? – спросил старший из купцов.

– Я не хочу, чтобы однажды Русы пришли сюда и стали здесь хозяевами, – усмехнулся Метр.

– Но Русы не воинственны, господин.

– Это сейчас. Когда-то и персы не были воинственны, а сейчас вы лучше меня знаете, что они творят.

– Но империя сама в этом виновата, – пожал плечами купец.

– Мы сейчас не будем в этом разбираться, купцы. Вы только уясните себе одну мою мысль. Я хочу, чтобы империя правила миром вечно. Ни персы, ни Русы, а ИМПЕРИЯ, поняли, купцы. И кто не будет мне в этом помогать, тот не только мой враг, но и враг ИМПЕРИИ. На сборы даю вам неделю. За деньгами и товаром обращайтесь к моему казначею, он получит указания. Берите с собой больше больных, калек и нищих и оставляйте их там. Пусть плодятся и размножаются, – усмехнулся монах. Да, кто найдёт способ, изготавливать вино из местного винограда, тот получит премию.

– У Руссов нет винограда, господин, – усмехнулся старший купец.

– Тогда ищите ему замену, – буркнул монах.

– А какая будет награда? – поинтересовался самый молодой.

– Твой род будет освобождён навсегда от пошлин, и сыновья получат дворцовый, наследственный, чин.

– Заманчиво, – покивали головами купцы.

– Если всё вам понятно, купцы, за дело. Время торопит.

– Последний вопрос, господин, – поднялся худощавый купец. – Русы отдают только то, что у них остаётся лишним. И то, это получается лишь в сезон. Что нам у них покупать?

– Они что, специально не заготавливают ничего для торговли? – изумился монах.

– Нет, господин, – стали качать головами остальные. – Поэтому у них ярмарки только осенью и весной. Осенью они продают, весной покупают.

– Тогда на вас купцы ещё одна задача. Заинтересуйте Русов, чтобы они больше добывали зверя, птицы и рыбы для торговли. Пусть трудятся.

Купцы, переговариваясь, покидали собрание. Монах задумчиво на них смотрел. Потом он позвал слугу и велел оседлать коня.

– Там вас ждёт старшина чернобородых, – напомнил слуга.

– Ааа, зови, – кивнул монах. – И предупреди Урла, что он едет со мной.

В комнату, кланяясь, вошёл невысокий, плотный мужчина в чёрной, похожей на рясу, хламиде и круглой чёрной шапочке.

– Хаким, – прищурился монах, – император не хочет, чтобы твои люди селились в столице.

– И что нам делать? – растерялся пришедший.

– Но я придумал для вас лучший выход. Вы пойдёте к кочевникам в северных степях. Вы станете их лучшими друзьями и советчиками. Вы породнитесь с верхушкой и постепенно приобретёте всю власть над ними. Хаким, ты улавливаешь мою мысль? Твои мужчины должны стать правителями в этих племенах.

– А потом что, господин? – мужчина задумчиво гладил бороду.

– А потом, Хаким, вы будете натравливать кочевников на Русов. Грабить и жечь их города и сёла, и уводить в плен их людей, особенно женщин и детей, Хаким. Империи нужно очень много пленников, Хаким, из тех мест. Тебе всё понятно, Хаким?

– А если мы не справимся, господин?

– Тогда твоё племя, Хаким, просто перестанет существовать. И всё, – развёл руками монах, оскалившись в ехидной улыбке. – Как видишь, я с тобой честен. Возьмёшь у моего казначея всё, что тебе понадобится для дороги, Хаким, и через пять дней я вас не вижу в столице. Всё, иди.

Монах вышел во двор и махнул рукой конюху. Тот бегом подвёл ему лошадь. На другую уже садился Урл. Молча, они выехали со двора.

– Урл, мой мальчик, ты тоже поедешь в страну Русов. Там ты возглавишь поселения монахов, и ты знаешь, что делать. Возьми вот это, – монах снял с шеи большой серебряный крест и передал молодому преемнику.

– Я в следующем году навещу тебя. Пусть этот крест напоминает тебе о твоей Империи и обо мне, мой мальчик.

– И что, я должен за вами бежать? – хмыкнул Виктор, провожая взглядом удаляющуюся пару. – Сейчас, разогнался, – он поднял левую руку и, повернув браслет на Рожок, сжал пальцы.

– Берегись! С дороги! – раздался сзади бешеный вопль.

Виктор попытался отпрыгнуть к стене дома, но мчавшийся императорский курьер ждать его не стал. Потный бок лошади больно саданул по плечу, и мальчик полетел в пыль.....”

Глава 6.

– Да ладно, вопрос пары месяцев, – Димка махнул рукой. – А они двести лет ждали, что, два месяца не подождут?

– Ладно, Карлсон, пошли обедать, – Виктор потёр вдруг занывшее плечо.

– А почему – Карлсон?

– Летаешь в облаках!

Ребята, тщательно заперев все двери, вышли во двор.

– Деда, судя по всему, нет, да, Трезор? – Димка потрепал подошедшую собаку. – Ладно, пошли, пообедаем, а там подумаем.

После обеда посидели на лавке во дворе, греясь на солнышке. Мимо дома прошёл высокий с военной выправкой мужчина. Рядом с ним, стараясь попасть в ногу, подпрыгивала девчушка лет двенадцати.

– Кто это? – проводил их взглядом Виктор.

– Так это сын к Деду Матвею Спиридонычу с дочкой приехал. Уже неделю как, – лениво ответил Димка.

– А что я её раньше не видел?

– Так они раньше и не приезжали. Мужик-то военный, пограничник. В Таджикистане служил. Там женился. Ты заметил, дочка его лицом – не чистая русинка. Это у него жена таджичка была.

– Почему была, что, бросила их после того, как таджики отделились?

– Нет, там намного хуже. Погибла она впервые дни, когда у них там заваруха началась. В общем, как рассказывал Дед Матвей, сын его в этот день в наряде был. А военный городок, где жили все семьи военных, от воинской части где-то в километре. И аул таджикский с другой стороны примерно также отдалён. В тот страшный роковой день к военному городку незаметно подобралась большая группа парней лет по 14-20. Как потом выяснилось, большинство были пришлые, в основном из города. Но были и свои. Практически все парни были или пьяны, или обкурены. В общем, толпой ломанулись в городок. Чтобы они там натворили, одному Богу известно. В городке были одни женщины и дети. Но тут им навстречу как раз шла жена Сергея, сына Деда Матвея, Айгуль. Она сразу, видно, поняла, что к чему. И каким-то образом сумела эту толпу остановить. Что она им говорила, этого никто не знает. Потом пытались выяснить у этих отморозков, но они ничего не помнили или постыдились сказать. Но, видно, она смогла их чем-то зацепить, раз они остановились. А тут наряд быстро сработал, подмогу с части вызвал. А толпа, за её слова и за то, что неожиданность их сорвала, буквально растерзала её, прямо у ворот городка. Бойцы сработали мгновенно. Вот, что значит, пограничники. Весь сброд был окружён в считанные минуты, никто не ушёл. Замполит приказал их перед растерзанной девушкой поставить и задал один единственный вопрос.

– За что? – А они же невменяемые все. Ещё не поняли, что попались и давай всякую лабуду нести. Типа, мол, вы оккупанты, долой с нашей земли. В основном, городские выступали. Ну, их, понятно, сразу в сторону. Остальные, стояли как бараны, глаза пучили, до некоторых видно стало доходить, плакали. А тут на машине Сергей с границы подъезжает. И как увидел жену, говорят, на глазах человек поседел. Глаза безжизненные стали. Повернулся он к этим, что выступали и спросил: – Кто? – А они видно не поняли, кто он. Один, самый задиристый, потом выяснили, что он и был заводила. Его из города националисты прислали, чтобы погром специально у военных устроить. Вот он и старался, гонорар свой отрабатывал. Они все там за деньги, нанятые были. В общем, он и вякнул, что, типа, это он, и, мол, что ты мне сделаешь? Я местный, мол, хозяин, а ты – пришлый, оккупант, и со всеми вами так будет, если не уберётесь на фиг отсюда.

– А Серёга так подходит к нему и спрашивает: – Ты – таджик?

– А вокруг тишина стала, как в погребу. А этот ублюдок пузо своё выпятил, мол, не только таджик, но и какой-то там сын бая или бека, так презрительно процедил. Серёга опять спрашивает: – тогда ты знаешь, что по вашим законам ты теперь мой кровник. Ты убил мою жену. У тебя есть веские оправдания своего поступка? И, представь, тишина, и его вопрос хриплым безжизненным голосом. У всех там волосы дыбом встали.

– А ты – то откуда всё это знаешь? – перебил Виктор.

– Так, Дед Матвей рассказывал, а ему товарищ Сергея, что с ним приезжал, по секрету рассказал.

– Дед Матвей тебе, что ли рассказывал? – не поверил Виктор.

– Да нет, конечно, – Димка смущенно потупился. – Он с бабкой Дарьей разговаривал, а я случайно услышал.

– Подслушивал, наверное, – Виктор погрозил брату пальцем. – Ладно, говори дальше.

– Ну, в общем, Сергей спросил. И тут только, может, до этого придурка стало доходить, кто перед ним. Он и заверещал, мол, ты – не таджик, к тебе эти законы не относятся. А Сергей так спокойно и говорит: – ошибаешься, баран, я, когда женился на таджичке, и законы все её принял, и клятву дал выполнять. Вот так-то. – А этот урод побледнел весь, обоссался и дернулся убежать. Да куда там, от пограничника разве убежишь. Сергей только руку к нему метнул, тот и свалился кулем. А дружки его, как увидели труп своего заводилы, сразу протрезвели, на колени попадали и выть. Поняли сучонки, что смерть их пришла. Многие пообоссались, когда Сергей к ним повернулся и автомат с плеча снял. Но тут замполит подбежал и, обняв его за плечи, увёл. А то б, точно он их всех положил.

– А как же замполит сумел увести, я б точно не послушался, всех положил бы до одного, пока б патроны не кончились.

– Так замполит, на то и замполит. Знает, что и когда сказать. С Серёгой они друзьями были. А сказал он ему про дочь. В общем, увёл. Айгуль забрали женщины, и военные, и местные уже к тому времени прибежали. Похоронили её там, на аульском кладбище. У неё там родни пол аула. Они своих, кто участвовал в набеге, потом ну очень сильно побили. А городских, так вообще под орех разделили, те еле живые вырвались, ушли. А того, которому Сергей шею сломал, закопали в овраге где-то. В общем, дело замяли. Но Сергею пришлось срочно убираться оттуда. Вот он с дочкой и улетел на следующий день. Из армии тоже пришлось увольняться, хотя ещё молодой, до капитана лишь дослужился. Майора должен был через два месяца получать. А теперь вот ни майора, ни жены, ни любимой службы.

– Да, эта, как говорит мой отец, грёбаная перестройка много судеб людских покалечила. Не одна семья слезами с кровью умылась. А сейчас он чем занимается?

– Дед говорил, что курсы какие-то окончил и в фирме одной в городе работает. А какой, и кем, я дальше не слушал.

– А девчонку, хоть, как зовут, знаешь?

– Валькой, кажется, – пожал плечами Димка.

– Кажется, креститься надо, – ткнул его в плечо брат, – её надо с близняшками познакомиться. Нехорошо, чтоб она одна была. Человек от этого не добреет. Тем более в её случае. Дед Матвей же недалеко от тебя живёт?

– Ну, через два дома.

– Вот тебе задача, в ближайшее время познакомиться с девчонкой и познакомить её с сёстрами, – Виктор встал. – А сейчас, дуй домой, выпроси денег, сколько сможешь, и займи ещё, у кого можешь, а я к тетке Вале, по тому же вопросу. Если Дед сегодня не приедет, едем завтра в город. Да, даже если и приедет, всё равно едем, мысль у меня одна появилась. Всё. Разбежались.

Ещё на подходе к дому близняшек, Виктор услышал, как орёт радио, и сёстры ему в этом самозабвенно помогают:

Позвони мне, позвони!!! Позвони ты мне из дома!

Телефон мой набери, мы с тобой уже знакомы.

Познакомились вчера в гастрономе в бакалее,
и с тех пор я третий день об одном всего жалею?!!

Что не взял я номер твой, лишь отдал тебе я свой!!!

Позвони мне, позвони!! Я ночами уже плачу,
в гастроном иду с утра, в бакалее жду до ночи.

Глаз с прохожих не свожу, и от лиц рябит в глазах уж.

Но не вижу профиль твой и опять иду домой.

Дома снова телефон, и молчит, зараза он!!!

Позвони мне, позвони!!! Телефон я ненавижу.

Он судьбой моей вдруг стал, ведь с него тебя услышу.

Но молчит он на столе, третий день молчит упрямо,
почему же я не взял сам твой номер, вот, болван!!!

Вдруг звонок в тиши звенит, я ушам уже не верю.

Беру трубку, это ты? Да?! Ну, здравствуй, моя Вера!!!

Открыв калитку, стал свидетелем, как близняшки трясут половики и дорожки.

– Бог в помощь! – весело приветствовал он сестёр.

– Бог сказал, чтоб ты помог, – не осталась в долгу Нинка, кидая ему свёрнутый половик.

– Да я и не против совсем, – Виктор на лету поймал "подарок". – А вы, никак, к празднику готовитесь или к гостям?

– Мы делаем уборку, – подбоченилась Катерина. – У вас что, в городе только к праздникам и гостям уборку делают?

– Да нет, – смутился Виктор, – но обычно по выходным мама нас с отцом напрягает.

– Так сегодня суббота, друг ситцевый, – засмеялась Нинка, – или ты в деревню приехал и всё, счёт потерял?

– Вить, может тебе палку завести и нож острый? – посмотрела хитро Катерина.

– Это ещё зачем? – насторожился мальчик.

– Ну, как Робинзон Крузо будешь прошедшие дни отмечать на палке, чтоб вообще от жизни не отстать, – захихикали сестры.

– Ладно вам, сороки, мать дома? – сменил тему Виктор.

– Нет, но скоро придёт. Так что, у тебя есть ещё время нам помочь. Или слиняешь? – нахмурилась, Катерина.

– Да ладно, не слиняю, что ж, я, по-вашему, совсем белоручка. Что делать? – Виктор демонстративно засучил рукава.

– Тогда тебе самая лёгкая работа, наносить в баню воды, – Нинка протянула брату два ведра. – Колодец там, баня там, держайте, юноша.

Виктор взял ведро и пошёл к колодцу. Взявшись за колодезный ворот, перевернул браслет Крестом вниз, и работа закипела. Не прошло и получаса, как бочка в бане была полна. Заметив в огороде тоже пустую бочку, наносил и её. Потом прикатил от сарая ещё две стоящие там бочки и тоже налил водой. Принеся последние ведра уже на веранду, поинтересовался, куда ещё лить воду. Удивлённые сёстры не поверили, что он уже управился. Нинка даже сбегала, проверила. И развела руками.

– Правда.

– Так ты, наверное, устал? – озабоченно обратилась она к сидящему на ступеньках веранды брату.

– Ни грамма, – не стал лукавить Виктор.

– Ну..., тогда наколи дров. Топор там, в плахе воткнут.

Виктор пошёл к сараю с дровами. Возле него кучей была насыпана груда не колотых чурбанов.

– Вот сейчас и разомнёмся, – мальчик скинул рубаху и поплевал на руки. Напевая, он приступил:

Все женщины прекрасны для мужчины,
И в этом, право, истина видна.
Но есть среди прекрасной половины
У каждого мужчины лишь ОДНА!
Женщина, женщина, милая женщина,
ты мне судьбою и Богом повенчана.
И я буду последний глупец,
Если отрину сей Божий ларец.

Которой он прощает все капризы,
Которая пьянит хмельней вина.
И пусть она всегда ларец с сюрпризом,
Прекрасней всех прекрасных лишь ОНА!
Припев:

Она его утешит и согреет,
Она всегда во всем его поймёт.
И за собой увлечь его сумеет,
И безрассудно вслед ЗА НИМ ПОЙДЕТ!
Припев:

Все женщины прекрасны для мужчины,
Все женщины прекрасны, но Она
Среди прекрасной женской половины

У каждого мужчины лишь ОДНА!

Припев:

Сразу не получилось. Пришлось приноравливаться к силе удара и сдерживать топор, иначе он до половины влетал в плаху. Но, приноровившись, дела пошли лучше. Чурбаны разлетались в стороны, как мухи с коровьей лепёшки. И когда Нинка заглянула сказать, что пришла мать, Виктор докалывал последний. Кивнув на сообщение девочки, он стал складывать дрова в поленницу. Закончив, прошёл к умывальнику, ополоснул разогретое работой тело. Катерина подала рушник.

– Ну что, братик, на баню-то протопить хватит? – съязвила она.

– Кать, ты что, он всё переколол и сложил, – вытаращила глаза Нинка.

– Удивительно, Виктор, – сделала Катерина ударение на последнем слоге. – С каких пор у вас такие таланты к мужскому труду?

Виктор пожал плечами: – Сам даже не знаю, вот проснулись гены какие-то, деревенские, – он серьёзно огляделся, – может, воздух ваш влияет или вода. А может, – он заговорчески понизил голос, – возраст пришёл им проснуться, а?

– Да ну тебя, болтун, – Катерина намахнулась отданным ей Виктором полотенцем.

На крыльцо вышла мать близняшек: – Я смотрю, они тебя тут припахали по полной. А ты и не сопротивляешься. Им только в руки попадись, выжмут, высушат и ноги вытрут. Вот думаю всё, вырастут, кто их замуж возьмёт, таких языкастых? – засмеялась она.

– А мы и сами ещё посмотрим, за кого выходить, – вздёрнула нос Нинка.

– Вот, видал, принцесса, – мать шлёпнула Нинку фартуком, который собиралась одеть.

Виктор подошёл к тётке и тихо завёл речь о деньгах. В итоге переговоров и обещаний вернуть долг на этой неделе, он стал обладателем приличной суммы. Потом он остался на ужин. Они уже пили чай, как открылась калитка, и, пропустив вежливо вперёд девочку, с матерчатой сумкой через плечо вошёл Димка.

– Ага, мы значит вовремя. А то идём тут вот с Валентиной и гадаем, как нам попить попросить, – Димка подвёл свою спутницу к сидящим, – знакомьтесь, моя соседка Валя, внучка Деда Матвея. А попить-то дадите?

– Добрый вечер, скромник наш, – вскочила Катерина и показала Вале на стул, – очень приятно, присаживайтесь, я кружки принесу.

Быстро познакомились, разговорились, попивая душистый тётушкин чай с домашним вареньем и сухариками. Потом помогли близняшкам быстренько дополоть картофельные грядки и всей гурьбой отправились купаться на Озеро. Новая знакомая Валя оказалась неординарным человеком, писала стихи, рассказы и сказки. Сидя у костра после купания, она некоторые прочитала, вынув из сумки толстую тетрадь. Потом взяв гитару, тихо сказала, – я спою вам песню о моей маме. – Погрустнев лицом, Валя стала перебирать струны.

Лишь солнечный зайчик со снежных вершин

В долине зелёной по листьям запрыгал,

Весёлая девушка с длинной косой

С полной корзиной из дому вышла.

Айгуль, песней встретил её соловей!

Айгуль, ты прекрасна из всех дочерей!

Айгуль, твоё сердце полно доброты,

Ты любима и любишь всех ты!

Но закрыла вдруг солнце чёрная туча,

На пути своём девушка встретила кучу!

Была пьяна толпа и обкурена сильно,
И хотела пролить кровь чужую обильно!

Припев:

За спиной городок, а там мамы и дети!
Их отцы на границе дежурят в секрете.
И куча придурков отлично всё знает,
Что отпора не будет, шаг ускоряет!

Припев:

И смелая девушка бросила вызов!
–Вы – позор матерей, я вас ненавижу!
Вы хотите поссорить два братских народа!
Шелудивые выродки славного рода!
Айгуль, солнце спряталось в тучи от горя!
Айгуль, ты спасала свой род от позора!
Айгуль, твоё сердце полно доброты,
Ты любима и любишь всех ты!

И толпа ошалела от девичьих слов!
Закипела в мозгах их пьяная кровь!
И шакальей толпой к ней все бросились молча,
Чтобы злобу насытить чужой кровью, волчью!

Припев:

Но была не напрасной жертва девушки смелой!
Услыхал их наряд и отпор дал умелый!
По тревоге бойцы окружили бандитов,
Из кольца не сбежал ни один из наймитов!

Припев:

Прибежал муж Айгуль, тоже был он в наряде.
А в руках автомат и тревога во взгляде.
И её, увидав, всю в крови на дороге,
Поседел головой, стали ватными ноги!

Припев:

И задал он вопрос лишь один тем бандитам:
–Вы за что её так? – засмеялись наймиты. –
Это каждого ждёт оккупантов проклятых,
Прочь все с нашей земли, вы – чужие, солдаты!

Припев:

Вы мешаете нам, перекрыли границу,
Мы убытки несём, нам богатство лишь снится!
А без вас все пути будут свободны,
Убирайтесь все прочь, погранцы – уроды!

Припев:

Побелела рука на цевье автомата.
Смерть явила лицо им глазами солдата!
Задрожали колени, и штаны вдруг намокли,
Тишину нарушали только пьяные сопли!
Припев:

Сделал шаг, и рука к главарю вдруг метнулась,
И безвольное тело в пыль окунулось!
Остальные шарахнулись, словно шакалы.
Протрезвели мгновенно, месть пощады не знала!
Припев:

И затвор передёрнув, стал он ствол поднимать,
Когда рядом товарищ велел ярость унять!
Мы с тобой – не бандиты, будет суд их судить,
Мы с тобою – солдаты, нам границу хранить!
Припев:

И увёл, крепко обняв, друга он своего
И про дочку напомнил, что ждёт дома его.
Позаботься о дочке, вы вдвоём теперь с ней!
И ты нужен ей здесь, просто поверь.
Припев:

Черный день навсегда они с дочкой запомнят!
Опустела семья, нет жены, мамы больше!
Но живут они дальше, жену помня и маму,
Может, время залечит эту страшную рану!
Припев:

– Твой отец на границе служил? – спросил Виктор.

– Да, в Таджикистане. После гибели мамы мы уехали оттуда. Отец опасался, что дружки бандитов станут нам мстить.

– Он их испугался? – удивился Димка. – Он же пограничник.

– Их он не испугался, – дёрнула Валя губами. – Он боялся за меня.

– Извини, – опустил голову Димка.

Они ещё немного посидели, поговорили о планах на лето. Оказалось, что Валентина собиралась завтра уезжать, у отца кончился отпуск. Близняшки принялись горячо её отговаривать. Что, мол, летом делать в душном городе, а у нас уже ягоды пошли, и грибы всю лезут. А купание какое, ни одна ванна не заменит. Завтра вон баня у них будет, с веником майским, свеженьким. И, вообще, она может у них пожить, скучно не будет, или приходиться с утра, если боится обидеть Деда. Прополка массовая у них закончилась, сейчас начинается ягодно – грибной сезон, каждый день в лес ходить будут. В общем, вроде бы уговорили. На том и разошлись по домам. Виктор с Димкой договорились, что встречаются утром на остановке, отец его отпустил и денег дал. Ещё и бабушка подкинула. Придя домой, Виктор уложил в рюкзак одну соболью шкурку, по пять монет из разного металла и достоинства, и пять самых крохотных камушков. Как они называются, он не знал. Взял наугад, прозрачные.

– Спешить не будем, – оглядел он отобранное. – Как говорит Дед: тише едешь, колесо не сломаешь. А нам далеко ехать придётся.

С этим он и лёг спать.

Димка тоже лёг спать, но в отличие от Виктора долго ворочался в постели, перебирая в уме, куда можно потратить вырученные от продажи найденных ценностей деньги.

СОН.

.....– Эй, юноша, хватит дрыхнуть! – рявкнул над ухом голос гасконца. – Мы, вроде, собирались прогуляться? Или ты передумал?

– Лучше б нам сидеть дома, – буркнул Виктор, потягиваясь. Сев на лавке, он глянул в окно. Последние лучи солнца едва цеплялись за соседскую крышу.

– Вставай, вставай, – гасконец нетерпеливо топнул ногой, – а то темно скоро станет.

Ужинать они не стали и направились сразу на улицу. Виктор заметил, когда они проходили через трапезную, как несколько прищуренных глаз проводили их до двери. Жара спала, и дышать стало легче. Д, Артаньян, вертя головой, энергично шёл впереди, Виктор следом, не забывая смотреть по сторонам и назад. Он видел, как из дверей заведения вышли пятеро и юркнули в переулок.

– Где-то будут ждать, – хмыкнул он и положил руку на рукоять ножа, подаренного слугой.

Пройдя переулок, они остановились на перекрёстке большой улицы. Здесь движение было более оживлённое, и кавалер немного растерялся. Виктор остановился рядом. Повертев головой, он кивнул направо. Там высился шпиль ратуши, и большинство идущих тоже двигались туда.

Кивнув, Д, Артаньян влился в толпу. Виктор еле поспевал за быстроногим гасконцем. Впереди слышался гул многих голосов. Улица закончилась большой площадью. Остановившись на входе, они попытались понять, что здесь происходит.

– По-моему, тут кого-то хотят поджарить, – наклонившись к Виктору, шепнул кавалер, показывая глазами в другой конец площади. Там на невысоком помосте стоял столб. Рядом лежала кучка хвороста, и стоял человек в рясе священника.

– Давай подберёмся поближе, – предложил гасконец и стал протискиваться к помосту. Виктор двигался следом. Они пробились в первый ряд и очутились перед помостом. Стоявший на нём монах смотрел на узкий коридор, оставленный в людской толпе. Виктор огляделся. Плотная шеренга здоровых монахов в чёрных рясах с капюшонами окружала помост, не давая толпе подойти к помосту ближе. Позади них сдержанно гудела толпа.

– Кого сжигать будут? – наклонился Виктор к стоящей рядом молодой девушке.

– Жасмину, – хмуро глянув на парня, буркнула та.

– А за что?

– За красоту. Они всех нас жгут за красоту.

– А разве за красоту жгут? – искренне удивился мальчик.

– Если ты красива, да ещё и отказываешься быть подстилкой у монахов, то твоя судьба одна – костёр, – зло выговорила девушка. На неё тут же обернулся впереди стоящий монах. Девушка, ойкнув, юркнула в толпу. Монах победно хмыкнул.

– Ну и дела тут творятся, – Виктор дёрнул себя за нос левой рукой. Рукав скатился, и он с удивлением увидел на руке найденный в пещере браслет. – А вот теперь мы его и испытаем, – злорадно ухмыльнувшись, мальчик повернул браслет на Рожок и, согнув руку в локте, чуть сжал пальцы. Впереди стоящий монах вдруг схватился за голову и присел. – Ага, работает.

Толпа тут задвигалась, гул голосов усилился. Все головы были повёрнуты в сторону прохода. Там показалась повозка на высоких колёсах. На повозке стояла большая клетка. А в клетке кто-то сидел. Виктор присмотрелся. Это была молодая девушка. Густые чёрные волосы закрывали опущенное лицо. Белые руки, обхватившие плечи, были в синяках и кровотокающих ссадинах. Подъехав к помосту, телега остановилась. Двое стражников распахнули дверь и направили копья на девушку. Та встала и, гордо вскинув голову, шагнула на помост. Стоящий на её пути монах испуганно дёрнулся в сторону и стал неистово креститься.

– Ведьма, ведьма, – пробежало искрой по толпе. Площадь затихла. Девушка, выйдя на середину помоста, остановилась и обвела площадь презрительным взглядом. К ней уже спешили два стражника с верёвками. Виктор шагнул вперёд и сжал пальцы. Стоящие перед ним монахи упали на колени, а потом и ниц. Тот, что был на помосте, удивлённо вздёрнул взгляд. Виктор повёл рукой вправо и влево, и шеренга монахов стала падать на колени. За ними упали и стоящие сзади люди. У монаха полезли на лоб глаза. Он изумлённо пялился на упавших. Заметили движение внизу и стражники и, остановившись, переглянулись и зашептались. Опасливо глядя на стоящую с невозмутимым видом девушку, они попятились к монаху. Тот тоже стал отходить к краю помоста. Девушка, наконец заметив движение, пригляделась к нему и вдруг улыбнулась. Площадь глухо охнула. Монах и прибившиеся к нему стражники стали неистово креститься, бормоча молитвы.

– Ты видел? Нет, ты видел? – дёрнул Виктора за рукав Д, Артаньян. – Настоящая ведьма. Одним взглядом уложила всех монахов.

– Погибать, так с музыкой, – кивнул Виктор и, направив ладонь на стоящих на помосте монаха и стражников, резко сжал пальцы. Те, дёрнувшись, рухнули с помоста на булыжники площади. Толпа ахнула ещё громче. Девушка подняла израненные руки вверх и открыла разбитые губы.

– Силой, данной мне Богом, я проклинаяю всех гонителей наших. И пусть смерть будет им единственным искуплением! – перекатываясь волнами, слова понеслись над замершей толпой.

– Аааа, ведьма! – взвился в воздухе истеричный вопль. – Спасайте свои души! – ахнув, толпа развернулась и бросилась бежать, давя друг друга.

– А славные ведьмы живут в Париже, – усмехнулся Д, Артаньян, пряча свой страх за показной бравадой. Повертев головой, он оглядел опустевшую площадь. – Ну, и кто позаботится о девушке?

– Придётся нам, – Виктор направился к помосту, – тут больше никого нет. – И, запрыгнув на помост, он поклонился девушке. – Сударыня, позвольте проводить вас куда-нибудь в более подходящее для вас место, чем эта площадь.

– А куда? – удивлённо вскинула глаза девушка. – Мой дом сожгли. Родителей у меня нет.

– Понятно, – скривился мальчик. – Вы – сирота. Что ж, это и упрощает, и усложняет задачу. Но, всё равно, отсюда надо уходить. А то монахи сейчас очнутя и привалят новой толпой.

– А с этими что? – девушка пнула подвернувшегося ей под ноги бывшего палача.

– Сражены вашей красотой, – хмыкнул Виктор, оглядываясь. Из переулков выглядывали любопытные, но на площадь входить опасались. – Д, Артаньян, вы с нами или остаётесь здесь? – Виктор посмотрел на стоящего с отвисшей челюстью кавалера.

– А, что? – тряхнул тот головой, и, глянув на мальчика, кивнул, – с вами. Здесь скоро будет жарко.

– Отлично, тогда возьми девушку под руку, видишь, силы её покидают, – Виктор подхватил спасённую с другой стороны и повернул браслет на Луну. – Пойдёмте тихо отсюда.

Они пересекли площадь и мимо тарасившихся на пустой помост любопытных углубились в сумрак улицы. Кавалер усиленно вертел головой, стараясь прятать лицо от встречных пешеходов. Но к его удивлению те проходили мимо, даже не взглянув на странную тройцу.

– А мы куда идём? – пройдя метров двести, спросил он у Виктора.

– Дама нуждается в отдыхе, Д, Артаньян, – улыбнулся мальчик. – Неужели, вы откажите ей в приюте?

– Вы хотите отвести её в нашу комнату? – глаза гасконца полезли на лоб. – Но завтра нас самих повезут на тот самый помост, мой друг.

– А никто не будет знать, что дама у нас, – улыбнулся успокаивающе Виктор, сворачивая в узкий переулок. Пройдя немного, он увидел щель меж домов и свернул туда. – Вы постоите

тут немного, я быстро. Он провёл девушку в щель и, оставив кавалера на выходе, вернулся на улицу. Пять минут назад он заметил богатую лавку одежды, мимо которой они прошли, и у него мелькнула одна мысль. Дойдя до лавки, Виктор повернул браслет на Рожок и провёл рукой с чуть сжатыми пальцами. За дверью кто-то вскрикнул. Виктор дёрнул за ручку двери. В большой комнате на стене, отгороженной от входа прилавком, висела разная одежда. Перепрыгнув прилавок, мальчик чуть не наступил на валяющегося на полу хозяина магазина. Потрогав его пульс, он убедился, что тот жив. Повернувшись к одежде, стал подбирать нужный костюм. Выбрав нужное, свернул в узел. Повернув браслет на Луну, Виктор шагнул к двери и чуть не столкнулся с входившим покупателем. Тот, войдя, завертел головой, а Виктор шмыгнул в дверь.

– И что мы тут делаем, интересно, господин кавалер? – ехидный голос принадлежал среднему из троих парней, стоящих перед гасконцем. Тот молчал, следя за парнями напряжённым взглядом. Шпага в его руках лишь немного вздрагивала, выдавая волнение. – И что мы молчим? Али благородство не позволяет господину общаться с нами?

Виктор, подойдя поближе, положил у стены свой свёрток и шагнул к парням. Стоящие чуть позади главаря парни, вдруг хрюкнув, осели на землю. Главарь, услышав шум, оглянулся и приземлился рядом.

– Господин студент, – увидев мальчика, опустил шпагу гасконец, – мне этот город начинает нравиться всё меньше и меньше. А вам?

– Мне тоже, – кивнул Виктор и, подхватив свой узел, протиснул в щель. – Пойдите ещё чуть-чуть, господин кавалер. Я приведу в порядок нашу даму.

– Вот, переодевайтесь, – Виктор положил перед сидящей у стены девушкой узел и отвернулся к проходу меж домов. – Только поторопитесь, уже ночь.

– Но это же – мужская одежда? – услышал он через полминуты удивлённый голос.

– Правильно. А вы что думали? Искать вас не будут после того, что произошло на площади?

– А что там произошло? – хмыкнула девушка, шурша одеждой.

– Ваша красота убила всех тамошних монахов.

– Что, насмерть?

– Совсем.

– Значит, тот монах не врал, – через минуту услышал Виктор тяжёлый вздох. – Красота, действительно, страшная сила.

– Ещё какая, – усмехнулся Виктор, оборачиваясь.

Перед ним стоял молодой человек, и, если б не спадающие на плечи волосы.

Виктор хмыкнул, – спрячьте волосы. Там была шляпа.

– А так? – девушка опустила руки и повертелась.

– Так сойдёт. Но вам придётся не вертеть резко головой.

– Попробую, – кивнула девушка, закидывая свою одежду в кусты, – что дальше?

– Дальше, – Виктор поглядел на высунувшуюся из-за конька дома Луну. – Вам есть куда уехать?

– Я же уже говорила, я сирота, – пожала плечами девушка. – Некуда.

– Ладно, тогда пока поживёте у нас, а там что-нибудь придумаем. Пошли.

До постоялого двора они добрались без приключений. Виктор послал кавалера вперёд, велел открыть дверь их комнаты и ждать за ней. А сам, чуть подождав, взял девушку за руку и, предупредив, чтобы та шла тихо и ничему не удивлялась, шагнул следом. В комнате стоял сдержанный гул сидящих за столами людей. На них никто не смотрел. Поднявшись по лестнице, Виктор толкнул дверь своей комнаты. Д. Артаньян стоял у окна и что-то там рассматривал. Закрыв дверь на засов, Виктор повернул браслет на Рожок и пригласил девушку сесть, но шляпу пока не снимать.

– Что ты там увидел? – Виктор шагнул к окну.

– Мне показалось, что там что-то мелькнуло, – пожал тот плечами, оборачиваясь. – Мы ужинать пойдём? Или заказать сюда?

– Закажи лучше сюда, – Виктор протянул кавалеру монету, – но не говори, что на троих.

– Я понял, – улыбнулся тот и исчез за дверью.

– Мы так и будем сидеть в темноте? – девушка недовольно засопела.

– Сейчас придёт слуга, я попрошу свечу, – Виктор подошёл к кровати и, сдёрнув одеяло, стал прилаживать его на окно. Стало ещё темней.

Д, Артаньян вернулся со слугой минут через пятнадцать. Тот поставил на стол поднос и убежал за свечой. В руках кавалер держал кувшин и кружку. Пока несли огонь, он опорожнил одну.

– А теперь можно и закусить, – кавалер со стуком поставил кружку на стол возле горевшей свечи и подвинул к себе тарелку.

– Господам ещё что нужно? – слуга преданно смотрел на Виктора.

– Тюфяк и подушку с двумя одеялами, – кивнул Виктор.

– Я мигом, – парнишка шмыгнул за дверь.

Пока нечаянные спутники ужинали, в комнате появился тюфяк, подушка и два одеяла. Потом три кувшина с водой и глубокий таз. Получив монету и наказ, держать язык за зубами, довольный слуга покинул комнату, пообещав утром принести завтрак сюда. Позавтракав, кавалер, оглядев комнату, взял тюфяк и, расстелив его в углу, завалился спать. Через три минуты его хруп уже сотрясал язычок пламени свечи.

– Мадемуазель может помыться, – Виктор кивнул на кувшины и таз.

– Вы мне польёте? – девушка, встав, стала снимать одежду.

– Полью, – хмыкнул мальчик и поставил таз поближе к окну. Раздевшись, девушка встала ногами в таз, и Виктор стал поливать её из кувшина. Трёх кувшинов с трудом хватило на то, чтобы избавить красавицу от грязи и засохшей крови.

– Слуга не выдаст нас? – вытершись, девушка стала одеваться.

– Будем надеяться, – Виктор открыл окно и выплеснул грязную воду. Внизу что гукнуло. Он наклонился, стараясь рассмотреть, что там. Ничего не увидев, сжал пальцы и махнул рукой. Что-то глухо упало. Виктор мысленно выругался, – ещё работа для конюха. Закрыв окно, он опять его завесил.

– Кстати, вас как называть? – посмотрел он на девушку. Та сидела на кровати и пыталась расчесать мокрые волосы.

– Соседи звали Жасминой, – пожал та плечами, – а теперь и не знаю.

– Будете Жаком пока, – улыбнулся мальчик. – А там события покажут.

– Жаком, так Жаком, – хмыкнула Жасмина и, заплетя косу, свернула её кольцом на голове.

– Ложитесь, – Виктор положил на лавку подушку и одеяло, – я свет погашу.

– А вы? – она, прищурившись, хотела что-то спросить, но, потрянув головой, улыбнулась и откинула своё одеяло. – Спокойной ночи, таинственный незнакомец.

– Меня Виктором зовут, – хмыкнул мальчик, гася свечу, – а моего спутника Д, Артаньяном. Он гасконец. Приехал вчера только в Париж. Искать удачу. А я студент.

– Удача – это хорошо, – зевнула девушка и, что-то бормоча, повернулась на бок.

Глава 7.

Вскочив утречком, Виктор быстро позавтракал и, закинув рюкзак, поспешил на остановку. Про собак вчера было договорено с близняшками, покормят. На остановке уже стояли Валентина с Дедом и отцом. Она познакомила отца с мальчиком. Договорились, что Виктор заберёт её вещи, чтобы ей за ними не ездить в город. Тут подошёл заспанный Димка, а за ним и автобус. Попрошавшись, уселись. Динамик хриплым голосом подражающего Высоцкому артиста выводил:

Ой, Вань, смотри-ка, тут все голые! Нет, я, ей Богу, закричу!

А бабы все в мини купальниках, я, Вань, такие же хочу!

А ты трусы, надел, Иван, и ходишь гоголем, болван,
в обтяжку плавки здесь нужны,

и глаз свой жёлтый не коси, лежак иди мне принеси!

Ты, Зин, хоть здесь не разглагольствуй, дай мне спокойно полежать.

А то возьму лежак вон тот-то я, забудешь ты, куда бежать.

Ты полотенце расстели и загорай себе, лежи!

А будешь рот свой открывать, отправлю в номер отдыхать!

Ой, Вань, ну что ты всё ругаешься, я ж по-хорошему к тебе,
ведь я хочу, чтоб ты красавцем был, а не колхозник на арбе!

А то согнулся вон, Иван, и всё бузишь, хоть и не пьян!

Попей водички из ларька, а вечером попьёшь пивка!

Ты, Зин, опять, что ль, издеваешься, в меня вода уже нейдёт.

Я всю дорогу её в поезде пил, как верблюду, на год вперёд!

Про пиво – зря сказала, Зин, оно плохое здесь, грузин
об этом утром мне сказал, вина бутылка он мне продал!

Ой, Вань, совсем ты не изменчивый и здесь привычки сохранил.

Уже вина успел найти себе, а обо мне совсем забыл!

Ты ж, Вань, приехал отдыхать, купаться, плавать, загорать,

Со мною в горы прогуляться, а ты планируешь – нажраться!

Ты, Зин, совсем плохого мнения всегда, что ль, будешь обо мне!?

Я что, совсем без здравомыслия, чтоб здесь, как дома, пить тебе!?

Бутылки этой хватит, Зин, мне на весь отпуск, в магазин

я ни ногой, клянусь тебе, и деньги все возьми себе!

Ой, Вань, да успокойся ты, ну верю я тебе, родной!

Чтоб быть на юге, месяц пьянствовать, надеюсь, Вань – ты не больной!

Пойдем, поплаваем дружок, а после сядем вон в тенёк,

окрошку с квасом похлебаем, а жар спадёт – позагораем!

Вот, Зин, умеешь человеком быть, не злишь, не споришь, не рычишь.

Пойдем, полопаем крошечки, а после – в парк! Ну, что лежишь!?

Ты, Зин, пойми, мужчина – я, и как-никак, семьи глава!

Вот будешь ласкова со мной, медовый месяц будет твой!

В автобусе, Виктор специально завёл разговор о мебельной фабрике. Сергей Матвеевич, оказывается, был в курсе местных дел и поддерживал инициативу фабричных тружеников оградить фабрику от продажи в частные руки, тем более, иностранные. Но, как это дело про- вернуть без солидных денег, не представлял. Виктор ухватился за эту мысль.

– Сергей Матвеевич, а если б были деньги, вот вы б смогли возглавить фабрику? – задал он провокационный вопрос.

– Вопрос, что называется, в лоб, – усмехнулся, бывший капитан. – Ну что ж, я и отвечу прямо. Если б коллектив доверил мне, я бы не отказался. Опыт армии, плюс я уже пять лет работаю в серьёзной коммерческой фирме не последним человеком, поверьте, это кое-что, но значит. К тому же, если между нами, я уже соскучился по настоящему делу. Там, где я сейчас работаю, уже всё отлажено, работает как часы, и скучно. А на фабрике, чувствую, дел куча, вопросов нерешённых много, да и драчка там будет серьёзная, раз её так долго и упорно подводили к сегодняшнему положению. А драчки я люблю, – он задумчиво посмотрел в окно. – С ними жить интересней, кровь не застаивается.

– Тогда Сергей Матвеевич, нам надо серьёзно поговорить, – Виктор оглядел салон автобуса с дремлющими пассажирами, – не здесь, конечно.

– Ну что ж, – он почувствовал серьёзность слов мальчика, – поговорим, если надо. Давайте вот что, мне сейчас надо на работу, там дела порешать, а вечером подгребайте ко мне домой, там и поговорим, идёт?

– Идёт, нам тоже надо кое-что в городе сделать, думаю до вечера управимся, – согласился Виктор.

– Вот и договорились, держи адрес. – И капитан написал на вырванном из блокнота листке свой адрес.

А подражатель Владимира Высоцкого провожал их очередным своим шедевром:

Ой, Вань! Узнала новость я! Коленки до сих пор дрожат!

От половины мужиков у нас не могут женщины рожать!!!

А ты, Иван, чего молчишь, журнал читаешь тут, лежишь!?

Сгоняй-ка завтра на УЗИ, да и к урологу зайди!

Да, Зин, достала ты уже! Не видишь – делаю что я!?

Статью хорошую уролога про простатит читаю я!

И здесь процент совсем другой! И простатит – не геморрой!

С ним профилактика важна и главное – ЖЕНА!!!

Так, Вань, наезд твой я не поняла! Что за намёки, говори!

Как поженились, себя вспомни ты, все объяснения в любви!?

Теперь же, если в месяц раз, и то, по-быстрому в "анфас",

а я и больше, Вань, хочу, но, вот – терплю!

Да ладно, Зин, теперь чего уж там, не знали оба мы о том,

во всём нужна лишь профилактика, здоровый быт, любимый дом.

А мы в работе целый день, собой заняться уже лень!

Как результат – ушла любовь, а без неё остыла кровь!

Ой, Ваня, миленький, давай пойдём с тобой к врачу!

Я ведь ещё не старая и жить так больше не хочу!

А то, есть муж, и как бревно! Мне это, Вань, не всё равно!

На всё согласна я, Иван, таблетки, пиявки, ну, что там поможет нам!?

Ты, Зин, давай, не наговаривай, что я один всё виноват,

Тут вот в статье про всё написано, и нам с тобою вариант.

Возьми журнал, прочти сама, тут информация важна,

ведь простатит – не приговор, то, нашей слепоте – УКОР!!!

На станции пересели на электричку, и здесь, найдя полупустой вагон, Виктор вкратце смог поделиться с бывшим капитаном своими планами по поводу фабрики, не открывая полностью, откуда у них взялись средства, лишь сказав, что нашли в тайге старый клад, где были соболиные шкурки и монеты. Тот обещал обдумать всё в свете вновь открывшихся аргументов и провентилировать вопрос, как безболезненно и с наименьшими потерями поменять их находку на деньги. В конце Виктор попросил при переговорах не называть конкретных имён и источников. Подумав, капитан, согласился, что в сегодняшнем, полукриминальном рыночном обществе, наверняка найдутся люди, которые захотят наложить лапу на их находку без желания хозяев. На этом и расстались на вокзале, договорившись вечером встретиться на квартире Сергея Матвеевича. С вокзала ребята отправились на рынок. Там долго ходили по рядам, приглядываясь и прислушиваясь. Наконец, Виктор высмотрел одного щупленького мужичка, скупающего антиквариат и старинные монеты. Договорились, что он возьмёт две монеты и подойдёт к нему один, а Димка понаблюдает со стороны, есть ли у мужичка сообщники, и как он подаёт им сигнал. Виктор исходил из книжного опыта, где всегда писалось, что барыги одни не работают и часто наводят на клиента своих подельников, а те их потом грабят, а порой и убивают. Виктор при помощи ватных тампонов немного изменил овал лица, надвинул на глаза кепку и моргнул брату. Взяв сумку, Димка отошёл в сторонку и, купив пирожок, сделал вид, что занят едой. Сам же внимательно наблюдал за людьми, толкущимися вокруг. Виктор в это время, сделав круг, подошёл к мужичку с другой стороны и завёл с ним торг. Он показал серебряную монету, и краем глаза следил за его реакцией. Мимика лица у барыги не изменилась, но руки дернулись, когда он увидел монету. Равнодушно взяв её, стал рассматривать, даже показушно попробовал на зуб. Потом небрежно вернул Виктору и назвал бросовую цену. Виктор назвал свою цену, в десять раз выше. Барыга возмущённо замахал руками, и Виктор, пожав плечами, пошёл дальше. А Димка увидел, как барыга повернулся к трём, стоящим недалеко спортивным парням, делающим вид, что пьют пиво и, показав глазами на отошедшего Виктора, кивнул головой.

–Ага, – злорадно, хмыкнул Димка, – Витёк оказался прав. – И, рассеянно вертя головой, двинулся за парнями. – Ну, и что мне с ними делать, ментов звать – не резон. Ладно, надеюсь, брат знает, что делает, предупредив, чтобы я не вмешивался, а только наблюдал.

А тем временем Виктор бродил по рядам, таская за собой "хвост", и не стараясь от него избавиться.

Над рынком динамики вопили визгливым голосом с азербайджанским акцентом:

Стою с утра на рынке я, торгую,

эй, подходи, красавица, не жмись.
Смотри, какой тут свежий огуречик,
а помидор не ела ты не в жизнь!
Ой, мама, ой, удача, будь со мной!
Ой, мама, ой, помидор мой – не гнилой!

Старушка нос воротит от зелени моей,
и челюсть мою сводит от улыбок перед ней.
Ой, мама, ой, забери меня домой!
Ой, мама, ой, базар здесь мне чужой!

Какой-то умник в шляпе чеснок мой обругал.
Сказал, что я – барыга, чеснок сам не сажал!
Ой, мама, ой, я сам хочу домой!
Ой, мама, ой, инфаркт уж был со мной!

Ну, а сегодня, мама, сижу я в КПЗ!
Какой-то мент в гражданке подставился, гад, мне.
Ой, мама, ой, забери меня домой!
Ой, мама, ой, торговец я плохой!

Выйдя на край рынка, Виктор огляделся и, заметив уличный туалет, направился к нему. Парни, повертев головами, шмыгнули следом. Димка растерялся и, ничего не придумав, схватил два обломка кирпичей, валяющихся на газоне, ринулся в туалет. Ворвавшись вовнутрь, он замер с занесённой для броска рукой. Парни сидели рядом у стены, свесив головы, а Виктор мыл руки.

– Ну, ты чего так долго, спасатель, – обернулся он к вбежавшему брату, – постой там, на входе, никого пока не пускай, скажи – уборка, а я их допрошу.

Растерянно кивнув, Димка вернулся на вход и, прикрыв дверь, опёрся о неё. Потом, недоумённо посмотрев на кирпичи в руках, кинул их обратно на газон.

– Эй, ты чего дверь загородил, дорогой? – вывел его из задумчивости раздавшийся рядом голос.

– Извини, дорогой, мать уборку делает, – он пожал плечами, – велела полчаса никого не пускать.

– А..., мать слушаться надо, молодец, что матери помогаешь, – пожилой торговец, то ли узбек, то ли таджик, а может и ещё кто, послушно отошёл от туалета. Так же, не споря, отошли ещё несколько человек. Но вот тройка молодых подвыпивших парней заржала, услышав аргументы Димки и, оттолкнув его в сторону, вошли вовнутрь. Димка услышал их пьяные похабные приколы в адрес якобы его матери и тихий вопрос Виктора. Потом негромкие звуки, похожие на удары боксёрской перчатки и тишину. Через десять минут вышел Виктор, что-то засовывая в карман.

– Ну что, пошли, по поводу барыги всё понятно. – Братья отошли от туалета.

– Он, гадёныш, не столько торгует, сколько грабит клиентов с наиболее ценным и дорогим товаром. Я его сейчас навещу ещё разок, пару вопросов задам. А ты продолжай наблюдать. Дайка мне ещё несколько монет.

И Виктор направился к знакомой палатке. Что-то прибирающий на столе мужичок поднял голову, услышав, что кто-то к нему подошёл, и его челюсть в буквальном смысле отвисла.

– Ну что, уважаемый, – Виктор ехидно подчеркнул своё обращение, – не ожидал? – Глаза барыги испуганно забегали по рынку.

– Ты, наверное, своих поделщиков, ищешь? – Усмехнулся мальчик. – Так, зря, они ещё не скоро к тебе вернутся, – он достал из кармана и показал паспорта. – Да и сомневаюсь я, что вернутся к тебе с хорошим настроением.

Мужичок сник: – Чего тебе надо, пацан? – руки его дрожали от страха.

– Ну, во-первых, не хаами, ты не в той ситуации, а то я ведь обижусь и обижу тебя. – Виктор взял со стола бронзовый подсвечник на толстой ножке и покачал в руке. Продавец испуганно шарахнулся.

– Трус конченный, – усмехнулся про себя мальчик и двумя пальцами сломал подсвечник. Покачав перед носом побелевшего барыги ладонь с остатками подсвечника, бросил их на стол.

– Ну что, говорить будем или как?

– Будем, – икнул барыга, глядя на остатки подсвечника, – а о чём?

– О деньгах, родимый, о деньгах. О чём ещё на рынке говорят? Так сколько стоит моя монета?

Барыга, судорожно сглотнув, просипел сумму, названную Виктором.

– Ээээ.нет, уважаемый, это она стоила полчаса назад, а теперь она стоит в три раза дороже, согласен?

Барыга вскинулся и хотел что-то возразить, но Виктор взял другой подсвечник, и он обречённо кивнул.

– Ну, так чего тогда стоим? – Виктор покачал подсвечник на руке.

– А чего надо? – сжался мужичок.

– Ну, ты проснись, уважаемый, ты покупаешь у меня монету, так? – Виктор взял подсвечник двумя пальцами. – Я согласен с предложенной тобой ценой, так? – барыга икнул и кивнул.

– Ну, так давай деньги, монета-то вот, – Виктор поставил подсвечник и достал монету.

Барыга суетливо стал шарить по карманам, потом присел и завоzilся под столом. Встал с пачкой денег в руке. Виктор взял деньги и пересчитал.

– Всё правильно, вот твоя монета, держи, – и он положил в потную ладонь барыги серебряный кругляшек. – Сделка совершена. Обе стороны остались довольны друг другом. Или я не прав? – наклонил Виктор голову к застывшему истуканом барыге.

– Прав, прав, – нервно задёргал тот руками, отодвигаясь от мальчика.

– Тогда у меня есть ещё предложение, – и Виктор достал ещё одну серебряную монету. –

Цена та же.

Продавец облизал пересохшие губы: – у меня нет больше денег, – затряс он головой.

– Правда, что ль? – прищурился мальчик. И барыга энергично закивал.

– А не врешь часом, может мне проверить?

– Правда, правда, я не держу с собой крупную наличность, это опасно, менты могут наехать.

– А как же ты торгуешь тогда? – не понял Виктор.

– Мне по мере надобности парни приносят. – Барыга вытер вспотевший лоб.

– Да...., жаль, парни сейчас не помощники, – Виктор задумчиво покрутил монету в руке.

– О, у меня к тебе предложение! Ты закрой пока лавочку свою, типа, на обед, и пойдём, прогуляемся к твоей кассе, а?

– Я не могу, – заикаясь, промямлил мужичок.

– Это ещё почему? – нахмурился Виктор.

– Меня тогда убьют, если я сдам кассу, – он присел, обхватив руками голову.

– Аргумент весомый, – хмыкнул мальчик.

– Ну, а что мне тогда прикажешь делать с товаром, братан, – Виктор участливо присел рядом с продавцом. – Мне деньги нужны, понимаешь, – и он позвенел монетами в кармане.

– Может, что подскажешь?

– А товара много? – встрепенулся барыга.

Виктор внимательно посмотрел на него. – И кто ж тебе всё-то скажет, родимый? – И укоряюще покачал головой. – Ты меня извини, но ты сам виноват, не оправдал доверия. Из-за какой-то паршивой монеты здоровья собирался меня лишить, я уж не беру больше, – мальчик поднял указательный палец, – усекаешь?

– Да, да, я понимаю, сам дурак, жадность сгубила, – барыга мелко затряс головой. – Но, может, договоримся? Я могу взять ещё десять монет, если ты только цену скинешь.

– И на сколько? – хмуро поднял бровь Виктор.

– Ну, на 30%, – барыга алчно глянул на карман мальчика.

– Не..., могу только на десять, – лениво процедил Виктор.

– Ну, хоть на пятнадцать? – барыга закусил от волнения кулак.

Виктор пожевал губами, будто что-то считая, хмуро посмотрел на сжавшегося мужичка и кивнул.

– Хорошо, но берёшь сто штук сразу.

– Сколько? – у мужика перехватило дыхание. – Ты что, клад нашёл?

– Ну, я ж у тебя не спрашиваю, где ты деньги печатаешь? – Виктор грозно посмотрел в глаза барыге.

– Ладно, ладно, не горячись, я согласен. Но мне нужно время, чтобы деньги собрать. Сам понимаешь, сумма не маленькая.

– Сколько?

– Чего сколько?

– Сколько тебе нужно времени: час, два? – Виктор демонстративно зевнул.

– Ты что, дня три.

– Ладно, умеешь ты, дядя, уговаривать. Три, так три. Но сейчас, кровь из носа, но десять у меня купи.

Барыга тяжело задышал. – Ладно. – И набрал номер. – Слива, – рявкнул он в трубку, – бегом неси, – и он назвал стоимость десяти монет. – Мухой что б. – Выключив телефон, посмотрел на мальчика. – Сейчас будут.

– Надеюсь без такого же сопровождения, что в туалете отдыхают? – хищно улыбнулся Виктор.

– Нет, нет, всё по чесноку, – шарахнулся барыга.

Минут пять они, молча, слушали приятный женский голос из кассетника скупщика, читающий сказки:

Было это в другом царстве, но не в нашем государстве.

Тридцать лет солдат служил и в отставку угодил.

Вышел он пешком из части и пошёл искать по свету счастья.

Долго ль коротко он шёл, но устал и пень нашёл.

Пень у озера стоит, и солдат на пне сидит.

Хлеб жуёт и мыслит тяжко: – как прожить в одной рубашке,

Где мне жить, и чем заняться, может, к чёрту мне наняться?

Только вымолвить успел, черт уж тут, когда поспел.

– Что, солдат, работы надо? Дам работу и награду.

Все желания исполню, только есть одно условие.

Должен ты пятнадцать лет жить вот так, как ты одет.

И не стричься, и не бриться, и соплей не утирать.

В бане больше то ж не мыться, и одежду не менять.

Ну, солдат недолго думал: – Ладно, мне не привыкать.

Отвали мешок мне злата и до города доставь.

Жил теперь солдат в столице, дом просторный он купил.

Мог богатством похвалиться, денег черт ведь отвалил.

С каждым днём он всё богаче, денег куры не клюют.

Но, зарос, соплей испачкан, да и вши всё тело жрут.

Стойко держится солдат, хоть уговору и не рад.

И решил он, чем копить, деньги лучше раздарить.

Стал он бедным помогать, с нищеты их всех спасать.

Слух о щедрости такой тоже проник в царя покой.

Ну, а царь сидел в тоске, деньги кончились в казне.

И грозила тут напасть, ему с престола-то упасть.

Тут приносят ему весть, что в столице солдат есть.

Сей солдат известен златом, но живёт сам не богато.

Царь готов хоть к черту в рай. А ну, солдата вызывай!

Привели к нему солдата, царь дивится, где же злато?

Но гордыню смог стерпеть и заводит такую речь.

Мне сказали, ты богат, за тебя я очень рад.

Не одолжишь денег мне, пусто у меня в казне.

Я вот войско содержу, второй месяц не плачу.

Не дай бог, случись войнушка, нечем заряжать мне пушки.

Про овёс не говорю, лошадей травой кормлю.

Долго царь перечислял, куда тратит капитал.

Солдат молча его слушал, а потом шепнул на ухо.

– Царь-отец, ты не ори и меня сумеи пойми.

Денег так ты хочешь взять или в долг их посчитать?

Если так, тогда на что, если в долг, тогда за что?

Царь смущённо покраснел: – Что, солдат ты бы хотел?

– Ну, а что с тебя возьмёшь, разве только в жёны – дочь?

Царь обрадовался весь, у него ж три дочки есть.

А сейчас-ка ты постой, нарисуют образ твой.

Его дочкам покажу и решения спрошу.

Царь зовёт трёх дочерей: заходите вы скорей.

Нужен мне от вас ответ, вы мне – дочки или нет?

У меня плохи дела, денег нет, казна пуста.

Но нашёлся тут солдат, одолжить он денег рад.

Но ему нужна жена, да не три, всего одна.

Он, конечно, своеобразный, но богат. Ну, вы согласны?

Вот портрет его, смотрите, да носы не воротите!

Он – последнее спасенье и престола утешенье.

Старша дочь на лик взглянула, сразу нос свой отвернула.

– Да, жених на стог похож, черт по мне и то хорош.

Только, – черт – сказала слово, тот уж здесь, душа готова.

Дочь другая подошла, посмотрела, отошла.

– К черту в рай и то милей, там не видно хоть соплей.-

Черт смеётся, он доволен, две души уже в неволе.

Третья дочь к отцу подходит и тихонько ему молвит:

– Я согласная, отец, идти с солдатом под венец.

Я свой долг исполню свято, выйду замуж за солдата.

Я ведь помню, чья я дочь, и готова вам помочь.

Царь аж слёзы уронил, дочку всё же он любил.

Он гонца тотчас послал, чтоб солдат решение знал.

А солдат тут чёрта звать, царю золота давать.

Чёрт насыпал двадцать бочек. Ну, вези, солдат, ворочай.

А солдат позвал наряд, тот помочь солдату рад.

Бочки дружно повалили и к царю их покатили.

Царь доволен: – Есть казна, нищета нам не страшна.

Стал он свадьбу собирать, да солдата прославлять.

А солдат и сам доволен, кончен срок его неволи.

Уж пятнадцать лет прошло, за расчётом чёрт пришел.

Вот солдат и говорит: – Поменяй теперь мой лик.

Сделай молодцем меня. Иль хвалился ты всё зря.

Черт солдата раз – в котёл, поварил, опять достал.

Окунул в воду ключа – получите молодца!

Дочь царя, как увидала, так от счастья зарыдала.

Тут и свадьбку сыграли, их с солдатом обвенчали.

Царь солдату очень верил и дела свои доверил.

Сам ушёл цветы растить, а солдат страной рулит.

В это время старший чёрт слушал младшего отчёт.

Про солдата, как узнал, чуть его не наказал.

Пятнадцать лет солдат терпел, и ты его ничем не сбил.

Тот оправдываться стал, мол, солдат сам устоял.

А вот доченьки царя помянули меня зря.

Я их души уже взял, в свою книгу записал.

Ну, хоть в этом ты удачен, – старший черт был очень мрачен.

Суть сей сказки то ж проста, думай, прежде чем открыть уста.

Чёрта все поминать – можешь душу потерять.

– Вона как! – ткнул Виктор пальцем в приёмник. – Везде сила нужна!

Появился запыхавшийся пацан лет тринадцати и молча уставился на скупщика.

– Принёс? – Протянул тот к нему руку. Пацан вложил в ладонь завернутую в газету пачку. – Свободен! – И тот также молча исчез.

– Держи, – барыга передал свёрток Виктору. Тот неторопливо его развернул и пересчитал деньги, а крупные, проверяя на подлинность.

– Не доверяешь? – скривился барыга.

– Тебе? – Виктор скептически оглядел его с ног до головы, – нет! – Мужик аж перекопился от злости, но смолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.